СЕМЕЙНЫЯ ЗАПИСКИ

Т. ТОЛЫЧОВОЙ.

Люблю отъ бабушки московской
Я толки слушать о роднѣ,
О толстобрюхой старинѣ.

А. Пушкинъ.

МОСКВА.
Въ типографіи Бахметева.
1865.

Дозволено цензурой. Москва, 5-го Іюня, 1865 года.

Посвящается восьмилѣтнему моему племяннику Юрію Александровичу Н.

Давно оцѣнены интересъ и значеніе записокъ и семейныхъ воспоминаній всякаго рода. Лишь бы онѣ были составлены добросовѣстно безъ прикрасъ, въ нихъ непремѣнно отразится характеръ времени, къ которому онѣ относятся. Тутъ даже не требуется таланта. С. Т. Аксаковъ составляетъ счастливое исключеніе, но у всякаго есть своя семейная хроника. Вотъ почему я рѣшилась соединить въ одинъ томъ мои воспоминанія, напечатанныя частію въ *Русской Рѣчи*, и частію въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Одни составляютъ необходимое пополненіе другихъ. Въ это изданіе вошли

также новые отрывки, еще не напечатанные. Все достоинство моихъ записокъ заключается въ строгой истинѣ ихъ изложенія, но смѣю надѣяться, что и по этому скромному достоинству онѣ представятъ какой-нибудь интересъ для читателя.

Т. Толычова.

I.

Семенъ Васильевичъ.

Стариковъ когда нибудь
. . . .
Надо будетъ помянуть,
Помянуть и этихъ нужно.

А. Пушкинъ.

Трудно въ наше время говорить о своихъ предкахъ: нынѣшнее русское общество не заражено родословнымъ духомъ, и слава Богу! Мнѣ кажется однако, что принципъ этотъ, какъ и всякій другой, можетъ найдти свое историческое оправданіе; если онъ существовалъ, то значитъ онъ имѣлъ въ свое время право на существованіе. Если онъ отжилъ свой вѣкъ, и палъ подъ напоромъ новыхъ идей, то въ немъ все-таки слѣдуетъ уважать ту долю нравственной мысли, которая породила его.

Къ тому же есть прирожденное человѣку чувство, которое едва-ли не переживетъ всѣ исто-

рическіе перевороты: это чувство—законная гордость, съ которою мы сознаемъ, что намъ была передана честная и неиспорченная кровь. Съ дворянскимъ или рыцарскимъ предразсудкомъ это чувство не связано неразрывно: я полагаю, что этотъ предразсудокъ ни что иное, какъ форма, въ которую извѣстная эпоха облекла это естественное чувство. Форма вымерла, какъ вымираетъ всякая форма; чувство осталось, потому что всякое чувство безсмертно. Рядомъ съ девизомъ: *Noblesse oblige,* который съ гордостью провозглашался благороднымъ рыцаремъ, я укажу на одно знакомое мнѣ въ Каширскомъ уѣздѣ и извѣстное во всемъ околоткѣ своею честностью крестьянское семейство. Это семейство, боронуя землю, не безъ гордости также говоритъ: «Намъ срамиться не приходится: мы Семеновы». И отецъ будетъ передавать сыну, что Семенъ, имя котораго перешло къ нимъ *въ прозвище*, говорилъ дѣтямъ умирая: «Живите честно, чтобы мнѣ и на томъ свѣтѣ любо было». Врядъ ли самый искренній демократъ вспомянетъ съ удовольствіемъ о томъ, что его отецъ или дѣдъ былъ палачемъ.

Итакъ, если наши предки заслуживаютъ уваженія, уважимъ ихъ память, какое бы имя они намъ не передали, и какою бы дѣятельностію не наполняли свою жизнь, мирно ли они владѣли плугомъ, честно ли они сложили свою голову на защиту родины. Было бы также мелочно стыдиться скромнаго имени однихъ, какъ и знатнаго рода другихъ.

Мы происхожденія норманскаго. Наши неусидчивые предки искали счастія и въ Польшѣ, и въ Ливоніи, наконецъ поселились въ Россіи, служили ей вѣрой и правдой, и по обычаю людей родословныхъ, бывшихъ въ боярахъ, служили почти исключительно на военномъ поприщѣ: со дня Куликовской битвы до Польской кампаніи 1830 года погибло въ сраженіяхъ болѣе двадцати нашихъ родичей.

Мы были когда-то богаты, но въ первыхъ годахъ XVIII столѣтія князья Г*** вступили съ нами въ тяжбу. Интересные документы по этому дѣлу хранятся у насъ до сихъ поръ. Василій Яковлевичъ Н***, человѣкъ съ вѣсомъ, велъ дѣло отъ лица всѣхъ своихъ, но его вліяніе было ничтожно въ сравненіи со всемогуществомъ князя Меншикова. По исторіи этого любопытнаго процесса можно прослѣдить всѣ фазисы политической жизни временщика. Дѣло не рѣшается при Петрѣ: Меншиковъ боится Петра, а юстиція боится Меншикова. При Екатеринѣ I исполняется раболѣпно воля *генералъ-поручика Россіи*. Наконецъ, паденіе его при Петрѣ II перерѣшаетъ дѣло въ нашу пользу. Затѣмъ, въ продолженіи тридцати семи лѣтъ мы владѣли безспорно нашимъ имѣніемъ; но вдругъ, нежданно-негаданно, оно у насъ отнято однимъ почеркомъ пера, и отдано князю Г***.

Прадѣдъ мой, Семенъ Васильевичъ и его братья бодро перенесли разразившійся надъ ними ударъ, продали свой конный заводъ, свой старинный московскій домъ, скромно выстроились въ дальней

части города, на мѣстѣ, отведенномъ прежде подъ конюшни для *неѣзжалыхъ* лошадей, и по выраженію уцѣлѣвшихъ документовъ, *съ благословенія матери своей*, раздѣлили между собою оставшееся за ними имѣніе, и зажили по пословицѣ: «по одежкѣ протягивай ножки». (*)

Въ своей старости Семенъ Васильевичъ любилъ вспоминать о прежнемъ блескѣ семейства, и часто разсказывалъ своей невѣсткѣ, моей бабушкѣ, о подробностяхъ нашего процесса съ Г***. Старикъ каждый разъ упоминалъ о печальной судьбѣ лицъ, участвовавшихъ въ нашемъ разореніи, или воспользовавшихся имъ: дѣлецъ, хлопотавшій за нашихъ противниковъ, подвергся торговой казни, говорилъ онъ, Меншиковъ умеръ въ Березовѣ, князь Борисъ Алексѣевичъ Г*** въ покаяніи и схимѣ, а тотъ изъ его наслѣдниковъ, которому досталась бо́льшая часть нашего имѣнія, погибъ на праздникѣ съ молодою женой подъ обрушившимися палатами князя Масальскаго, что̀ случи-

(*) Довольно любопытно слѣдующее обстоятельство. Одинъ изъ братьевъ Н. Василій Васильевичъ рѣшился переѣхать на житье въ деревню; но доставшееся ему имѣніе было гдѣ-то въ Костромѣ, или въ Вологдѣ, и онъ, не желая забиваться вдаль, купилъ въ Михайловскомъ уѣздѣ маленькую деревеньку, принадлежащую нынѣ моему брату. Эта деревенька прозывается Суворовкой. Доискиваясь историческаго происхожденія этого имени, братъ нашелъ, что Суворовка, до заселенія своего, называлась Пустошь-Петровъ Крестъ. Принимая въ соображеніе, что Петръ I-й былъ воспріемникомъ отца великаго Суворова, едва-ли не слѣдуетъ допустить, что Суворовка была пустошью, пожалованною Государемъ на крестъ Василью Ивановичу Суворову.

лось въ годовщину дня, почему-то особенно замѣчательнаго въ исторіи неправаго процесса. «Всякая неправда жди наказанія», прибавлялъ обыкновенно старикъ въ заключеніе своего разсказа, и вся жизнь его отличалась ненавистью къ неправдѣ.

Дослужившись до бригадира, онъ за болѣзнію и ранами перешелъ въ гражданскую службу. Прощаясь съ нимъ, офицеры его полка поднесли вермелевый кубокъ безупречному начальнику и хлѣбосольной его *сожительницѣ*. Манифестаціи такого рода были въ то время рѣдкостью. Семенъ Васильевичъ прослезился, но рѣшительно отказался отъ богатаго подарка, и просилъ своихъ сослуживцевъ заказать ему на Измайловскомъ заводѣ стеклянный кубокъ съ тою же надписью, Скромный подарокъ, который онъ берегъ какъ сокровище, уцѣлѣлъ до сихъ поръ, и восьмилѣтнему праправнучку Семена Васильевича разсказываютъ его исторію.

Онъ любилъ лошадей и охоту, и перейдя въ гражданскую службу, улучалъ иногда свободное время, чтобы съѣздить въ свою подмосковную, полюбоваться на небольшой конный заводъ, и взять два-три поля съ гончими. Разъ, пока онъ охотился, явились къ нему на поклонъ купцы, замѣшанные въ дѣлѣ, рѣшеніе котораго зависѣло отъ моего прадѣда. Въ это время мало вѣрили въ судейскую неподкупность, и купцы, знавшіе, что Семенъ Васильевичъ отказывается отъ взятокъ, рѣшили, что онъ вѣроятно боится огласки, и улучили удобную минуту, чтобы предложить ему по-

дарокъ втихомолку. Они знали, что онъ человѣкъ небогатый, знали его пристрастіе къ лошадямъ, и надѣялись прельстить его двумя великолѣпными цугами. Въ ту минуту, какъ челобитчики остановились у воротъ съ своимъ обозомъ, Семенъ Васильевичъ возвратился съ поля. Не вспомнилъ онъ себя, когда узналъ въ чемъ дѣло: въ старикѣ заговорила со всею силой молодости его горячая кровь: «Трави ихъ! спускай собакъ!» крикнулъ онъ своимъ охотникамъ. Приказаніе было исполнено, и не безъ увѣчья выбрались изъ деревни купцы съ своими породистыми лошадьми.

Разсказъ объ этомъ происшествіи мы слышали между прочимъ отъ старика, который умеръ на нашей памяти. «Мой батюшка часто объ этомъ вспоминалъ, говорилъ онъ. Онъ былъ тогда доѣзжачимъ при покойномъ генералѣ. Сказывалъ, что кони-то были ужъ больно хороши. Кабы тогда не погорячился старый баринъ, знатный былъ бы у насъ теперь заводъ.»

Мой прадѣдъ былъ вспыльчивъ, но добръ, ласковъ и гостепріименъ, и пользовался заслуженнымъ уваженіемъ и любовью въ кругу знакомыхъ и многочисленной родни. Онъ былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, когда его родственники и пріятели поднесли ему въ день именинъ гербовую печать съ девизомъ: *правда*. Въ этомъ девизѣ есть геральдическая невѣрность, но за то вѣрная оцѣнка всей жизни старика.

—

II.

Василий Семеновичъ (*).

Sa main, pour un serment, valait les mains royales...

V. Hugo.

Дѣдушка мой, единственный сынъ Семена Васильевича, очень гордился древностію своего рода, своимъ незапятнаннымъ гербомъ и въ особенности девизомъ, завѣщаннымъ ему отъ отца: *правда*. Этому девизу онъ оставался вѣренъ весь свой вѣкъ, и въ свою очередь завѣщалъ его, умирая, своимъ потомкамъ.

Онъ женился еще при жизни Семена Васильевича, и домъ старика оживился присутствіемъ красивой восьмнадцатилѣтней хозяйки. Молодые веселились и много выѣзжали въ свѣтъ, и моя бабушка любила, въ старости, вспоминать объ этомъ

(*) Эта эпоха такъ уже близка къ намъ, что я рѣшилась измѣнить собственныя имена.

времени: «Генеральство было тогда рѣдкостью, и очень уважалось; не то что теперь, говорила она. Мнѣ часто случалось слышать, входя въ церковь, въ собраніе, или въ магазинъ: это невѣстушка генерала Н***, и мнѣ уступали мѣсто, и прислуживались». И старушка прибавляла обыкновенно, сѣтуя о развратѣ нашего времени: «А нынче все ни почемъ.»

Василій Семеновичъ, послѣ кончины своего отца, вступилъ во владѣніе всѣмъ наслѣдствомъ, которое состояло изъ большаго дома въ Москвѣ и трехсотъ душъ. Семенъ Васильевичъ, за служебными недосугами, не заглядывалъ никогда въ тверское имѣніе, которое пришло въ упадокъ, и стало давать очень скудные доходы. Отсутствіе правильнаго надзора, грабительство начальниковъ и сосѣдство торговыхъ селъ совершенно разорили крестьянъ. Они стали промышлять конокрадствомъ, и Воробново сдѣлалось притономъ воровъ и гулякъ всего околотка. Дѣдушка мой рѣшился приложить къ нему руки. Онъ не любилъ ничего откладывать до завтра; выписалъ немедленно старосту, отыскалъ подрядчика, и приказалъ приступить къ постройкѣ дома, благо лѣсу въ имѣніи было вдоволь. «Крестьяне не видали никогда своихъ господъ, разсказывала моя бабушка, и пришли въ ужасъ, когда узнали, что мы собираемся жить въ Воробновѣ.» Они посовѣтовались, и нашли наконецъ радикальное средство для отвращенія предстоявшей имъ напасти: сожгли только что выстроенный домъ. Но моего дѣда было одинаково трудно и напугать,

и переспорить. Узнавъ о пожарѣ, онъ тотчасъ потребовалъ лошадей, и отправился въ Воробново.

Братъ мой, которому досталось въ послѣдствіи имѣніе, слышалъ объ этомъ дѣлѣ интересный разсказъ отъ стараго крестьянина: «Послали объявить въ городъ, говорилъ онъ, а тѣмъ временемъ дѣдушка вашъ пріѣхалъ, и самъ все дѣло разобралъ. И вѣдь какъ? все тихимъ манеромъ, никого щелчкомъ не тронулъ. Потребовалъ на лицо всѣхъ молодцовъ, которые были мало-мальски на замѣчаніи (а народъ у насъ со всячинкой былъ), и давай каждаго спрашивать, да съ первыхъ словъ и спозналъ, кто правъ, кто виноватъ: какъ ножомъ отрѣзалъ, ни въ одномъ человѣкѣ не ошибся. Ума палата была! Кого сейчасъ домой отпустилъ, а кого подъ караулъ посадилъ; да тѣмъ же днемъ *суподъ* караула еще разъ опросилъ, сперва по одиночкѣ, а потомъ всѣхъ вмѣстѣ. Ну, дѣло извѣстное: стали путать, да другъ на дружку выводить; такъ все дѣло и вышло наружу. Пріѣхали судейскіе, да только одинъ денекъ у насъ и погостили, а то сколько бы они народу понапрасну перепытали! Вотъ что̀ настоящій баринъ-то значитъ!» заключилъ разскащикъ.

Разобравъ дѣло и наказавъ виновныхъ, мой дѣдушка собралъ мірскую сходку и объявилъ крестьянамъ, что онъ свою усадьбу поставитъ на другомъ мѣстѣ, то-есть въ самой серединѣ села, такъ что въ случаѣ новаго пожара и самимъ мужичкамъ жутко придется. Кромѣ того, онъ имъ

сказалъ, что съ оброка переводитъ ихъ на барщину. «Вы нищіе, потому что негодяи и тунеядцы», прибавилъ онъ. «Я васъ пріучу къ работѣ, исправлю васъ, и тогда опять посажу на оброкъ. Я никого не притѣсняю, и до наказаній не охотникъ, но если кто самъ на наказаніе напрашивается, такъ не прогнѣвайся: потачки не дамъ. Шутить я тоже не люблю, и совѣтую держать ухо востро.»

Какъ скоро новый домъ былъ выстроенъ, дѣдушка мой поселился въ Воробновѣ, принялся за дѣло, и все закипѣло подъ его руками. Онъ вставалъ съ восходомъ солнца и отправлялся на работу. Трудно ему было сладить съ привычками лѣни и нерадѣнія крестьянъ, но крестьяне могли скоро убѣдиться, что баринъ дѣйствительно шутить не любитъ, и что надо держать ухо востро. Онъ имъ на первыхъ порахъ показался немного крутенекъ, потому что былъ неумолимъ къ ворамъ и мошенникамъ: кому лобъ забрилъ, кого въ ссылку послалъ. За то правый шелъ къ нему смѣло: зналъ, что баринъ даромъ не обидитъ, и врядъ ли кто во всемъ околоткѣ неизмѣнно придерживался, кромѣ моего дѣдушки, вновь вышедшаго тогда закона о трехъ-дневной барщинѣ.

Наконецъ, мало-по-малу, гуляки и воры перевелись, запущенныя поля стали обрабатываться на славу, чахлая крестьянская скотина начала жирѣть и умножаться, и у сосѣднихъ мужичковъ ввелось въ поговорку, что *Воробновскимъ умирать не надо*.

Великое было горе, когда скончался мой дѣдушка:

водили малыхъ ребятъ поклониться его праху, да выслушать по немъ панихиду, и твердили имъ отцы и матери, чтобъ они его помнили, да поминали на молитвахъ, потому что такого барина имъ уже не нажить, и многіе еще годы послѣ его смерти, въ приходской церкви, діаконъ, по воскресеньямъ, молился на эктеньѣ, объ «упокоеніи души болярина Василья».

Когда семейство переѣхало въ Воробново, оказалось, что на селѣ много кликушъ, и на нихъ всегда *находило* черезъ день, то-есть по барщинскимъ днямъ, и что эти припадки недуга обнаруживаются обыкновенно въ церкви, во время *Херувимской*. Узнавъ о такой напасти, мой дѣдушка приказалъ управляющему повѣстить бабамъ, что онъ въ воскресенье придетъ къ обѣднѣ, и всѣхъ кликушъ прикажетъ привести къ себѣ, потому что умѣетъ ихъ лѣчить.

Въ слѣдующее воскресенье онъ явился въ церковь съ бабушкой, и сталъ около амвона. Какъ только раздалась *Херувимская*, какой-то голосъ въ толпѣ прокричалъ нетвердо: ку-ка-ре-ку. Дѣдушка мой обернулся, погрозилъ пальцемъ, и все замолкло, кромѣ клироснаго пѣнія.

Когда стали выходить изъ церкви: «А кто же это пѣтухомъ-то кричать принимался?» спросилъ Василій Семеновичъ.—«Не я! Видитъ Богъ, не я! Да я возлѣ твоей самой милости и стояла,» раздалось со всѣхъ сторонъ.—«Ну должно быть я самъ прокричалъ,» сказалъ мой дѣдушка, смѣясь: «у меня знать рука легка, разомъ вылѣчилъ. А

если что̀, помилуй Богъ, опять приключится, такъ милости просимъ ко мнѣ.» И съ тѣхъ поръ о кликушахъ слуха не было.

Много слышала я разсказовъ о моемъ дѣдушкѣ. Его Богъ одарилъ крѣпкою природой. Онъ сознавалъ свою силу, и не старался выказывать ее, а напротивъ сдерживалъ ее, и она проглядывала невольно. Голоса онъ никогда не возвышалъ, а передъ его голосомъ все смирялось. Во время своего долгаго пребыванія въ деревнѣ, онъ познакомился со всѣмъ околоткомъ, и его слово сдѣлалось скоро закономъ для всѣхъ. Сосѣди часто выбирали его третейскимъ судьей въ своихъ домашнихъ распряхъ, и на его рѣшеніе не было уже аппелляціи. Я знала старушку, которая доводилась ему племянницей въ третьемъ колѣнѣ, и она мнѣ часто разсказывала про него. «Вѣдь вотъ диковина какая, говорила она, ни на кого онъ не крикнулъ, а и въ голову не приходило сдѣлать что-нибудь противъ его воли. А ужъ кто зналъ за собою грѣхъ, такъ тотъ и взглянуть на него не смѣлъ.»

Но боялись его однако лишь въ извѣстныхъ случаяхъ. Нравственная его сила и непреклонная воля не придавали ни угрюмости его характеру, ни суровости его пріемамъ. Онъ обыкновенно былъ веселъ, и даже смѣшливъ, если не былъ чѣмъ-нибудь озабоченъ. Расположеніе его духа показывало, какъ вѣрный барометръ, настроеніе всего семейства. Веселъ Василій Семеновичъ, и всѣ улыбаются около него, нахмурился онъ, и всѣ говорятъ шепотомъ, хотя твердо знаютъ, что онъ

своего горя или досады не выместитъ на невинномъ.

Объ отношеніяхъ его къ родственному кругу и говорить нечего. Положеніе главы семейства онъ наслѣдовалъ отъ Семена Васильевича, и поддерживалъ это положеніе своимъ личнымъ характеромъ. И близкая, и дальняя родня находились у него въ совершенномъ повиновеніи. Любопытна уцѣлѣвшая его переписка съ его двоюродною сестрой Марьей Васильевной Л***. Она была женщина замужняя, и въ добавокъ однихъ лѣтъ съ моимъ дѣдомъ. Недовольный ея объясненіемъ по одному семейному дѣлу, онъ ей пишетъ: «Не дури и не виляй хвостомъ, а помни, что̀ говаривалъ батюшка: всякая неправда жди наказанія.» Марья Васильевна пишетъ ему *вы*, и повинуется ему безпрекословно.

Былъ однако примѣръ, и о немъ всѣ разказывали съ ужасомъ: одна изъ родственницъ поступила противъ его воли. За ея дочь, дѣвушку съ состояніемъ, сватались въ одно время двое молодыхъ людей. Обратились за совѣтомъ къ Василью Семеновичу, и онъ назначилъ жениха, но не того, котораго втайнѣ предпочитали и мать, и дочь. Цѣлый годъ, и всѣми возможными путями старались они склонить его въ пользу другаго жениха, и заставить отказаться отъ своего слова. Но онъ повторялъ упорно, что «П***. ему въ родню не годится,» и наскучивъ настойчивостію своей родственницы, кончилъ тѣмъ, что отказалъ ей на отрѣзъ отъ своего дома. Молодая дѣвушка вышла

за П***, и вѣроятно не разъ раскаивалась въ своемъ несчастномъ выборѣ. Мужъ ея дѣйствительно оказался дряннымъ человѣкомъ. Недаромъ Василій Семеновичъ довѣрялся своимъ впечатлѣніямъ.

Съ самаго дня свадьбы, ни мать, ни дочь не пропустили ни одного торжественнаго дня, чтобы не написать къ моему дѣдушкѣ, не поздравить его и не умолять о прощеніи. Но онъ не отвѣчалъ на письма—и не простилъ.

Онъ, какъ и отецъ его, служилъ въ военной службѣ. Женившись, онъ вышелъ въ отставку, и поселился, какъ мы видѣли, въ деревнѣ. Тутъ онъ постоянно уклонялся за недостаткомъ средствъ отъ предводительства, говоря, что «при ребятахъ надо думать о телятяхъ.» Но случилось, что въ сосѣднемъ уѣздѣ, гдѣ у него былъ шаръ, года за два до новыхъ выборовъ, смерть, отставка и перемѣна службы совершенно очистили уѣздный судъ: дворяне съѣхались баллатировать судью и готовились выбрать негодяя; тогда Василій Семеновичъ изъявилъ желаніе баллатироваться самъ, и былъ выбаллатированъ единогласно. Онъ переѣхалъ въ городъ, и до новыхъ выборовъ правилъ почти постоянно, кромѣ судейской, еще другія должности.

Когда онъ принялъ мѣсто, въ судѣ было довольно запутанное дѣло, и просители явились къ нему, по обычаю, съ серебрянымъ сервизомъ и съ медвѣжьею шубой. «Отецъ мой,» сказалъ онъ имъ, едва сдерживая свой гнѣвъ и не дослушавъ

приготовленной заранѣе рѣчи: «затравилъ собаками купцовъ, предлагавшихъ ему взятку. Вы можете убѣдиться, что и у меня собака надежная.» Тутъ онъ отворилъ окно, и показалъ имъ огромнаго цѣпнаго пса. Тѣ переглянулись. Василій Семеновичъ погрозилъ на нихъ пальцемъ: «Совѣтую помнить,» прибавилъ онъ. Челобитчики, сконфуженные такими неслыханными рѣчами, разошлись по домамъ, и рѣшили, вѣроятно, что должно-быть новый судья человѣкъ опасный.

Для иныхъ онъ оказался дѣйствительно человѣкомъ *опаснымъ*, но многіе сохранили о немъ другое воспоминаніе. Лѣтъ тридцать послѣ разсказанной мною сцены, отецъ мой проѣзжалъ городомъ***. Какъ скоро разнесся слухъ, что сынъ Василья Семеновича стоитъ въ гостинницѣ, номеръ, занятый моимъ отцемъ, наполнился посѣтителями. Всѣ желали взглянуть на него, и старики говорили со слезами на глазахъ, что онъ похожъ на покойника; многіе уговаривали его снять военный мундиръ и перейдти къ нимъ на службу. Онъ часто говаривалъ, что день этотъ причисляетъ къ самымъ свѣтлымъ своимъ воспоминаніямъ.

Бабушка моя говорила, что съ нимъ она была примѣрно счастлива, и никогда не вспоминала о Василіи Семеновичѣ безъ глубокаго вздоха или безъ искренней слезы. Судя по ея разсказамъ видно, что мужъ любилъ ее и щадилъ, какъ ребенка, который ввѣрилъ ему свою судьбу, и очень дорожилъ ея безграничною къ нему привязанностію, но держалъ ее строго. Она была женщина добрая

слабая характеромъ и далеко не глупая, но разницы между собой и мужемъ она измѣрить никогда не могла, и не понимала, что она ему была не по плечу, хотя всегда говорила о немъ съ чувствомъ того уваженія, которое мы инстинктивно питаемъ къ мощнымъ, выходящимъ изъ общаго разряда натурамъ. Мой дѣдушка былъ человѣкъ замѣчательно образованный по своему времени. Среда, въ которой онъ жилъ, была для него очевидно тѣсна, но никто изъ окружающихъ и не подозрѣвалъ этого. Было время, когда онъ не могъ обойтись безъ образованнаго общества и страстно любилъ музыку, чтеніе, и въ особенности итальянскую литературу, но съ переселеніемъ въ Воробново пришлось проститься со всѣмъ. Бабушка иногда спрашивала у него съ безпокойствомъ, не тоскуетъ ли онъ объ оставленныхъ занятіяхъ и о покинутомъ кружкѣ.

—Что̀ это тебѣ вздумалось, Маша? отвѣчалъ онъ,—добрые люди есть вездѣ, а развѣ здѣсь у меня мало занятій?—И она успокоивалась.

По мѣрѣ того, какъ увеличивалось семейство, Василій Семеновичъ, работая безъ устали, чтобъ оставить дѣтямъ независимый кусокъ хлѣба, отказывался отъ всѣхъ привычекъ, привитыхъ роскошью, и ограничился наконецъ тѣмъ, что̀ предписывала самая строгая необходимость. Что же касается до бабушки, то, до своего замужства, она жила въ Петербургѣ, среди того, что̀ называется *le cercle élégant;* но повинуясь безпрекословно и даже безъ усилія малѣйшему слову мужа, она пошла

по дорогѣ, которую онъ ей указалъ. Василья Семеновича ничто не могло сломить; его сильная природа устояла въ насильственномъ отчужденіи отъ людей и въ удушливой хозяйственной атмосферѣ. Онъ умѣлъ подавлять свои желанія и порывы, но эти порывы и желанія не заглохли, подъ вліяніемъ мелочныхъ потребностей, до послѣдней минуты его жизни. Заѣдетъ бывало въ Воробново, среди темнаго зимняго вечера, какой-нибудь пріятель изъ Москвы, да привезетъ новую книгу, и сидитъ съ нимъ Василій Семеновичъ да толкуетъ вплоть до утра. Но дѣла все-таки онъ не забывалъ. Вздремнувъ немножко, онъ встанетъ еще при огнѣ, велитъ заложить санки, объѣдетъ всѣ работы и возвратится домой, пока проѣзжій, утомленный долгою дорогой, еще спитъ глубокимъ сномъ. Но среда, на которую была обречена бабушка, подавила слабую женскую природу. Съ каждымъ днемъ втягивалась она все болѣе и болѣе въ дрязги мелочнаго хозяйства, не замѣчала сама какъ мало-по-малу забывала усвоенныя съ дѣтства привычки, отдалялась отъ сферы, въ которой родилась, и стала наконецъ свободно дышать въ пошлой средѣ провинціяльныхъ сплетень. Василій Семеновичъ и не пытался предохранить ее отъ ихъ заразы. Онъ понималъ, что не можетъ ничего дать ей въ замѣнъ, и что въ себѣ самой она не найдетъ удовлетворенія.

Отецъ мой и старшій дядя, окончивъ курсъ наукъ, поступили—первый въ иностранную коллегію, а второй въ морскую службу, и пріѣхали въ Во-

робново, чтобы повидаться съ семействомъ и показаться въ мундирахъ, которые льстили ихъ юношескому самолюбію.

—Вы уже не дѣти, сказалъ имъ мой дѣдушка, —и должны знать свое состояніе. Вамъ необходимо приличное содержаніе, и это вы получите, но прихотей вы себѣ позволять не можете. Мнѣ самому ничего не нужно; мнѣ довольно стараго кафтана и изношенныхъ сапогъ, но вы не вправѣ разсчитывать на лишній грошъ, потому что его приходилось бы отнять у вашего меньшаго брата и у сестеръ; не забывайте этого. Служите честно, и не запятнайте своего имени.

Дядя мой обнаружилъ съ дѣтства суровый и крутой, не симпатическій характеръ; отецъ мой, наоборотъ, былъ особенно счастливо одаренъ природой. Дальняя родственница, о которой я имѣла уже случай упомянуть, говорила о немъ: «Мнѣ кажется, что его бы и черти полюбили. Была я одинъ разъ больна и лежала,—слышу, что въ другой комнатѣ Владиміръ что-то разсказываетъ. Не вытерпѣла,—встала и пришла. Ты, говорю, точно колдунъ какой; съ тобою и головную боль забудешь. А ужъ какой красавицъ былъ! Да что и говорить, если самъ дядюшка слабость къ нему имѣлъ. Ни за что бывало не покажетъ, да вѣдь какъ тамъ ни скрывай, а людей не обманешь.»

И дѣйствительно, дѣдушка гордился успѣхами сына, его красотой, его храбростью, которою тотъ отличался въ народную войну. Когда пришло извѣстіе, что мой отецъ былъ раненъ подъ Лейпцигомъ

бабушка и тетки горько заплакали. Василій Семеновичъ блѣдный и смущенный ходилъ по комнатѣ. «Нечего плакать», сказалъ онъ наконецъ, «рана не опасная. Хуже было бы, еслибъ онъ боялся пули.»

Двѣ мои старшія тетки воспитывались въ Москвѣ, у сестры своей матери; обѣ меньшія росли дома. Василій Семеновичъ былъ уже не молодъ, когда родился его послѣдній сынъ. Дѣдъ мой привязался къ нему страстно. Его слабость къ этому ребенку проглядывала, не смотря на всѣ его усилія еще болѣе, чѣмъ любовь его къ моему отцу. Одинъ Боренька пользовался правомъ являться во всякое время въ его кабинетъ и капаться въ его бумагахъ. Когда мальчику не здоровилось, Василій Семеновичъ вставалъ тихонько ночью и садился около его кроватки. Уѣзжая въ поле, отъ бралъ его съ собой въ дрожки, и съ нѣжною улыбкой давалъ ему возжи въ руки. Домашніе пользовались часто вліяніемъ маленькаго фаворита, чтобы выпросить у моего дѣдушки какую-нибудь важную милость, и только въ крайнихъ случаяхъ Василій Семеновичъ оставался неумолимъ къ просьбамъ сына. Эта привязанность озарила, какъ солнечный лучъ, сердце старика. Но Боренька подросъ, и настала пора отдать его въ пансіонъ. Колебался ли мой дѣдушка, объ этомъ никто не знаетъ, но онъ написалъ въ Москву, все уладилъ, далъ надлежащія инструкціи старому дядькѣ, которому поручался ребенокъ, и назначилъ день отъѣзда. Бабушка позвала священника и приказала отслужить молебенъ. Василій

Семеновичъ былъ блѣднѣе обыкновеннаго, но видимо старался превозмочь себя и поддержать бодрость сына. Когда подали экипажъ, всѣ сѣли по-русскому обычаю. Дѣдъ мой всталъ первый, всѣ поднялись за нимъ и перекрестились. Но когда расплаканный мальчикъ бросился къ нему на шею, слезы хлынули у него ручьемъ. Онъ поднялъ и крѣпко прижалъ ребенка къ своей груди, потомъ опустилъ его на полъ, вошелъ быстрыми шагами въ свой кабинетъ и ключъ щелкнулъ въ замкѣ.

Съ отъѣздомъ Бореньки, все приняло мрачный видъ въ Воробновѣ. Василiй Семеновичъ не жаловался, но грусть лежала камнемъ на его крѣпкой душѣ. Другой, неожиданный ударъ сокрушилъ его окончательно. У матери его отъ перваго мужа была дочь, Марья Львовна. Василiй Семеновичъ любилъ ее со всею нѣжностью брата. Она по бóльшей части жила въ деревнѣ съ мужемъ, и вела съ Василiемъ Семеновичемъ постоянную переписку.

Разъ Марья Львовна увѣдомила своего *батюшку-братца*, какъ она звала его, что она захворала, но по видимому не опасно. Однако, въ слѣдующiй почтовый день, мой дѣдушка былъ очень встревоженъ. Онъ нѣсколько разъ спрашивалъ, не возвратился ли посланный на почту, и приказалъ закладывать дрожки, чтобы выѣхать къ нему на встрѣчу. Между тѣмъ посланный возвратился, и бабушка уже прочла роковую вѣсть о смерти Марьи Львовны. Какъ громомъ пораженная, она отправилась въ свою образную,

и вся въ слезахъ положила земной поклонъ передъ кивотомъ. Потомъ она отерла глаза, выпила стаканъ воды, и вошла къ мужу. «Другъ мой, Василiй Семеновичъ, сказала она нетвердымъ голосомъ, пишутъ, что Марьѣ Львовнѣ стало хуже.» Онъ молча взялъ письмо у нея изъ рукъ, и развернулъ его. По мѣрѣ того, какъ онъ читалъ, смертная блѣдность покрывала его лицо; наконецъ губы задрожали, руки опустились на колѣни, и глаза уперлисъ неподвижно въ полъ. Бабушка, рыдая, бросилась къ нему на шею. Онъ долго не могъ придти въ себя, наконецъ поцѣловалъ ее, и сказалъ прерывающимся голосомъ: «Успокойся, Маша; поди, оставь меня одного.»

Тетка моя, Вѣра Васильевна, часто разсказывала мнѣ объ этомъ времени. Дѣдъ мой не выходилъ двое сутокъ изъ своего кабинета, и доступъ къ нему лишь изрѣдка разрѣшался одной только бабушкѣ. «Когда на третiй день папенька пришелъ къ обѣду, продолжала моя тетка, мнѣ показалось, что онъ постарѣлъ десятью годами. Я подошла поздороваться съ нимъ, и зарыдала. Онъ потрепалъ меня по щекѣ, поцѣловалъ нѣжнѣе обыкновеннаго, и сѣлъ за столъ. Во время обѣда онъ разспрашивалъ маменьку о ея хозяйственныхъ распоряженiяхъ. Съ тѣхъ поръ все пошло въ домѣ обыкновеннымъ порядкомъ, но долго еще все ходили на цыпочкахъ мимо папенькиной двери, а про Марью Львовну никто упомянуть не смѣлъ.»

Болѣзнь, зародышъ которой Василiй Семеновичъ давно уже носилъ въ себѣ, начала быстро развивать-

Семеновичъ былъ блѣднѣе обыкновеннаго, но видимо старался превозмочь себя и поддержать бодрость сына. Когда подали экипажъ, всѣ сѣли по-русскому обычаю. Дѣдъ мой всталъ первый, всѣ поднялись за нимъ и перекрестились. Но когда расплаканный мальчикъ бросился къ нему на шею, слезы хлынули у него ручьемъ. Онъ поднялъ и крѣпко прижалъ ребенка къ своей груди, потомъ опустилъ его на полъ, вошелъ быстрыми шагами въ свой кабинетъ и ключъ щелкнулъ въ замкѣ.

Съ отъѣздомъ Бореньки, все приняло мрачный видъ въ Воробновѣ. Василій Семеновичъ не жаловался, но грусть лежала камнемъ на его крѣпкой душѣ. Другой, неожиданный ударъ сокрушилъ его окончательно. У матери его отъ перваго мужа была дочь, Марья Львовна. Василій Семеновичъ любилъ ее со всею нѣжностью брата. Она по бо́льшей части жила въ деревнѣ съ мужемъ, и вела съ Василіемъ Семеновичемъ постоянную переписку.

Разъ Марья Львовна увѣдомила своего *батюшку-братца*, какъ она звала его, что она захворала, но по видимому не опасно. Однако, въ слѣдующій почтовый день, мой дѣдушка былъ очень встревоженъ. Онъ нѣсколько разъ спрашивалъ, не возвратился ли посланный на почту, и приказалъ закладывать дрожки, чтобы выѣхать къ нему на встрѣчу. Между тѣмъ посланный возвратился, и бабушка уже прочла роковую вѣсть о смерти Марьи Львовны. Какъ громомъ пораженная, она отправилась въ свою образную,

и вся въ слезахъ положила земной поклонъ передъ кивотомъ. Потомъ она отерла глаза, выпила стаканъ воды, и вошла къ мужу. «Другъ мой, Василій Семеновичъ, сказала она нетвердымъ голосомъ, пишутъ, что Марьѣ Львовнѣ стало хуже.» Онъ молча взялъ письмо у нея изъ рукъ, и развернулъ его. По мѣрѣ того, какъ онъ читалъ, смертная блѣдность покрывала его лицо; наконецъ губы задрожали, руки опустились на колѣни, и глаза уперлись неподвижно въ полъ. Бабушка, рыдая, бросилась къ нему на шею. Онъ долго не могъ придти въ себя, наконецъ поцѣловалъ ее, и сказалъ прерывающимся голосомъ: «Успокойся, Маша; поди, оставь меня одного.»

Тетка моя, Вѣра Васильевна, часто разсказывала мнѣ объ этомъ времени. Дѣдъ мой не выходилъ двое сутокъ изъ своего кабинета, и доступъ къ нему лишь изрѣдка разрѣшался одной только бабушкѣ. «Когда на третій день папенька пришелъ къ обѣду, продолжала моя тетка, мнѣ показалось, что онъ постарѣлъ десятью годами. Я подошла поздороваться съ нимъ, и зарыдала. Онъ потрепалъ меня по щекѣ, поцѣловалъ нѣжнѣе обыкновеннаго, и сѣлъ за столъ. Во время обѣда онъ разспрашивалъ маменьку о ея хозяйственныхъ распоряженіяхъ. Съ тѣхъ поръ все пошло въ домѣ обыкновеннымъ порядкомъ, но долго еще все ходили на цыпочкахъ мимо папенькиной двери, а про Марью Львовну никто упомянуть не смѣлъ.»

Болѣзнь, зародышъ которой Василій Семеновичъ давно уже носилъ въ себѣ, начала быстро развивать-

ся съ этого дня. Онъ крѣпился до послѣдней минуты, но наконецъ физическія силы ему измѣнили. Разъ, по возвращеніи съ поля, онъ зашатался и упалъ безъ чувствъ. Его подняли и отнесли на кровать. Съ тѣхъ поръ онъ уже не вставалъ.

Бабушка любила разсказывать о своей молодости и въ особенности о мужѣ. Я спросила ее разъ, какихъ религіозныхъ убѣжденій держался Василій Семеновичъ? Она помолчала немного. «Это до сихъ поръ мою душу мутитъ,» сказала она наконецъ. «Въ церковь онъ что-то рѣдко хаживалъ; развѣ ужъ я когда въ воскресенье войду къ нему: другъ мой, молъ, Василій Семеновичъ, не пойдешь ли сегодня къ обѣднѣ? Что-жъ, говоритъ пойдемъ. Тоже вотъ по постамъ онъ скоромное кушалъ. Очень это меня мучило, а сказать ему все какъ-то не рѣшалась. Разъ сидимъ за обѣдомъ, а я и стала угощать его пирогомъ, а на умѣ-то свое.—Славный, говорю, пирогъ; ты бы отвѣдалъ, и масла совсѣмъ не слышно.—Отказался. Подали соусъ, я его соусомъ:—Да ты, говорю, только попробуй, можетъ тебѣ по вкусу придется.—Его бывало не проведешь: тотчасъ смекнулъ въ чемъ дѣло и разсмѣямся.—Вѣдь это ты, говоритъ, со мной хитришь, Маша, тебѣ хочется меня на грибы посадить, такъ ты прямо и скажи. Что за важность! Постное такъ постное; есть о чемъ говорить! Только ужъ по утрамъ ты мнѣ разрѣши пить кофей со сливками, безъ этого я обойдтись не могу.—И съ тѣхъ поръ, продолжала бабушка, онъ всегда кушалъ постное; только вотъ этотъ

проклятый кофей! Я и теперь ума не приложу, какъ это онъ все по своему понималъ. Никогда я не помню, чтобъ онъ разговоръ навелъ на божественные предметы; ну, а если онъ о чемъ говорить не любилъ, такъ съ нимъ бывало не заговоришь. А какъ вспомню я о его кончинѣ, такъ мнѣ кажется, что онъ истинно вѣровалъ.»

— А какъ же онъ скончался, бабушка?

Марья Андреевна глубоко вздохнула.

— Вѣдь это его смерть Марьи Львовны свалила, сказала она.—Долго онъ крѣпился, мой голубчикъ, и все былъ на ногахъ, а я-то видѣла, что онъ таетъ какъ свѣчка. А ужъ какъ стало совсѣмъ худо, и вставать онъ уже не могъ, такъ онъ собралъ свои бумаги, и самъ своею рукой написалъ какъ безъ него распорядиться. Понималъ, что ему плохо. Въ это время наши войска были въ чужихъ краяхъ. Какъ пришло послѣднее письмо отъ твоего папеньки, онъ его два раза перечиталъ и задумался, да вдругъ и говоритъ: «Еще не скоро Владиміръ возвратится, а знаешь что, Маша, не послать ли за Боренькой?» Такъ у меня сердце и дрогнуло. Что же, говорю, мой другъ, можно хоть сейчасъ; мы же его давно не видали. И послали мы камердинера; славный такой былъ старикъ; ужъ я знала, что онъ дорогой не замѣшкается. Да вѣдь Москва-то не рукой подать отъ Воробнова; все-таки туда и назадъ сутокъ пять проѣхать надо. А дѣдушкѣ, на другой же день, вижу, очень стало плохо. Думала я священника ему предложить, а вымолвить не смѣю. Мы съ тетеньками

твоими отъ него не отходили; и такъ онъ къ намъ, голубчикъ мой, ласковъ былъ. Послѣ обѣда велѣлъ онъ намъ выйдти. «Меня, говоритъ, сонъ клонитъ, да и вы бы отдохнули.» Пошли мы и сѣли въ маленькой прихожей, что возлѣ спальни была. Горько всѣ плачемъ, и перемолвиться словомъ не смѣемъ. Сердце все изныло. Ужъ и не помню, долго ли мы тутъ просидѣли.....

Она остановилась, слезы дрожали въ ея голосѣ; я поцѣловала ея руку.

—Вамъ тяжело объ этомъ говорить, бабушка, сказала я.

—Ахъ, какъ не тяжело, до сихъ поръ о немъ вспомнить не могу! Человѣкъ-то какой былъ! Какъ его всѣ уважали! Да чтò и говорить! Ужъ теперь такихъ нѣтъ... Вотъ сидимъ это мы, начала она опять, помолчавъ немного,—вдругъ онъ запѣлъ, да такимъ твердымъ голосомъ. Мы всѣ встали и слушаемъ. Чтò-жъ ты думаешь? Это онъ поетъ: *Нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко*, и пропѣлъ все до конца. Я перекрестилась, отворила дверь, да такъ и бросилась къ нему; ужъ и себя не помню. Сталъ онъ меня успокоивать. «А вѣдь ты, говоритъ, вѣрно рада, что я молитву-то такъ твердо знаю.»—Какъ же мнѣ, говорю, не радоваться, посуди ты самъ; вѣдь меня многое мучитъ, да я сказать тебѣ не смѣю. «Вздоръ, говоритъ, скажи, чтò у тебя на душѣ, и я тебя вотъ чѣмъ еще потѣшу: я всѣ почти псалмы знаю наизустъ, и очень ихъ люблю, а передъ Евангеліемъ вѣкъ преклонялся.» Какъ свѣтлымъ праздни-

конъ онъ меня этимъ словомъ обрадовалъ. Видитъ онъ это, улыбается, и потрепалъ меня по щекѣ. «Я, говоритъ, знаю, чего тебѣ еще хочется. За священикомъ что ли послать?» Я зарыдала. «Не падай, говоритъ, духомъ, дѣлать нечего, пришлось разставаться. На тебѣ теперь лежитъ великая обуза, побереги себя для дѣтей.» Поцѣловалъ онъ твоихъ тетокъ, и выслалъ ихъ вонъ, а со мной долго говорилъ, и всѣмъ распорядился. На твоего папеньку онъ очень разсчитывалъ, а дядя твой, Богъ съ нимъ, великій грѣхъ на его душѣ, что онъ смутилъ послѣднія минуты отца. Прости меня Боже, я даже рада, что его тутъ не было. Василій Семеновичъ хорошо его зналъ. Все приказывалъ, чтобы папенька не давалъ ему въ обиду Бореньку да сестеръ. Какъ онъ все это мнѣ сказалъ: «теперь, говоритъ, я покоенъ; хочешь, такъ посылай за священникомъ.» Ужъ я и не помню, чтò со мной было, пока его пріобщали. Какъ ушелъ священникъ, онъ подозвалъ меня и спрашиваетъ: «Ну чтò, покойна ты теперь?» Къ ночи онъ впалъ въ забытье, да вдругъ проснулся, и смотритъ на меня; я къ нему подошла и стала его разспрашивать, какъ онъ себя чувствуетъ. А онъ на мои слова не отвѣчаетъ, да только спросилъ: «Когда Боренька пріѣдетъ?» да тутъ же закрылъ опять глаза, и уже ничего не говорилъ. А къ утру скончался.

Хранится до сихъ поръ, написаный масляными красками, портретъ моего дѣдушки. Онъ изображенъ въ пудрѣ, съ буклями на вискахъ, въ свѣт-

ло-синемъ кафтанѣ и батистовомъ жабо. Подъ неправильными линіями неискусной кисти, взоръ можетъ однако различить благородныя и строгія черты. Глядя на счастливый окладъ лица, на высокій лобъ, крупныя губы и прямой взглядъ большихъ черныхъ глазъ, вспомнишь невольно о гербовомъ девизѣ, которымъ онъ такъ гордился: *правда*.

—

III.

Двѣ монахини.

На землѣ все битва,
Но въ тебѣ живетъ покой,
Сила да молитва.

Огаревъ.

Тебя не выкупитъ моленье,
Тебѣ молитва не дана.

Григорьевъ.

Послѣ кончины своего мужа, моя бабушка переѣхала въ Москву и поселилась въ старинномъ родовомъ домѣ, доставшемся Василію Семеновичу послѣ отца. Въ одномъ изъ московскихъ монастырей жила тогда мать ея, Маргарита Кириловна. Она скончалась въ тридцатыхъ годахъ, около девяноста лѣтъ отъ роду. Насъ важивали къ ней, и мнѣ очень памятна ея низенькая и тѣсная келья. Въ прихожей насъ встрѣчала обыкновенно, повязанная платкомъ женщина, которая ходила за прабабушкой. Она присаживалась на полъ, чтобы

снять съ насъ шубы и теплые сапоги, и говорила съ значительною улыбкой: «А бабушка вамъ полакомиться приготовила.» Мы уже знали заранѣе въ чемъ будетъ состоять угощеніе, и только спрашивали у Анны: «А котеночка ты намъ дашь поиграть?»

Изъ прихожей одна дверь вела въ кухню, а другая въ спальню прабабушки, или *старой бабушки*, какъ мы ее называли. Эта спальня, перегороженная надвое ширмами, служила также пріемной и столовой. Въ углу стоялъ большой кивотъ съ образами, рядомъ маленькій комодъ; на стѣнѣ висѣли часы съ хриплымъ боемъ, и картина изображающая Спасителя въ темницѣ. У другой стѣны большія кресла, въ которыхъ вѣчно сидѣла *старая бабушка* передъ рѣзнымъ, овальнымъ столикомъ, и нѣсколько креселъ, обтянутыхъ черною кожей, а за ширмами бабушкина кровать, другой шкапъ съ образами, и огромная лежанка, которая топилась изъ кухни: вотъ все убранство этой маленькой комнаты, тускло освѣщенной двумя узеньками окнами.

Маргарита Кириловна была худенькая старушка, когда-то высокаго роста, но давно уже сгорбленная годами. Правильныя и красивыя еще черты проглядывали сквозь ея безчисленныя морщины. Ея голубые глаза не утратили своего выраженія, и зрѣніе не измѣнило ей до послѣдней минуты; она никогда не употребляла очковъ, и очень искусно вырѣзывала самые тонкіе узоры изъ бумаги. Я живо помню ее подъ ея монашескою рясой,

помню даже бородавку на ея правой щекѣ. Четки и святцы лежали обыкновенно передъ нею на ея старинномъ столикѣ.

—А ты, кажется, передъ образомъ-то и не поклонилась, говорила она обыкновенно, когда мы подходили къ ней здороваться, и заставивши насъ перекреститься, она кликала свою служанку: — Аннушка! (Замѣчательно, что наперекоръ тогдашнимъ привычкамъ, она никого не называла уничижительнымъ полуименемъ). Угости-ка дѣтей.» И Анна являлась съ двумя синими фаянсовыми тарелками въ рукахъ: на одной лежали кедровые орѣшки, которыхъ я съ тѣхъ поръ не могла никогда видѣть, чтобы не вспомнить о *старой бабушкѣ*, а на другой—развареный черносливъ.

—А что же котенокъ, Анна? спрашивали мы опять. Являлся и котенокъ, котораго мы мучили немилосердно, оспаривая другъ у друга счастіе подержать его на колѣняхъ. Онъ вырывался, наконецъ, изъ нашихъ рукъ и укрывался подъ бабушкино кресло. Мы бросались на полъ и старались вытащить забившееся къ стѣнѣ бѣдное животное, пока наконецъ мать моя не возвышала голоса: «Полноте, вы бабушку безпокоите, я васъ сюда возить не буду,» говорила она.— «Оставь ихъ, другъ мой Дунюшка, прерывала ее добрая старушка,—я рада, что имъ у меня весело.»

Всѣ любили и уважали Маргариту Кириловну. Различіе въ свѣтскомъ положеніи не имѣло вѣса въ ея глазахъ, и она одинаково принимала всѣхъ. Многіе хаживали къ ней въ минуту скорби,

какъ говорится, *душу отвести*. Мудрыхъ рѣчей она говорить не умѣла, но съ такимъ искреннимъ сочувствіемъ готова была раздѣлить всякое горе, что съ ней дѣйствительно *душу отводили*. Она бывало и потолкуетъ, и поплачетъ, и обѣщаетъ помолиться, и наконецъ надѣнетъ на скорбящаго ладонку, принесенную отъ святыхъ мощей или четки подаренныя ей іерусалимскимъ монахомъ и посовѣтуетъ отслужить молебенъ у Иверской Божіей Матери. Хотѣли старушку выбрать въ игуменьи, но она отказалась. «Увольте, владыко», сказала она митрополиту. «Теперь я частехонько выговариваю молодымъ монахинямъ, и побраню ихъ иной разъ, и онѣ меня слушаются и любятъ, а попади я въ начальницы, меня пожалуй и любить не станутъ.»

Ходить она уже не могла, и ее возили въ креслахъ къ церковнымъ службамъ. Исторія ея походитъ на сказку. На ея отца было показано *слово и дѣло*. Преступленіе Кирилы Васильевича состояло въ томъ, что онъ оказалъ милосердіе какому-то арестанту, ввѣренному его надзору. Одинъ изъ Елисаветинскихъ временщиковъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы погубить обвиненнаго. Несчастный поплатился почти всѣмъ своимъ имѣніемъ, и былъ брошенъ въ тюрьму. Жена его Прасковья Артамоновна, благодаря покровительству тюремнаго надзирателя, имѣла съ нимъ свиданія и брала съ собою дочь. Маргарита Кириловна помнила ужасъ, которымъ было поражено ея дѣтское воображеніе при видѣ мрачной тем-

ницы, въ которую онѣ входили съ фонаремъ среди бѣлаго дня. Она помнила блѣднаго, страждущаго отца, исхудалаго и обросшаго бородой. Наконецъ онъ вышелъ изъ тюрьмы, но почти нищій, больной, разбитый и не долго пожилъ. Вдова его, погруженная въ глубокое отчаяніе, одѣвалась каждое утро въ траурное платье, распускала волосы по плечамъ, брала за руку дочь и направляла нетвердые шаги къ палатамъ своего врага. Она садилась на земь, подъ окномъ, и не взирая на слезы ребенка, который прижимался къ ней со страхомъ, умоляя ее уйдти домой, начинала гробовымъ голосомъ пѣть псаломъ проклятія: *Да будетъ дворъ ихъ пустъ, и въ жилищахъ ихъ да не будетъ живущаго.* И вельможа, пробуждаемый ежедневно этою грозною пѣснью, не смѣлъ однако отогнать отъ своего порога полубезумную женщину. Но не прошло года, поблекла и его звѣзда, и *дворъ его остался пустъ. и въ жилищахъ его не было живущаго.*

Но это походитъ на сказку, но вотъ и сказочный эпизодъ. Прасковья Артамоновна поняла наконецъ, что надобно спасти остатки имѣнія, чтобъ упрочить кусокъ хлѣба себѣ и дочери. Но живши въ совершенной почти крайности, среди вѣчныхъ хлопотъ и разъѣздовъ по дѣламъ, она не могла оставить дѣвочку при себѣ, и ввѣрила ее попеченію родственницы своего мужа.

Не привѣтливъ чужой кровъ. У хозяйки, богатой вдовы, были двѣ взрослыя дочери. Маргарита Кириловна вышивала серебромъ и золотомъ ихъ блестящіе наряды, была у нихъ на посылкахъ,

выслушивала, глотая слезы, ихъ выговоры, и ей не рѣдко попрекали кускомъ хлѣба. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Съ годами молодая дѣвушка стала все болѣе и болѣе сознавать горечь своего положенія; она жила совершенно одиноко среди чужаго семейства и съ матерію видѣлась лишь очень рѣдко.

Наконецъ вдова стала заботиться о томъ, чтобы пристроить дочерей. Къ ней ходила сваха, которая явилась разъ съ извѣстіемъ, что у нея на примѣтѣ отличный женихъ: онъ хоть и не молодъ и вдовъ, но человѣкъ надежный и богобоязливый, а денегъ у него куры не клюютъ. Свахѣ было обѣщано богатое награжденіе, и завидный женихъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, пріѣхалъ въ домъ, гдѣ ожидали его разряженныя невѣсты. Но не онѣ привлекли его вниманіе, а стала ему съ тѣхъ поръ все мерещиться полузабитая красивая пятнадцатилѣтняя дѣвочка. Андрей Петровичъ обратился опять къ свахѣ, которая обѣщала сладить дѣло. Не вспомнила себя вдова, когда узнала, что не котор а нибудь изъ ея дочерей, а сиротинка, пригрѣтая ею изъ милосердія, приглянулась жениху. Она объявила на отрѣзъ, что скорѣе задушитъ молодую дѣвушку, а замужъ ее не отдастъ, и свахѣ запретила на полъ-двора показываться. Гнѣвъ ея разразился громомъ на Маргариту Кириловну: «Такъ вотъ какое, она сказала, спасибо за хлѣбъ-соль! Вѣдь не спроста бросилась она въ глаза Андрею Петровичу: она его приворожила. Въ тихомъ омутѣ черти водятся! Уже давно замѣтили, что она съ чортомъ знается и нашептывать умѣетъ».

И страшное гоненіе началось противъ беззащитной дѣвушки. Ее сослали на кухню, приставили къ черной работѣ, и ея бѣдная одежда была замѣнена уже совершеннымъ рубищемъ. Но не даромъ сказано: сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро. Тоскуетъ день и ночь Андрей Петровичъ, а вѣдь ужъ пошелъ ему шестой десятокъ. Не ѣстъ онъ и не пьетъ, и сердце все изныло. Какъ ни билась сваха, какъ ни увѣряла его, что у нея на примѣтѣ много другихъ невѣстъ, и пригляднѣй и лучше,— онъ все свое: Не Маргариту Кириловну, такъ и никого не надо. А лишь бы досталась она ему, онъ озолотитъ сваху съ ногъ до головы.

И стала придумывать, и придумала наконецъ сваха, какъ горю помочь. Она нашла средство увѣдомить Прасковью Артамоновну, которая находилась въ отлучкѣ. Бѣдная женщина поторопилась возвратиться въ Петербургъ, и Маргарита Кириловна перебралась на ея скромную квартиру. А за Андреемъ Петровичемъ дѣло не стало. Онъ обвѣнчался черезъ нѣсколько дней, и съ сіяющимъ лицомъ привезъ молодую хозяйку въ свой богатый, полный, какъ чаша, домъ.

Отдохнула наконецъ и безпріютная вдова. Она поселилась у молодыхъ, и стала радоваться ихъ счастью. У Андрея Петровича было три дочери отъ первой жены; онѣ скоро привязались къ Маргаритѣ Кириловнѣ, а Маргарита Кириловна къ нимъ, и до послѣдней минуты ея жизни онѣ ее звали *матушкой*, и цѣловали у ней руку. Бѣдная дѣвушка попала въ какой-то волшебный міръ. Слово

ея сдѣлалось закономъ въ домѣ, стала она рядиться въ атласъ и бархатъ, мужъ не могъ наглядѣться на нее и вывозилъ на пиры и собранія, которые потѣшали ее какъ ребенка. Андрей Петровичъ не опасался грѣха: онъ зналъ, что жена его воспитана въ страхѣ Божіемъ и что Прасковья Артамоновна строго держитъ дочь, и не оставляетъ ее своими благочестивыми совѣтами. Но когда скончалась его теща, старикъ сталъ подозрителенъ и началъ замѣчать, что чей то страстный взоръ обращается на его молодую жену, и призадумалась его сѣдая голова. Вспомнилъ онъ, что береженаго и Богъ бережетъ, и рѣшился караулить день и ночь свое сокровище. И богатыя палаты обратились въ монастырь для молодой женщины. Мужъ потѣшалъ ее по прежнему и подарками и нарядами, но прервалъ знакомство со всѣми, и не позволялъ ей даже выѣхать въ церковь, когда не могъ самъ слѣдовать за ней. Знала Маргарита Кириловна, что жена должна во всемъ повиноваться мужу, что Андрей Петровичъ спасъ ее отъ нищеты и униженія, что она ему обязана всѣмъ, и что онъ къ ней ласковъ и добръ; но горько ей было, какъ пташкѣ, жить въ позолоченой клѣткѣ. Сидитъ она бывало цѣлый день за пяльцами, съ своими падчерицами или читаетъ Четьи-Минеи для развлеченія, или прикажетъ позвать изъ многочисленной дворни какую-нибудь старушку, мастерицу разсказывать сказки, либо заставитъ сѣнныхъ дѣвушекъ пѣсню спѣть. Но когда мимо ея оконъ всѣ въ праздничныхъ одеждахъ торопились на гулянье, или въ свѣтлый зимній день катились санки за санками по Невской набережной, Маргарита Кириловна утирала тайкомъ слезы.

Такъ прошли четыре года. Она была уже матерью двухъ сыновей и дочери—моей бубушки. Сжалился ли надъ нею мужъ, убѣдился ли онъ, что съ такою женою нечего бояться грѣха, но дѣло въ томъ, что онъ отворилъ широко передъ ней двери и пригласилъ ее нарядиться на славу, и показаться добрымъ людямъ, да къ тому же и его старшихъ дочерей скоро пора хоть за столъ сажать.

И зажила опять веселою жизнью Маргарита Кириловна. Ея привязанность къ мужу росла съ каждымъ днемъ. Года черезъ два Богъ послалъ ей еще дочь, и она стала опять беременна, когда занемогъ отчаянно Андрей Петровичъ. Не смотря на свое положеніе и на безсонныя ночи, она не знала устали и не отходила отъ умирающаго. Ему становилось легче, когда голова его покоилась на рукахъ молодой жены, а она, сидя у его кровати, только бывало припадетъ къ подушкѣ и вздремнетъ немножко. Разъ уснулъ Андрей Петровичъ, а она, по обыкновенію, поддерживаетъ его голову, и вдругъ чувствуетъ уже знакомыя боли. Отъ мужа она отойдти не смѣла, боясь его разбудить, и терпѣла на сколько было силъ, и только приказала шепотомъ служанкѣ послать за повивальною бабушкой. Когда бабушка явилась, Маргарита Кириловна, блѣдная и дрожа всѣмъ тѣломъ, съ трудомъ сдерживала болѣзненный крикъ. Къ

счастію, Андрей Петровичъ открылъ глаза: она ввѣрила его попеченію старшихъ дочерей, и подъ предлогомъ, что отдохнетъ немножко, вышла въ отдаленную комнату и упала изнеможенная на приготовленную для нея постель. Не прошло получаса, какъ вскрикнулъ ребенокъ, и въ ту же минуту вошла въ комнату горничная, съ тѣмъ, что Андрею Петровичу очень плохо, и онъ спрашиваетъ Маргариту Кириловну.

«Должно быть не на радость родился ты, горемычный», сказала бѣдная мать, благословляя сына дрожащею рукой. Она накинула душегрѣйку, и шатаясь вошла, съ помощью горничной, въ комнату мужа. Взоръ умирающаго уже искалъ ее съ безпокойствомъ. Онъ узналъ ее, когда она къ нему нагнулась, чтобъ поцѣловать уже холодную, его руку, и назвалъ ее слабымъ голосомъ.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ гробоваго молчанія, она закрыла ему глаза, потомъ положила земной поклонъ передъ образомъ, стоявшимъ у его изголовья, и упала безъ чувствъ.

Горько и долго плакала она, но пришла пора подумать и о семействѣ. Она пристроила двухъ падчерицъ, опредѣлила сыновей въ гвардію, потомъ и ихъ свадьбы отпраздновала, и переѣхала изъ Петербурга на житье въ Москву. Тутъ она отдала замужъ мою бабушку, а младшая ея дочь и одна изъ падчерицъ отказались отъ замужества, и жили поперемѣнно то у братьевъ переселившихся также въ Москву, то у замужнихъ сестеръ. «Теперь всѣ на ногахъ, и Богъ привелъ всѣхъ

пристроить,» сказала Маргарита Кириловна: «пожила я довольно въ мірѣ, пора мнѣ отдохнуть.» И постриглась она въ монастырь.

Маргарита Кириловна была живаго и вспыльчиваго нрава: но когда она перешагнула черезъ порогъ своей кельи, то дала обѣтъ укротить себя, и не возвышать ни на кого голоса, и этотъ обѣтъ она сдержала свято. «Трудно мнѣ было на первыхъ порахъ,» говорила она, «но Богъ мнѣ помогъ осилить окаяннаго».

Теплая вѣра никогда не покидала ее. Многіе помнятъ еще, какъ сгорѣла часть монастыря, въ которомъ она жила. При сильномъ вѣтрѣ мудрено было остановить пожаръ. Семейство и многочисленная родня съѣхались со всѣхъ концовъ Москвы къ монастырской оградѣ. Каждый явился съ тѣмъ, чтобъ увезти къ себѣ старушку; но когда вошли къ ней, она молилась съ невозмутимымъ спокойствіемъ, перебирая медленно свои четки. Изъ другихъ келій наносили къ ней бездну узловъ и сундучковъ, и повѣрили ея надзору дѣтей, которыя гостили въ это время у монахинь. Она и дѣтей поставила на колѣни и велѣла имъ молиться, да отклонитъ Господь напасть. Стали ее уговаривать, чтобъ она выѣхала изъ монастыря. «Нѣтъ, друзья мои», сказала она, «отъ Божьяго гнѣва не уйдешь, а не попуститъ Онъ, не сгоришь и въ огнѣ. Вотъ сколько мнѣ добра нанесли, и дѣтей ко мнѣ привели, не бросить же мнѣ ихъ.» Предлагали ей увезти и дѣтей, и все *добро*, но она опять отказалась. «Пусть дѣти здѣсь останут-

ся; ихъ молитвы дойдутъ до Бога, а безъ Его святой воли бѣды не приключится.» Видя, что ее убѣдить нельзя, одинъ изъ моихъ дядей бросился къ брантъ-майору, и просилъ его обратить вниманіе на эту ветхую келью, которая вспыхнетъ, какъ солома отъ малѣйшей искры.

—Тутъ, прибавилъ онъ, — нѣсколько человѣкъ дѣтей и старуха девяноста почти лѣтъ.

—Вывозите ихъ скорѣй, отвѣчалъ тотъ,—вѣтеръ дуетъ въ эту сторону, и я ни за что не ручаюсь.

Но и это не убѣдило Маргариту Кириловну. «Молитесь,» сказала она, обращаясь къ дѣтямъ; «Богъ не спасетъ, такъ не спасетъ никто.» Брантъ-майоръ былъ принужденъ набросить щиты на келью, и приставить къ ней часть своей команды. Всѣ ожидали съ замирающимъ сердцемъ конца этой драмы. Когда удалилась полиція, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ обгорѣлыхъ столбовъ стояла ветхая келья, въ которую стекались плачущія монахини, чтобъ получить благословеніе старушки и услышать отъ нея слово утѣшенія.

Прямаго потомства отъ нея и ея мужа считали семьдесять два человѣка. Когда пріѣзжали поздравить ее съ праздникомъ или именинами, не было возможности помѣститься въ ея келійкѣ. Лѣтомъ многіе тѣснились у ея оконъ и передавали ей со двора свои поздравленія; зимой, одни дожидались въ экипажахъ. чтобъ имъ другіе уступили мѣсто. «Богъ благословилъ нашъ родъ,» говорила старушка со слезами на глазахъ. Когда ей объявили о рожденіи перваго праправнучка, она поднялась съ

своихъ креселъ, и положила земной поклонъ. «*Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ*», молвила она.

Старшая изъ ея падчерицъ, Анна Андреевна, которая была только пятью годами моложе ея, родилась съ страстнымъ характеромъ и пылкимъ умомъ. Она была замѣчательной красоты; но только что ей минуло двадцать лѣтъ, ее обезобразила болѣзнь. Молодая дѣвушка поняла, что жизнь ея убита, и впала въ глубокое отчаяніе. Однако мало по-малу она пришла въ себя, и употребила всѣ усилія, чтобы насильственно привить къ себѣ религіозный фанатизмъ. Долго боролась она съ своею молодостью и неугомоннымъ сердцемъ. Она говорила, что не хочетъ слѣпой, дѣтской вѣры, и не смотря на увѣщанія Маргариты Кириловны, которая твердила, что грѣшно идти на искушеніе и что врагъ силенъ, она перечла всѣ творенія французскихъ философовъ, и бодро вызывала каждаго на религіозный споръ. Наконецъ, когда она сознала, что почва тверда подъ ея ногами, она вступила въ монастырь. Молодость ея миновала уже давно, но она не довѣряла своей мятежной природѣ и умерщвляла себя веригами и строгимъ постомъ. Ея неукротимый нравъ выражался во всемъ. «Матушка настоящая святая», говорила она, «никѣмъ не тяготится, и принимаетъ одинаково, и умнаго и глупаго. И я поставила себѣ въ обязанность никому не отказывать, но, грѣшный человѣкъ, не умѣю безъ ропота нести этотъ крестъ.»

Воспоминанія мои о ней довольно смутны.

Когда мнѣ сказали, что меня повезутъ къ другой еще бабушкѣ-монахинѣ, я охотно одѣлась и весело сѣла въ карету съ моею матерью, въ полномъ убѣжденіи, что меня ожидаютъ кедровые орѣшки, черносливъ и сѣренькій котенокъ. Но когда я поцѣловала руку у безобразной старухи, она только спросила у моей матери: «Которая это у тебя? Какъ ее зовутъ? Который ей годъ?»— и уже больше не занималась мной. Я помню много образовъ въ богатыхъ окладахъ, и стоявшій подлѣ меня шкапъ съ книгами. Не понимая ничего въ разговорѣ, который бабушка завела съ моею матерью, я старалась разобрать заглавія книгъ, но они мнѣ показались такъ мудрены, что я принялась разсматривать образа, и ждала съ нетерпѣніемъ минуты отъѣзда. Наконецъ, когда мать моя стала прощаться, Анна Андреевна сказала ей: «Давненько я матушки не видала. Будешь у нея, такъ поцѣлуй за меня ручку, да попроси ея благословенія.»

Не разъ переѣзжала она изъ монастыря въ монастырь, не находя нигдѣ того покоя, для котораго не было зародыша въ ея душѣ. Она было свила себѣ гнѣздо въ окрестностяхъ Москвы. Тамъ всѣ поклонялись ея свѣтлому уму и строгой жизни, и она стала бояться наконецъ, чтобы не обуялъ ею духъ гордыни, и не уничтожилъ бы столькихъ лѣтъ поста, молитвы и истязаній, и опять пріютила ее новая обитель.

Маргарита Кириловна скончалась тихо и безъ страданій. Анна Андреевна пережила ее нѣсколькими годами.

—

IV.

Переселеніе въ Москву.

За днями идутъ дни, идетъ за годомъ годъ.

Огаревъ.

Бабушка моя, переселившись въ Москву, собрала около себя все свое семейство, которое состояло изъ трехъ сыновей и четырехъ дочерей. Я уже сказала, что обѣ старшія мои тетки воспитывались у ея сестры. Одну изъ нихъ, Надежду Васильевну, мало знали въ семействѣ; другая, Наталья Васильевна, часто ѣзжала гостить въ Воробьново. Я ее не знала, но всѣ говорятъ, что она была предобрая и премилая женщина. Младшія мои тетки, которыя были очень дружны между собой, нѣжно къ ней привязались. Вѣра Васильевна часто говорила о ней, утирая слезу: «C'étai le bon ange de la famille.» Въ ней было примиряющее свойство, которое дѣйствовало благотворно на всѣхъ окружающихъ. Все семейство привыкло руководиться безпрекословно волею моего дѣдушки, но какъ скоро его не стало, каждая личность

высказалась рѣзко, и начались семейныя междуусобія, въ которыхъ Наталья Васильевна всегда являлась примирительницей.

Вѣра Васильевна наслѣдовала отъ отца его благородныя свойства, но жизнь развила въ ней крутой нравъ. Природа счастливо одарила ее, и побалуй ее немного судьба, она была бы замѣчательною женщиной. Но умъ ея не получилъ надлежащаго развитія въ тѣсной средѣ, на которую она была обречена, и ея страстная натура, всегда стѣсненная, всегда подъ гнетомъ какого нибудь горя, наконецъ разбила ее. Она ничего не забывала, и горькія воспоминанія накопляясь съ каждымъ днемъ въ ея душѣ, ожесточали ее все болѣе и болѣе. Для нея было необходимо замужество и счастіе; смягчающее вліяніе любимаго человѣка привело бы къ полному развитію богатые зародыши, которые вложила въ нее природа. Но при неблагопріятной обстановкѣ они пропитались желчью, и обратились противъ нея самой.

Надежда Васильевна представляла самую рѣзкую противоположность съ ней. Она была положительно умна, но никогда ни надъ чѣмъ не задумывалась; благодаря ея равнодушію ко всему, у нея былъ самый уживчивый характеръ, и она не утратила своей веселости и живости до послѣдней минуты своей жизни. Въ самой ея добротѣ проглядывалъ несокрушимый эгоизмъ. Она никогда не отказывалась подать благой совѣтъ разбитому сердцу. «Надо разсѣяться,» говорила она, «можно съѣздить и въ театръ и на гулянье.» Но когда

она имѣла дѣло съ людьми, которые требовали утѣшенія другаго рода, то она удалялась, потому что чужое горе тяготило ее. И отъ семейнаго горя она убѣгала точно также. «Вѣдь ужъ я не помогу,» говорила она: «по крайней мѣрѣ хоть сама развлекусь немножко,»—и уѣзжала на вечеръ.

Вѣра Васильевна поняла скоро, что имъ не сойдтись. Однако, когда онѣ начали жить вмѣстѣ, Наталья Васильевна, къ которой обѣ онѣ были привязаны, сдѣлалась соединяющимъ звеномъ между ними, не смотря на рѣзкое различіе ихъ характеровъ, воспитанія и привычекъ.

У моей бабушки было доброе и привязчивое сердце, но на глубокое чувство она была не способна. Она горячо оплакивала каждое несчастіе, поражавшее ее, но время брало свое. Слезы навертывались обыкновенно на ея глазахъ при воспоминаніи о быломъ горѣ, но горе не оставляло въ ней неизгладимыхъ слѣдовъ. Тяжело ей было послѣ кончины Василья Семеновича, но надо было подумать о переселеніи въ Москву, а потомъ объ устройствѣ новаго хозяйства. Не разъ она плакала среди домашнихъ хлопотъ, и долго говорила, что сердце ея обливается кровію, когда на вечерней и утренней молитвѣ ей приходится поминать моего дѣдушку въ числѣ усопшихъ; однако дѣло шло своимъ чередомъ. Устроившись наконецъ, надо было чѣмъ-нибудь наполнять день. Въ Москвѣ хозяйство не такъ сложно, какъ въ деревнѣ, но и въ деревнѣ она любила и выѣзжать и

принимать у себя; къ тому же не даромъ говорятъ, что на людяхъ и смерть красна. Бабушка моя начала съ родственныхъ домовъ, но кругъ ихъ былъ не довольно обширенъ, а такъ какъ ограниченныя средства не позволяли ей искать новыхъ знакомствъ въ свѣтѣ, да къ тому же она стала не разборчива на свои связи, благодаря средѣ, въ которой она жила столько лѣтъ послѣ своего замужества, то и наполнила она свою гостиную слишкомъ извѣстными типами полумѣщанъ, полудворянъ, и образовала себѣ изъ нихъ прiятельскiй кружокъ. Тягаясь за аристократическимъ блескомъ, эти люди утратили свою патрiархальную и истинно-уважительную сторону, и очень напоминаютъ Гоголевскихъ героевъ. Съ другой стороны мои старшiя тетки, воспитанныя совершенно въ другомъ кружкѣ, поддерживали, на сколько было возможно, свои свѣтскiя знакомства, такъ что домъ представлялъ самую разнообразную смѣсь сословiй, лицъ и образованiй.

Въ это время крѣпко еще держался на святой Руси патрiархальный бытъ, и *родство* было священнымъ словомъ. Частехонько случалось, что прiѣдетъ бывало изъ отдаленной губернiи, съ чадами и домочадцами, почтенная мать семейства, которая называла Марью Андреевну *тетушкой*, потому что доводилась по мужу троюродною племянницей моему дѣдушкѣ, и поселялась на нѣсколько мѣсяцевъ въ домѣ, съ тѣмъ, чтобы лѣчить больную дочь, или пристроить сына въ корпусъ, и домъ былъ постоянно оживленъ прiѣзжими лицами. На святкахъ мои тетки ѣздили подъ масками изъ дома въ домъ, въ сопровожденiи братьевъ и какой-нибудь замужней прiятельницы, или зазывали къ себѣ гостей и пѣли по цѣлымъ вечерамъ модные романсы подъ звуки клавикордъ, или играли въ *secrétaire* и *bouts-rimés*, и весело жилось всей этой молодежи. Бабушка обыкновенно присутствовала тутъ же, сидя у стола, на которомъ кипѣлъ огромный самоваръ, и привѣтствовала каждаго своею ласковою и радушною улыбкою.

Старшiй мой дядя, Левъ Васильевичъ, поражалъ своимъ физическимъ безобразiемъ. Было что-то отталкивающее въ смугло-красномъ цвѣтѣ его лица, въ умномъ, но зломъ выраженiи его маленькихъ свѣтло-сѣрыхъ глазъ, въ толстомъ носѣ, испещренномъ синими жилками, въ циническомъ выраженiи губъ, и въ плотно-обстриженныхъ волосахъ. Онъ былъ роста невысокаго, но крѣпко сложенъ. Животная сила высказывалась въ его широкихъ плечахъ, и неуклюжей, жилистой рукѣ, сгибавшей однимъ движенiемъ серебряный рубль.

Онъ никогда не могъ простить моему отцу ни его красоты, ни его успѣховъ, ни изящныхъ прiемовъ, вывезенныхъ имъ изъ-за границы. Понимая, что было бы безполезно вступать съ нимъ въ борьбу, онъ, какъ говорится, рѣшился взять другимъ, и началъ цинически хвастать своимъ безобразiемъ, угловатостью и грубостью выраженiй. Онъ называлъ себя *сыномъ природы*, говоря, что не умѣетъ стѣснять себя ни въ чемъ, плясалъ въ

присядку, и словомъ привилъ себѣ придуманную имъ самимъ дикую оригинальность.

—Бога ты не боишься, Левъ, говорила иногда моя бѣдная бабушка, сконфуженная какою-нибудь черезчуръ неприличною выходкой, —просто осрамилъ меня давича при гостяхъ; въ краску вогналъ.

—Я сынъ природы, отвѣчалъ онъ обыкновенно, — и не то еще дѣлаютъ на Алеутскихъ островахъ.

—Я отъ тебя всего ожидаю, говорила старушка, подъ вліяніемъ самаго искренняго страха,—ты пожалуй когда-нибудь уморишь меня совсѣмъ: явишься въ костюмѣ дикаго.

Ужасъ, который онъ внушалъ всѣмъ окружающимъ, льстилъ его грубому самолюбію. Онъ былъ въ полномъ торжествѣ, когда могъ оскорбить чьи-нибудь чувства, убѣжденія, или даже общепринятыя приличія. Когда служили всенощную на дому, онъ усаживался въ двухъ шагахъ отъ священника, съ стаканомъ чая и съ трубкой въ рукахъ. Женился онъ для того только, чтобы выиграть пари, заключенное имъ вслѣдствіе довольно неприличной шутки, и чрезъ нѣсколько лѣтъ бросилъ жену и дѣтей. Въ первый годъ его женитьбы у него родился сынъ. Мальчика назвали Сергѣемъ, и онъ скоро умеръ. Жена Льва Васильевича, у которой былъ свой взглядъ на вещи, говорила оплакивая ребенка, что она сама виновата въ своемъ несчастіи, потому что у нихъ въ роду никогда не оставались въ живыхъ дѣти, названныя

этимъ именемъ: «Ужъ должно быть это не угодно великому угоднику Сергію», заключала она.

—Въ самомъ дѣлѣ? возразилъ мой дядя,—такъ увидимъ же, кто кого переспоритъ, твой великій угодникъ меня, или я его. Дай только родиться у меня второму сыну!

Когда родился второй сынъ, Левъ Васильевичъ не взирая на слезы жены, или скорѣе, чтобъ идти наперекоръ ея слезамъ и просьбамъ, назвалъ опять ребенка Сергѣемъ, и ребенокъ умеръ черезъ годъ. Въ послѣдствіи, въ продолженіи каждой своей беременности, тетка моя очень боялась рожденія сына, а Левъ Васильевичъ былъ въ отчаяніи, что у него все родились дочери.

—Если-бъ было двѣнадцать сыновей, говорилъ онъ,—я бы всѣхъ двѣнадцать окрестилъ однимъ и тѣмъ же именемъ.

Разъ кто-то разсказывалъ, что на гуляньяхъ очень щеголяютъ нарядами и экипажами, на что Левъ Васильевичъ объявилъ, что онъ въ слѣдующее воскресенье явится подъ Новинскимъ въ телѣгѣ. Когда ему замѣтили, что полиція не допуститъ этого, онъ отвѣчалъ, что пойдетъ на проломъ и на своемъ поставитъ. И дѣйствительно, онъ велѣлъ приготовить устланную сѣномъ телѣгу, надѣлъ старый халатъ и ермолку, взялъ въ руки огромный чубукъ, положилъ возлѣ себя нагайку и приказалъ кучеру ѣхать на гулянье. Какъ только странный этотъ экипажъ подъѣхалъ къ тянувшемуся ряду блестящихъ каретъ, жандармъ закричалъ, чтобы телѣга отъѣзжала. Вмѣсто отвѣта мой

дядя, ударилъ нагайкой жандармову лошадь, которая бросилась въ сторону, и кучеръ, получившій заранѣе свои инструкціи, воспользовался этою минутой, чтобы въѣхать въ рядъ. Тутъ уже не было возможности остановить телѣги, она медленно потянулась за экипажами. Полицеймейстеръ, узнавъ въ чемъ дѣло, подъѣхалъ къ Льву Васильевичу, и замѣтилъ ему, что такая выходка можетъ навлечь непріятности на того, кто ее позволилъ себѣ.

— А почему такъ?

— Потому что подобный экипажъ и подобный костюмъ не приличны на публичномъ гуляньѣ.

— А я нахожу, что гораздо неприличнѣе показаться на публичное гулянье съ такою бородавкой на носу, какъ у васъ. У каждаго свое мнѣніе.

— Ваше замѣчаніе не заслуживаетъ возраженія, отвѣчалъ тотъ, — но рѣчь идетъ не о различіи мнѣній, а о томъ, что каждый здѣсь обязанъ подчиняться распоряженіямъ полиціи.

— А я нахожу, что не обязанъ; но если бъ и такъ, то почему мнѣ знать эти распоряженія? Гдѣ они напечатаны? Я ихъ не читалъ.

— Васъ предупреждалъ жандармъ, но вы позволили себѣ ударить его лошадь нагайкой.

— А въ какихъ законахъ написано, что я жандармской лошади не долженъ бить нагайкой? Впрочемъ я не люблю разговаривать, когда курю. Тутъ онъ обернулся къ полицеймейстеру спиной, и разлегся въ своей телѣгѣ.

Онъ не разъ проживалъ свое состояніе, и

находилъ всегда случай разбогатѣть снова: откуда брались деньги? Объ этомъ никто не смѣлъ спрашивать. Объявивъ себя банкротомъ, онъ потерялъ право на собственность, но это его не стѣсняло. Разъ онъ вошелъ въ комнату Вѣры Васильевны и объявилъ ей, что чиновникъ привезъ шнуровую книгу, въ которой она должна расписаться.

— Въ чемъ я буду расписываться? спросила она.

— Это не твое дѣло.

— Я ничего не подпишу, сказала она рѣшительнымъ голосомъ.

— Какъ угодно, но въ такомъ случаѣ я заставлю старуху (такъ онъ называлъ мою бабушку) подписать что̀ хочу, а послѣдствія бери на себя. Раздумывать некогда; чиновникъ дожидается въ залѣ.

Вѣра Васильевна поблѣднѣла, однако послѣдовала за нимъ въ другую комнату и молча подписала свое имя. Пробѣжавъ глазами бумагу, она увидала, что это довѣренность, по которой она поручаетъ брату совершить за нея купчую на пріобрѣтеніе имѣнія.

Замѣчательно, что въ такихъ продѣлкахъ онъ никогда не обращался къ своей старшей сестрѣ, а сладить съ ней было повидимому гораздо легче. Но она объявила наотрѣзъ, что не вмѣшивается въ чужія дѣла, и не легко было доискаться въ ней живой струны; это была не Вѣра Васильевна.

Прислуга дрожала при одномъ его имени. Ложась спать, онъ обыкновенно клалъ подлѣ себя заряженные пистолеты. Никому не прошли бы даромъ всѣ исторіи, которыя сходили ему съ рукъ. Онъ ничего и никого не боялся: въ немъ была капля отцовской крови, но она испортилась въ его жилахъ. Дѣдушка разгадалъ Льва Васильевича, когда по вступленіи своемъ въ службу, онъ пріѣзжалъ въ Воробново вмѣстѣ съ моимъ отцомъ. «Кто-то изъ насъ кого сломитъ?» сказалъ мой дѣдъ своей женѣ, послѣ отъѣзда сына: «но безъ борьбы намъ вмѣстѣ не прожить». И тотчасъ послѣ его отъѣзда онъ сдѣлалъ по имѣнію распоряженія на случай своей смерти; но это не спасло семейства отъ придирокъ моего дяди. Содрогнулась не разъ тѣнь Василья Семеновича: запятналось честное имя, завѣщанное имъ своимъ дѣтямъ.

Года два спустя послѣ переселенія въ Воробново, мой дѣдушка купилъ село въ Серпуховскомъ уѣздѣ, и не разъ былъ принужденъ покидать съ семействомъ свое родовое гнѣздо, и проводить лѣто въ ново-пріобрѣтенномъ имѣніи. Бабушка разсказывала мнѣ, что они не ѣзжали никуда за исключеніемъ сельца Толычова, принадлежавшаго Борису Александровичу, моему дѣду по матери. Мать моя, которой было тогда лѣтъ пять, и мой отецъ, десятилѣтній мальчикъ, очень подружились и играли всегда въ *жениха и невѣсту*. «А что, Борисъ Александровичъ,» говорилъ часто Василій Семеновичъ, «хорошо, еслибъ они сдержали слово, да попировали бы мы на ихъ свадьбѣ». Но не побаловала его судьба: не пришлось ему пировать на ихъ свадьбѣ.

Когда моему отцу минуло двадцать три года, онъ влюбился въ одну изъ московскихъ красавицъ, и просилъ у Василья Семеновича позволенія жениться. Дѣдушка отвѣчалъ ему самымъ лаконическимъ письмомъ, что онъ еще слишкомъ молодъ, и что ему нечего и думать о женитьбѣ. Но какой-то родственникъ, повѣривъ московскимъ сплетнямъ, написалъ въ Воробново, что мой отецъ, не смотря на запрещеніе, обвѣнчался тайно. Василій Семеновичъ, прочитавъ письмо, сильно измѣнился въ лицѣ. Бабушка расплакалась и хотѣла что-то сказать.

— Тутъ говорить нечего, перебилъ онъ,—можетъ это и вздоръ; а если правда, такъ толки не поправятъ дѣла.

Дня черезъ два по полученіи роковаго письма, семейство сидѣло за обѣдомъ. Вдругъ люди вбѣжали съ извѣстіемъ, что Владиміръ Васильевичъ пріѣхалъ. Дѣдушка поблѣднѣлъ и поднялся съ своего стула.

—Если Владиміръ женился, сказалъ онъ моей бабушкѣ,—пусть онъ въ ту же минуту ѣдетъ назадъ; если же нѣтъ, приведи его ко мнѣ: я буду въ саду.

Моя бѣдная бабушка часто разсказывала мнѣ эту сцену, со слезами на глазахъ. «У меня просто сердце оборвалось, говорила она, руки и ноги задрожали.» Однако она выбѣжала на встрѣчу къ

моему отцу, и бросилась, рыдая, къ нему на шею. Онъ успокоилъ ее, и они отправились вмѣстѣ въ садъ. Лицо Василья Семеновича прояснялось по мѣрѣ того, какъ они приближались къ нему; онъ быстрыми шагами пошелъ къ нимъ на встрѣчу по длинной аллеѣ, и крѣпко обнялъ сына.

— Какъ вы повѣрили такой баснѣ, батюшка, сказалъ ему мой отецъ,—я не спорю, что могъ бы дѣйствительно, въ минуту увлеченія, жениться помимо вашей воли; но тогда ужъ я бы къ вамъ не пріѣхалъ. Мнѣ бы легче было умереть у вашего порога, нежели переступить черезъ него. Теперь же я явился къ вамъ за дѣломъ. Кампанія открывается противъ Французовъ, и я хочу перейдти въ военную службу.

Бабушка всплеснула руками и заплакала.

— Нечего плакать, сказалъ Василій Семеновичъ. —Молодецъ Владиміръ! Жениться я могу запретить, но никакой отецъ не въ правѣ приказать сыну нести лобъ подъ пулю, а мнѣ было бы обидно, если бы вы оба спрятались теперь подъ родительское крылышко. Авось вернешься, а если нѣтъ, по крайней мѣрѣ честно сложишь голову.

Бабушка расказывала, что при послѣднихъ словахъ голосъ его дрожалъ. Отецъ мой пробылъ нѣсколько дней въ Воробновѣ, потомъ простился съ своими, и отправился обратно въ Москву.

Недѣли черезъ двѣ получили отъ него письмо. Подробностей описаннаго имъ дѣла не помню, но знаю только, что перешедши въ военную службу, онъ отказывался отъ покровительства значительнаго лица, дѣлавшаго ему самыя блестящія предложенія.

— Какъ я это прочла, разсказывала мнѣ очень наивно моя бабушка,—такъ просто и ума не могла приложить. Что же это такое? Всѣ ищутъ повышенія, а онъ точно его боится. И отнесла я письмо къ дѣдушкѣ. Онъ прочелъ его, да и говоритъ: «Напиши ты отъ меня Владиміру, что потѣшилъ онъ меня, очень я имъ доволенъ. Самъ бы за это къ нему написалъ, да нездоровъ.»

— А что же вы сказали, бабушка? спросила я ее.

— Да что тутъ говорить? Съ дѣдушкой бывало не очень-то разговоришься. Я признаться и до сихъ поръ не понимаю, изъ чего отъ чиновъ отказываться: вѣдь это не взятка. А должно-быть оно такъ и слѣдуетъ, если Василью Семеновичу такъ по душѣ пришлось, что самъ написать къ папенькѣ хотѣлъ. Только я и сказала, что «воля твоя, молъ, мой другъ», да и написала какъ онъ приказывалъ.

Изъ Воробнова Василію Семеновичу иногда приходилось ѣздить по дѣламъ въ Москву. Тутъ онъ каждый разъ являлся къ толычовскимъ сосѣдямъ, и очень полюбилъ мою мать.

— А что еслибъ и въ самомъ дѣлѣ Владиміръ меня потѣшилъ, говорилъ онъ не разъ бабушкѣ, —да пересталъ бы писать стишки къ голубымъ глазамъ. Вотъ ему невѣста!

Мы уже видѣли, что онъ скончался во время кампаніи 1815 года (*). Послѣ переселенія семей-

(*) Считаю не лишнимъ упомянуть здѣсь о довольно странномъ

ства въ Москву, когда мой отецъ былъ еще за границей, Левъ Васильевичъ сталъ ухаживать за моею матерью. Онъ еще тогда не записался въ *сыны природы*, а напротивъ хотѣлъ усвоить себѣ лоскъ свѣтскаго человѣка, что выставляло въ самомъ смѣшномъ видѣ его безобразіе и неуклюжесть. Понятно, что его любезности были холодно приняты, и самолюбіе его было сильно оскорблено. Когда мой отецъ возвратился изъ похода, Левъ Васильевичъ предупредилъ его, что онъ встрѣтитъ въ свѣтѣ мраморную статую, на которую можно только издали любоваться.

— Намъ не съ руки такія барыни, прибавилъ онъ,—одна дочка у папеньки, папенька глядитъ ей въ глаза; ко дворцу, говорятъ, воспитывалъ; на нашего брата и не смотритъ!

Но на моего отца она посмотрѣла, и даже полнымъ любви взоромъ. Онъ, съ своей стороны, забылъ о голубыхъ глазахъ и понялъ, что полюбилъ на вѣкъ. Осуществилась наконецъ любимая мечта Василія Семеновича, и отецъ мой, возвращаясь изъ церкви съ молодою женою, говорилъ цѣлуя ея руку:

— Недостаетъ одного моему счастію: не видалъ мой отецъ, какъ я надѣлъ это кольцо на твой палецъ.

фактѣ. Во время своего пребыванія въ Парижѣ, мой отецъ велъ дневникъ, который хранится теперь у насъ. День смерти Василія Семеновича онъ записалъ съ примѣчаніемъ, что его цѣлый день преслѣдуетъ невыносимая тоска, которую онъ принимаетъ за предчувствіе какого-то несчастія.

Я должна сказать однако, что когда моя мать вступила въ семейство, она далеко не всѣмъ понравилась. Горячность ея чувствъ скрывалась подъ довольно-холодною и строгою наружностію, которая не симпатически подѣйствовала на мою бабушку. Она представила невѣстку своему интимному кружку; составлявшія его лица осмотрѣли *молодую* съ головы до ногъ, поняли, что между ими и ею мало общаго, и приняли за личную обиду ея изящныя и изнѣженныя привычки. Марья Андреевна сама, видя, что невѣстка не интересуется ни хозяйствомъ, ни тѣмъ, что дѣлаютъ и что говорятъ знакомые и незнакомые сосѣди, рѣшила что она *бьетъ свысока*. Вѣра Васильевна гордо удалилась, говоря, что она ни для кого не сдѣлаетъ перваго шага, а Левъ Васильевичъ дулся, и не могъ простить моему отцу свою неудачу. Но старшія тетки, которыя встрѣчались въ свѣтѣ съ моею матерью, дружески протянули ей руку. Надежда Васильевна обрадовалась ей, какъ обрадовалась бы всякой свѣтской связи, а Наталья Васильевна угадала ее инстинктивно, полюбила ее, и онѣ скоро сошлись. Что касается до моей младшей тетки и до Бориса Васильевича, то на нихъ смотрѣли еще, какъ на дѣтей. Нѣтъ сомнѣнія, что отношенія приняли бы другой оборотъ при содѣйствіи Натальи Васильевны и моего отца, который былъ любимецъ сестеръ и матери; но нужно было время, чтобъ ознакомиться и объясниться, а молодымъ было некогда; они спѣшили въ деревню,

чтобы наглядѣться другъ на друга, и скрыть отъ всѣхъ свое счастіе.

Вскорѣ послѣ женитьбы моего отца вышла замужъ Наталья Васильевна и уѣхала въ Петербургъ съ мужемъ и сестрой своей Вѣрой, которая желала взглянуть на житье бытье молодыхъ, и погостить у нихъ два или три мѣсяца. Бабушка, проводивши ихъ въ путь-дорогу, собралась съ остальнымъ семействомъ провести лѣто у своего брата въ селѣ Хвальномъ. Хвальное было великолѣпное помѣстье, куда съѣзжалось много сосѣдей, такъ что молодежь проводила весело время въ прогулкахъ и кавалькадахъ. Къ тому же поговаривали о томъ, что въ семействѣ готовится, вѣроятно, новая еще свадьба. Одинъ изъ сосѣдей очень заглядывался на послѣднюю изъ дочерей моей бабушки, Фаину Васильевну, восьмнадцати - лѣтную красавицу, и она алѣла какъ маковъ цвѣтъ, когда ея пріятельницы или Надежда Васильевна подшучивали надъ частыми посѣщеніями влюбленнаго. Но не вѣнчальное кольцо сулила ей судьба, и вслѣдъ за свадебными пирами, наступила для семейства мрачная годовщина.

Въ Хвальномъ былъ разбитъ огромный садъ, черезъ который протекала рѣка, и молодыя дѣвушки любили купаться въ жаркіе дни. Разъ, утромъ онѣ спустились къ рѣкѣ и погрузились, весело болтая, въ свѣжую еще воду. Фаина Васильевна ныряла какъ рыбка, всплывала опять и смѣялась, между тѣмъ какъ свѣтлыя струйки бѣжали съ ея хорошенькой, обстриженной, какъ у мальчика

головки. «Смотрите гдѣ я всплыву», сказала она, и исчезла опять подъ волнами. Черезъ нѣсколько минутъ прочія купальщицы стали озираться во всѣ стороны, и не видя ея нигдѣ, начали ее выкликать все громче и громче. Вдругъ бѣлая рука показалась на поверхности воды, и скрылась опять. Всѣ начали плыть въ одномъ направленіи, опускаясь отъ времени до времени въ глубь, но напрасно. Наконецъ раздались испуганные голоса: «Помогите! Фаиначка тонетъ!» Цѣлая толпа сбѣжалась къ берегу. Крикъ дошелъ до бабушки, сидѣвшей въ саду; она пустилась бѣжать за другими, но силы ей измѣнили и она упала. Двѣ горничныя взяли ее подъ руки и привели на берегъ. Тутъ, она сѣла изнеможенная, между тѣмъ какъ одинъ человѣкъ за другимъ бросался въ рѣку. Три часа просидѣла бѣдная мать, не говоря ни слова и не спуская глазъ съ бѣжавшихъ передъ ней весело волнъ. Наконецъ изъ подъ воды показалась около берега голова однаго изъ кучеровъ, который крикнулъ: «нашелъ! помогите вытащить.» Нѣсколько человѣкъ спустились къ нему, и приняли изъ его рукъ посинѣвшее уже тѣло молодой дѣвушки. Бабушка хотѣла встать и упала безъ чувствъ. Ее отнесли домой.

Вѣра Васильевна не могла вспомнить безъ ужаса о той минутѣ, когда это страшное извѣстіе дошло до нея. За ней пріѣхала въ Петербургъ одна изъ близкихъ ея родственницъ, съ тѣмъ, чтобъ возвратиться вмѣстѣ съ ней. Можно легко себѣ представить, что вытерпѣла моя бѣдная тётка

впродолженіи долгаго пути. Когда она наконецъ доѣхала, то застала бабушку разбитую горемъ, и опасно больную. Вѣра Васильевна, въ глубокомъ отчаяніи, не отходила отъ ея кровати. Поплакала и Надежда Васильевна; войдетъ она бывало въ комнату больной матери, но не надолго.

—Здѣсь душно, какъ въ закупоренной банкѣ, говорила она сестрѣ,—у меня въ глазахъ зеленѣетъ. Вѣдь не легче будетъ, если я тоже свалюсь. Выѣду куда-нибудь, да и ты хоть бы прошлась немножко; на тебѣ лица нѣтъ. А здѣсь можетъ кто нибудь изъ *дѣвокъ* посидѣть.

—Я здѣсь останусь, отвѣчала рѣзко та,—а вы можете ѣхать куда вамъ угодно.

Обѣимъ старшимъ сестрамъ она говорила *вы*.

По мѣрѣ того, какъ моя бабушка стала оправляться и Вѣра Васильевна успокоиваться на ея счетъ, въ ней пробуждалось съ новою силой отчаяніе, вызванное смертію сестры, и отчасти заглушенное страхомъ лишиться матери. Она проводила цѣлые часы въ своей комнатѣ, и томительные дни медленно протекали одинъ за другимъ. Часто она просиживала по цѣлымъ ночамъ, не раздѣваясь, на кровати, и лишь къ утру ее одолѣвала тяжелая дремота.

Такъ прошло полгода. Разъ дверь ея комнаты отворилась настежь, и бѣдная моя тетка вздрогнула, увидя передъ собой сіяющее лицо Надежды Васильевны. На ней было пунцовое платье, и золотые браслеты блестѣли на рукахъ.

—Ты, кажется, какъ монашенка, поклялась не

скидавать черной рясы, Вѣра, сказала она,— а я, слуга покорная, видѣть не могу чернаго платья. Просто думала, что не дождусь этого дня, когда трауръ кончается. Вечеромъ поѣду въ театръ.

Она ушла, не дождавшись отвѣта. Вѣра Васильевна поглядѣла ей въ слѣдъ, и упала рыдая на свою подушку. Эта минута навсегда опредѣлила отношенія сестеръ. Надежда Васильевна, сидя вечеромъ въ театрѣ, и не подозрѣвала, что ея выходка потрясла до глубины настрадавшуюся душу. Вѣра Васильевна никогда ей этого не простила. Тридцать лѣтъ спустя, разказывая мнѣ эту сцену, она еще блѣднѣла и руки ея холодѣли.

Но не долго пощеголяла моя старшая тетка своимъ пунцовымъ платьемъ. Бабушка получила изъ Петербурга отъ своего зятя письмо, въ которомъ онъ поздравлялъ ее съ рожденіемъ перваго внучка, но прибавлялъ, что жена не можетъ оправиться послѣ родовъ. Чахотка стала быстро развиваться въ молодой женщинѣ. Тогда не было желѣзныхъ дорогъ, и всѣ съ ужасомъ помышляли о поѣздкѣ въ Петербургъ. Однако Вѣра Васильевна рѣшилась немедленно ѣхать къ сестрѣ, если слѣдующее письмо не успокоитъ ея. Въ почтовый день она встала рано и отправилась отслужить молебенъ Иверской Божіей Матери, а по возвращеніи домой, увидѣла на своемъ столѣ письмо съ черною печатью.

Ея отчаянію не было границъ. Она поглядѣла со страхомъ вокругъ себя, и отвернулась съ но-

вымъ ужасомъ отъ ненавистныхъ ей лицъ—старшей сестры и Льва Васильевича. Отецъ мой былъ далеко; она знала, какъ болѣзненно отзовется въ немъ эта новая потеря, но знала также, что онъ живетъ въ своемъ особомъ мірѣ, въ счастливомъ мірѣ, куда ей не суждено было даже заглянуть. И перенесла она всю свою нѣжность на плачущую мать и на меньшаго брата, и ея любовь къ нимъ приняла наконецъ весь характеръ страсти.

Борисъ Васильевичъ могъ дѣйствительно внушить самую нѣжную привязанность. Онъ сильно напоминалъ моего отца, и былъ очень красивъ собой. Женственная нѣжность проглядывала въ его застѣнчивости, въ тонкихъ очертаніяхъ его лица, въ мягкости его голоса и пріемовъ, и въ болѣзненной чувствительности его характера.

— Его бы надо въ банку закупорить, чтобы на него вѣтеркомъ не подуло, или держать его вѣчно подъ маменькинымъ крылышкомъ, говорилъ о немъ Левъ Васильевичъ.

Послѣ извѣстія о новомъ несчастіи, бабушка моя и Вѣра Васильевна были долго неразлучны. Бабушка опомнилась первая. Входъ въ ея комнату открылся сперва очень не многимъ; но мало-по-малу число посѣтителей стало увеличиваться. Потомъ она начала сама выходить въ гостиную, чтобы принимать ихъ свободнѣе, и наконецъ эта гостиная наполнилась опять всѣми лицами, которыхъ смерть разогнала на время.

Но Вѣра Васильевна упорно заключилась въ своей комнатѣ. Марья Андреевна часто покидала

своихъ гостей, чтобы посидѣть съ ней, и не разъ уговаривала ее выйдти въ гостиную. Вмѣсто отвѣта, моя бѣдная тетка цѣловала ея руку и начинала плакать. «А мнѣ-то развѣ легко, Вѣрочка?» говорила бабушка, утирая также слезы, «да дѣлать-то нечего. Нельзя же всѣхъ добрыхъ людей отъ себя оттолкнуть.»

Вѣра Васильевна иногда сдавалась; но нерѣдко приходилось бабушкѣ пожалѣть объ успѣхѣ своей попытки. Тетка моя рѣшительно не умѣла скрывать своихъ впечатлѣній и мѣнялась въ лицѣ, когда ее встрѣчалъ въ гостиной смѣхъ и полный претензіи нарядъ старшей сестры. Она окидывала ее съ ногъ до головы взглядомъ полнымъ ненависти, и отвѣчала очень рѣзко на ея слова.

Отчужденіе ихъ другъ отъ друга росло съ каждымъ днемъ. Бабушка часто пыталась ихъ помирить,—да какъ мирить людей, которые вовсе не ссорились, но которые не находятъ другъ въ другѣ ни одной симпатической струны? Надежда Васильевна была незлопамятна, и протягивала отъ всей души руку сестрѣ, которая съ своей стороны, уступая материнскимъ просьбамъ, цѣловалась съ ней, и просила ее не сердиться за рѣзкость, въ которой сама себя винила; но не проходило часа, чтобъ одна изъ нихъ не оскорбила или не возмутила невольно другую.

Однако время шло своимъ чередомъ; незамѣтно протекали мѣсяцы и годы. Левъ Васильевичъ женился, и зажилъ своимъ домомъ. Денежныя средства значительно уменьшились, когда бабушка,

отдѣливъ послѣ смерти Василія Семеновича часть имѣнія старшимъ сыновьямъ, должна, была дать приданое за дочерью. Съ другой стороны, домъ, въ которомъ помѣщалось семейство, приходилъ въ упадокъ, и рѣшили, что выгоднѣе сломать его и построить новый, нежели поддерживать огромное полупустое строеніе. Я была еще ребенкомъ, когда разорили старый домъ, но онъ мнѣ очень памятенъ. Его пощадили Французы въ двѣнадцатомъ году. Широко раскинулся онъ въ глубь двора и хранилъ, вѣроятно, воспоминанія о многихъ тайнахъ, унесенныхъ теперь въ могилу. Я помню темный, длинный корридоръ, по которому я не смѣла ходить вечеромъ, ниши, куда мы любили прятаться, и рядъ высокихъ большихъ комнатъ. Моего отца уже не было на свѣтѣ, Левъ Васильевичъ жилъ отдѣльно съ женой, а Борисъ Васильевичъ былъ въ полку, когда я зазнала старый домъ, такъ что въ моемъ воспоминаніи остались только образы моей бабушки и двухъ тетокъ, бродившихъ будто тѣни, среди опустѣлыхъ стѣнъ. Иныя комнаты были заперты; ихъ отворяла иногда по нашей просьбѣ Вѣра Васильевна, и на нашъ неловкій вопросъ: «Кто жилъ въ этой комнатѣ? Отчего она заперта?»—отвѣчала съ глубокимъ вздохомъ: «Нѣтъ уже на свѣтѣ того, кто въ ней жилъ. Теперь она лишняя.» Изломанная мебель, запыленныя бумаги и книги лежали въ безпорядкѣ по угламъ, и паукъ развѣшивалъ спокойно свою ткань.

Рѣшившись приступить къ постройкѣ новаго

дома, моя бабушка стала удѣлять на нее ежегодно часть отъ своихъ скудныхъ доходовъ. Пришлось стѣсняться и отказываться отъ многихъ привычекъ. Болѣе всѣхъ страдала, разумѣется, Надежда Васильевна; ей приходилось всячески изыскивать средства выѣзжать и веселиться попрежнему. Она была очень коротка съ директоромъ театра, и пользовалась постоянно его ложей. Но чтобы попасть въ эту ложу, ей иногда приходилось бороться съ неодолимыми для всякаго другаго препятствіями. По мѣрѣ того, какъ средства становились скуднѣе, гостиная мало-по-малу пустѣла. Къ тому же холера тридцатаго года свела въ могилу много людей близкихъ и родныхъ, и моя бабушка, скучая одна или въ обществѣ какой-нибудь приживалки, привыкла выѣзжать по вечерамъ, и надо прибавить, что бабушка ни для кого не отступала отъ своихъ привычекъ, такъ что Надежда Васильевна не могла никогда разсчитывать на экипажъ. Въ тотъ день какъ она собиралась въ театръ, поднималась съ утра суматоха. Она писала какой-нибудь пріятельницѣ, чтобы пригласить ее въ свою ложу, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы та заѣхала за ней. Но пріятельница уже распорядилась своимъ вечеромъ, и Надежда Васильевна писала другую записку, и ожидала отвѣта въ крайнемъ волненіи.

— Вы бы ужъ третьяго человѣка верстъ за пять послали, говорила съ досадой Вѣра Васильевна. Погода очень теплая: всего двадцать градусовъ мороза.

— Нужно будетъ, такъ и третьяго пошлю, отвѣ-

чала та,—но во всякомъ случаѣ ты мнѣ не гувернатка.

Наконецъ являлся удовлетворительный отвѣтъ, и Надежда Васильевна съ сіяющимъ лицомъ принималась за туалетъ. Она никакъ не могла помириться съ сѣдыми волосами, начинавшими сильно пробиваться у нея на головѣ, не рѣшалась отказаться отъ яркихъ цвѣтовъ, къ которымъ имѣла особенное пристрастіе, и украшала свою прическу фальшивыми гирляндами, давно утратившими первобытную свѣжесть. Золотые браслеты и алмазные перстни, доставшіеся ей отъ Маргариты Кириловны, блестѣли на ея рукахъ, и ярко выставляли безобразіе бронзовыхъ цѣпочекъ и брошекъ, пріобрѣтенныхъ моею теткой изъ собственной казны.

Мать моя лишь изрѣдка пріѣзжала съ отцомъ въ Москву. Вѣчная грусть Вѣры Васильевны возбудила въ ней самое горячее сочувствіе, и онѣ начали сближаться по немногу, но только общее несчастіе сблизило ихъ наконецъ на вѣкъ. Разъ бабушка получила нѣсколько строкъ, написанныхъ дрожащею рукой моей матери. Она увѣдомляла семейство, что отецъ мой опасно занемогъ. Марья Андреевна съ дочерьми собралась немедленно въ дорогу. Въ продолженіе суточной ѣзды, онѣ не разъ сбивались съ пути, и наконецъ, въ темную декабрьскую ночь, доѣхали до мѣста. Имъ отворилъ дверь старый дворецкій, и на ихъ вопросъ: «Что у васъ дѣлается, Левонъ?» отвѣчалъ, утирая слезы рукавомъ:

— Еще живъ.

Не стану описывать страшныхъ сценъ, которыя ихъ встрѣтили. Надежда Васильевна не дождалась конца. «Я здѣсь сама разнемогусь,» сказала она, «и только всѣхъ свяжу,» — и уѣхала къ праздникамъ обратно въ Москву.

А мой отецъ скончался черезъ нѣсколько дней на рукахъ неутѣшной жены, въ томъ самомъ Толычовскомъ домѣ, гдѣ они играли, бывши дѣтьми, въ *жениха и невѣсту*, и завѣщалъ моей бѣдной матери вѣчное горе, вѣчныя слезы и вѣчный трауръ...

Горе образуетъ самую прочную связь между людьми: бабушка, лишившись любимаго сына, поняла, что въ сердцѣ моей матери она найдетъ отголосокъ своему страданію, и нѣжно привязалась къ ней съ этой роковой минуты. Что касается до Вѣры Васильевны, то она поселилась у насъ безвыѣздно на цѣлый годъ, и нажила себѣ въ моей матери, по ея же выраженію, новое горе, то-есть новую, горячую привязанность. Она проводила цѣлыя ночи въ долгихъ бесѣдахъ съ ней, гащивала у насъ по мѣсяцамъ въ Москвѣ, часто ѣзжала съ нами въ деревню, и проводила, бывало цѣлыя ночи въ долгихъ бесѣдахъ съ моею матерью.

Мать моя, вышедши замужъ, почти не разставалась съ своимъ отцомъ. Старикъ, не знавшій въ ней души, гостилъ у нея въ деревнѣ, или требовалъ, чтобъ она перебиралась въ его Толычово съ мужемъ и дѣтьми, а въ Москву, гдѣ онъ жилъ съ своимъ единственнымъ сыномъ, онъ ѣзжалъ лишь не надолго по зимамъ. Этотъ порядокъ вещей

поддерживался и послѣ смерти моего отца, съ той однако разницей, что и мы ѣздили каждую зиму въ Москву съ дѣдомъ, и свѣтлыя картины ранняго дѣтства нераздѣльны для меня съ его образомъ и съ воспоминаніемъ о Толычовѣ, куда я и переношу мой разсказъ.

V.

Старый домъ.

Старый домъ, старый другъ....

Огаревъ.

Въ Серпуховскомъ уѣздѣ, не далеко ôтъ рѣчки Каширки, стоитъ на горѣ скромная усадьба. Она ничѣмъ не привлекаетъ взора: около широкаго двора тѣснятся ветхія строенія, домъ съ старыми флигелями, а съ другой стороны регулярный садъ съ подстриженными аллеями. Очевидно, что домъ моложе всего его окружающаго. Онъ дѣйствительно былъ построенъ въ 30-хъ годахъ и не носитъ никакого опредѣленнаго характера. Но еслибъ вы еще застали старый домъ, уступившій ему свое мѣсто, современникъ и сада и этихъ обветшалыхъ строеній, вамъ бы вспомнились вѣроятно многіе разсказы о старинѣ и вы бы невольно спросили себя, какіе слѣды оставили поколѣнія, тутъ дожившія свой вѣкъ, какія преданія хранятъ эти почернѣлыя стѣны, и ваше воображеніе нарисовало бы передъ вами длинный рядъ фантастическихъ

ðбразовъ. Но, можетъ быть, я облекаю въ небывалую поэзію эти знакомыя мѣста, можетъ быть воспоминанія дѣтства придаютъ имъ совершенно чуждую имъ прелесть, можетъ быть это прошлое такъ хорошо потому только, что оно далеко. Посмотримъ.

Переношусь мысленно въ старый флигель съ бревенчатыми стѣнами. Вотъ моя дѣтская кроватка подъ кисейнымъ занавѣсомъ. У другой стѣны другая кроватка еще меньше; тутъ спитъ двухлѣтняя сестра Маша; рядомъ кровать няни, а въ углу шкафъ съ образами и вѣчно теплящейся лампадкой. Между двухъ оконъ еще шкафъ съ чашками и разными домашними припасами. Съ какимъ удовольствіемъ я слѣдила глазами за няней, когда она вынимала изъ ситцеваго *ридикюля* связку ключей, направлялась медленными шагами къ шкафу, и, присѣвши на корточки, выдвигала нижній ящикъ, въ которомъ лежали смоквы и сушеная въ сахарѣ малина. Сегодня воскресенье. Этотъ день я коротко знаю: у насъ вчера была всенощная и вечеромъ няня зажгла другую лампадку передъ большимъ образомъ, заказаннымъ на ея выработанныя деньги вотъ по какому случаю: Маша родилась больнымъ и слабымъ ребенкомъ, чрезъ шесть мѣсяцевъ послѣ смерти моего отца, и долго говорили, что она не жилецъ на землѣ. Няня ходила за ней день и ночь, привязалась къ ней страстно и обѣщалась вымѣнять образъ Воскресенія Христова на трудовыя деньги, если ребенокъ выздоровѣетъ. Дѣвочка стала поправляться, а няня принялась вязать усердно

чулки на продажу, и накопила наконецъ достаточную сумму, чтобъ заказать образъ.

Сегодня сама няня принарядилась: она надѣла кисейный чепецъ съ лиловымъ бантомъ на макушкѣ и клѣтчатое платье съ клиньями. Я помнила это платье съ тѣхъ поръ, какъ начала помнить себя, изъ чего и заключила, что оно очень старо, что̀ часто замѣчала нянѣ. «Полно, сударыня, отвѣчала она, оно совсѣмъ новешенько; покойница бабушка мнѣ его подарила съ собственнаго плеча еще не задолго до кончины.»

— А давно бабушка скончалась, няня?

—Въ первую милицію; еще Климку тогда отдали въ рекруты.

Мои раннія воспоминанія относятся къ тридцатымъ годамъ, такъ что первая милиція и отдача Климки въ рекруты были для меня не совсѣмъ опредѣленными фактами, но я такъ привыкла къ тому, что няня смотрѣла, какъ на недавно совершившіяся событія, но все, что относилось до моей бабушки, что вѣрила ей на слово. Я начинала также думать, что ея платье новешенько, но удивлялась только, что я сама износила столько платьевъ, между тѣмъ какъ она все надѣваетъ одно и тоже по воскресеньямъ.

Вотъ и дѣвушки пришли отъ обѣдни и принесли намъ просвирку, но меня ожидаетъ еще другое удовольствіе. Я усѣлась у окна и смотрю на такъ называемый Левоновъ флигель; я знаю, что скоро появится оттуда Левонова жена, родная сестра няни, старушка Анисья. Ея будничняго костюма

я не помню, но по воскресеньямъ она приходила къ намъ въ ситцевомъ коричневомъ платьѣ, въ клѣтчатомъ платкѣ, приколотомъ на груди, и въ темной косынкѣ съ пестрыми каймами на головѣ. Анисья появилась у флигеля и идетъ къ намъ, держа въ рукахъ что-то, покрытое бѣлой салфеткой. Я все слѣжу за ней глазами, пока она не переступила порога нашего флигеля, и выбѣгаю къ ней на встрѣчу, между тѣмъ какъ она отворяетъ дверь. Анисья входитъ и набожно крестится передъ образомъ, потомъ оборачивается ко мнѣ, примолвивъ: «пожалуйте ручку, барышня,» и прибавляетъ, съ улыбкой: «а я вамъ гостинца принесла». Потомъ она три раза цѣлуется съ няней, послѣ чего старушки слегка кланяются другъ другу, и Анисья садится и снимаетъ салфетку съ дымящагося пирога. Пока я доѣдаю свой кусокъ, между сестрами завязывается разговоръ. Няня, постоянно недовольная нашими дѣвушками, жалуется, что нынче всякій свою волю взялъ, что ни въ комъ страха нѣтъ, и что самихъ господъ въ грошъ не ставятъ. «Поднялъ бы покойницу барыню на наши порядки,» заключала она обыкновенно, «что бы она сказала, моя голубушка!» — «И не говори,» отвѣчала Анисья, отмахиваясь рукой—«не говори. То ли было при ней, царство ей небесное,»—и она крестилась,—«я чай у нея бы сердце-то все изныло.»—«Да вотъ, не далеко взять, хоть бы моя быстроглазая (такъ няня называла обыкновенно хорошенькую дѣвушку Ѳеклушу, приставленную за нами), ужъ вижу, что хорошее затѣяла. Ну, что ты тутъ сидишь,

сударыня,» продолжала она, обращаясь ко мнѣ, «пошла бы лучше да поиграла во что-нибудь.»

Няня видимо не долюбливала Ѳеклуши, что̀ меня глубоко огорчало. Не могу сказать на вѣрное, что̀ *она хорошее затѣяла*, но очень помню, что она меня иногда будила очень рано, и что, открывая глаза, я слышала сердитый голосъ оторванной отъ утренней молитвы няни. «Что ты ее вздумала будить ни свѣтъ, ни заря, пусть она почиваетъ.»— «Я ихъ не бужу, Агафья Андреевна,» отвѣчала очень бодро Ѳеклуша, между тѣмъ какъ грозила мнѣ пальцемъ, чтобъ я ее не выдавала. «Я хотѣла только чулочки осмотрѣть. Ахъ! да кажется и сами проснулись.» Няня принималась ворчать, но я увѣряла, что спать уже не хочу, вставала и отправлялась въ заднюю комнату съ Ѳеклушой, пока няня доканчивала свою молитву. «Одѣвайтесь поскорѣй, моя барышня,» говорила Ѳеклуша, «да напишите мнѣ письмо къ брату,» и я смотрѣла съ ужасомъ на лежащій на столѣ полъ-листа бумаги, уже разлиневанный Ѳеклушею широкими, кривыми линейками. Я довольно хорошо читала по складамъ и начинала писать крупными печатными буквами, и Ѳеклуша на всякій случай запасалась какимъ нибудь листомъ старыхъ газетъ, чтобъ я могла списать буквы, которыя не твердо знала. Въ началѣ письма я выставляла обыкновенно: *солнце мое неоцѣненное*, или *брилліянтъ мой алмазный*. У Ѳеклуши былъ вѣроятно не одинъ братъ, потому что я на адресѣ писала не всегда одно и тоже имя.

— Только ужъ вы нянюшкѣ не сказывайте,

барышня, говорила она обыкновенно, пряча доконченное письмо за пазуху, вы видите какія онѣ сердитыя, скажутъ, что я все къ брату пишу, а дѣла не дѣлаю.—Да вѣдь няня добрая, Θеклуша, говорила я.—Нѣтъ, моя красавица, ужъ вы пожалуйста не говорите и маменькѣ, и никому не говорите, а то, пожалуй, дойдетъ до нянюшки и Богъ знаетъ что мнѣ будетъ.—Я обѣщалась молчать и не помню, чтобъ когда-нибудь проговорилась. —А посмотрите-ка, что я вамъ приготовила, говорила Θеклуша, высыпая изъ носоваго платка турецкіе бобы.—Хотите, я вамъ иголочку дамъ, и вы ихъ будете на ниточку низать.—И когда няня, окончивъ молитву, приходила за мной и приказывала подавать самоваръ, Θеклуша говорила ей, показывая начатое изъ бобовъ ожерелье: «Вотъ видите, Агафья Андреевна, какъ онѣ у меня хорошохонько занялись, а то я все боялась какъ бы онѣ вамъ не помѣшали Богу молиться.»

Въ этой самой комнатѣ, служившей канцеляріей Θеклушѣ и мнѣ, жила еще маленькая моя сестра, Варя, моложе меня двумя годами. Къ ней была приставлена пожилая женщина, находившаяся подъ строгимъ надзоромъ няни. Въ другомъ флигелѣ помѣщалась моя мать съ двумя старшими сестрами, а въ домѣ жилъ самъ хозяинъ, мой дѣдъ по матери, съ нимъ братъ мой, мальчикъ лѣтъ восьми, и наша гувернантка. Домъ былъ большой и довольно неуклюжій, но не лишенный характера. Войдя въ большую гостиную съ расписанными стѣнами, съ драпированными стариннымъ ситцемъ окнами, съ хру-

стальными люстрами, одѣтыми въ бѣлые чахлы, вы могли безошибочно опредѣлить, къ какой эпохѣ онъ относится. Изъ гостиной боковая, всегда затворенная, дверь вела въ большую комнату, опустѣвшую со смерти моего отца. Въ этой комнатѣ заключалось для насъ что-то таинственное и страшное. Мы сговаривались часто улучить удобную минуту, чтобъ прокрасться въ *розовую комнату* и осмотрѣть ее, но этотъ смѣлый планъ не осуществился. Помню, однако, что нѣсколько разъ я подходила къ двери съ замирающимъ сердцемъ и, робко озираясь, принималась глядѣть въ скважину замка; иногда я отваживалась раздвинуть немножко, крѣпко притворенные створы, но, при скрыпѣ заржавленныхъ навѣсокъ, меня обдавало холодомъ, и я быстро убѣгала, боясь, чтобъ меня кто-нибудь не замѣтилъ.

У противоположной стѣны другая дверь вела въ спальню дѣда. Большія ширмы разгораживали комнату на двое. Въ одной половинѣ стояла кровать, столъ и шкафъ съ разной разностью, а надъ кроватью висѣли три старинные портрета, писанные масляными красками. Не знаю, почему меня преимущественно останавливало изображеніе немолодой уже женщины съ строгимъ лицемъ. Глядя не нее, особенно въ сумерки, я часто думала, что она ужъ давно умерла и мнѣ становилось страшно при мысли, что всѣ должны умирать; я вспоминала о розовой комнатѣ, объ умершемъ отцѣ, котораго помнила какъ во снѣ, о всемъ томъ, что я слышала про него отъ няни, которая прибавляла всег-

да: «только при маменькѣ ничего не говори, а то она плакать будетъ.» Однако мнѣ казалось невозможнымъ, чтобъ когда-нибудь рушился, или даже измѣнился міръ, въ которомъ я жила, чтобъ исчезли когда-нибудь окружавшія меня лица.

Въ другой половинѣ комнаты, около самыхъ ширмъ, стоялъ большой диванъ; передъ нимъ столъ, окруженный креслами; у противоположной стѣны, между окнами, старинное бюро изъ цѣльнаго краснаго дерева, а у боковой стѣны кресло дѣда и маленькій овальный столикъ, на которомъ вѣчно стоялъ колокольчикъ и лежалъ футляръ съ очками. Я не помню, чтобъ дѣдъ мой когда-нибудь садился на другое мѣсто, исключая времени обѣда. Онъ страдалъ подагрою и ходилъ съ трудомъ. На бюро стояла чернильница, какая-то старинная ваза и лежали два тома исторіи 12-го года Лабома, и сочиненія Голикова. Кажется, что вся Толычовская библіотека состояла изъ Голикова, Лабома и нашихъ учебныхъ книгъ. Вообще у насъ мало читали, да и читать было не кому. Мать моя, послѣ смерти отца, почти совсѣмъ лишилась зрѣнія отъ слезъ и посвятила себя исключительно намъ и дѣду, который не могъ обойтись безъ нея двухъ часовъ. У нея была однако своя, хранившаяся подъ замкомъ, завѣтная библіотека, которой она пользовалась лишь когда Вѣра Васильевна гостила у насъ и читала для нея вслухъ, позднимъ вечеромъ, когда всѣ спали уже въ домѣ.

Получались однако въ Толычовѣ *Московскія Вѣдомости*, и почтовый день былъ обыкновенно

для насъ днемъ испытанія. Посланный на почту возвращался вечеромъ послѣ нашей обычной прогулки. Насъ усаживали съ работой въ комнатѣ дѣда, около стола, приказывали быть какъ можно смирнѣе, и братъ съ отчаяніемъ на лицѣ приступалъ къ чтенію газетъ. Вечеръ длился безконечно: я никакъ не могла понять, какъ такое скучное чтеніе можетъ кого-нибудь занимать и дожидалась съ нетерпѣніемъ, чтобъ дворецкій доложилъ, что кушать готово. Мы вставали съ неописанной радостью, прибирали работы и отправлялись за матерью въ столовую. Дѣдушка никогда не ужиналъ. Послѣ ужина, который подавали въ девять часовъ, мы расходились по мѣстамъ.

Изъ спальной дѣда стеклянная дверь вела въ маленькую образную, которая мнѣ особенно памятна. Кивотъ съ образами, вдѣланный трехъ-угольникомъ въ стѣну, и столъ, на которомъ лежали церковныя книги и восковыя свѣчи, составляли все его убранство. Вечеромъ, простившись съ дѣдомъ, каждый изъ насъ заходилъ въ образную и клалъ земной поклонъ передъ кивотомъ. Я часто заглядывалась на золотыя ризы образовъ, слабо освѣщенныхъ лампадой. Меня привлекалъ больше другихъ, какою-то таинственной прелестью, образъ *Троеручицы*, къ которому все семейство питало по преданью особенную вѣру. Чудные разсказы слышала я объ этомъ образѣ, исцѣлившемъ когда-то безнадежно больнаго ребенка. Вѣчная лампадка теплилась передъ нимъ, по завѣщанію моей прабабушки, которая продала свой жемчугъ, чтобъ зака-

зать на него богатую ризу. Въ этой комнатѣ дѣдушка читалъ каждый день свои вечернія и утреннія молитвы.

Дѣдъ мой былъ лицо замѣчательное. Больше всего поражала въ немъ безграничная доброта и независимость характера, не уступавшая ни передъ чѣмъ и облеченная въ необыкновенную простоту формы. Пользуясь правами своихъ сѣдыхъ волосъ, онъ всѣмъ мужчинамъ безъ исключенія говорилъ *ты*, и вообще не стѣснялся въ выраженіяхъ. «Не прогнѣвайся, братецъ, но какой ты вздоръ говоришь», замѣчалъ онъ обыкновенно знакомому и незнакомому, какъ скоро тотъ высказывалъ понятія, противныя его убѣжденіямъ. Въ царствованіе Екатерины онъ служилъ въ Петербургѣ и былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ графомъ ***, который, по русскому выраженію, не пошелъ еще въ гору. Женившись, дѣдъ поселился въ Серпуховскомъ уѣздѣ и потерялъ совершенно изъ виду бывшаго пріятеля, имя котораго разнеслось скоро по всей Россіи. Продавались тогда казенныя земли, и многіе составили огромныя состоянія. Вздумалось и дѣду попытать счастія; онъ отслужилъ молебенъ, простился съ семействомъ и отправился въ Петербургъ. Тотчасъ по пріѣздѣ, онъ началъ хлопотать о своемъ дѣлѣ, которое обѣщало принять благопріятный оборотъ. Между тѣмъ насталъ какой-то торжественный праздникъ; дѣдъ отправился къ обѣднѣ въ соборъ, куда вскорѣ пріѣхала императрица въ сопровожденіи графа***. Пока читали апостолъ, адъютантъ

графа подошелъ къ дѣду: «Его сіятельство просятъ васъ подойдти къ нимъ на пару словъ», сказалъ онъ, «имъ самимъ отъ ея величества отлучиться нельзя.» Дѣдъ подошелъ. «Я и не зналъ что ты здѣсь,» сказалъ ему ласково и въ полголоса вельможа. «Давно ли?»

—Только три дня, какъ пріѣхалъ.

— И до сихъ поръ не побывалъ у меня! Нехорошо! Пріѣзжай, пожалуйста, сегодня вечеромъ, старину вспомнить. Дѣдъ поклонился молча и отошелъ. На другой день явился къ нему по утру уже знакомый адъютантъ: «Его сіятельство васъ ждали вчера цѣлый вечеръ», сказалъ онъ, «и просятъ васъ навѣстить ихъ сей же часъ.» Задумался мой дѣдушка и рѣшился, наконецъ, опредѣлить тотчасъ же свои отношенія къ бывшему пріятелю, отъ котораго не желалъ принимать никакихъ знаковъ милости. Онъ одѣлся и поѣхалъ.

—Ваше сіятельство требовали меня къ себѣ? сказалъ онъ, входя въ роскошную гостиную.

—Да полно дурачиться, отвѣчалъ графъ, идя къ нему на встрѣчу съ благосклонной улыбкой. Что за ваше сіятельство? Развѣ такъ обращаются съ старыми пріятелями? Садись лучше и потолкуемъ. Ты вѣрно пріѣхалъ по дѣлу; въ такомъ случаѣ адресуйся прямо ко мнѣ; я могу все сдѣлать. Ну, говори, я слушаю.

—У меня нѣтъ никакихъ дѣлъ, мнѣ просто захотѣлось провести нѣсколько дней въ Петербургѣ.

— Быть не можетъ. Здѣсь житье дорогое,

а тебѣ нельзя сорить даромъ деньги; говори серьёзно,—зачѣмъ ты пріѣхалъ?

—Я уже сказалъ вашему сіятельству, отвѣчалъ холодно дѣдъ, вставая и начиная раскланиваться, что у меня нѣтъ никакихъ дѣлъ; я пріѣхалъ съ тѣмъ, чтобъ повидаться съ нѣкоторыми изъ старыхъ пріятелей.

—Это нехорошо, сказалъ графъ, помолчавъ немного, право нехорошо! Однако, прибавилъ онъ значительно улыбаясь, ты отъ меня такъ не уйдешь.

Дѣдъ уѣхалъ; на другой день является къ нему опять тотъ же адъютантъ. «Его сіятельство, разузнавши по какому дѣлу вы пріѣхали сюда,» сказалъ онъ, «приказали мнѣ спросить, какое количество земли вы желаете пріобрѣсти, и гдѣ именно, и приказали вамъ сказать, что все будетъ устроено очень скоро.»—«Поблагодарите его сіятельство», отвѣчалъ мой дѣдушка, «завтра я ему дамъ отвѣтъ.» И въ ту же ночь онъ выѣхалъ изъ Петербурга и возвратился въ свое Толычово.

Отношенія его къ прислугѣ были самыя оригинальныя. Онъ былъ очень вспыльчивъ, и не скупился ни на живописные эпитеты, ни на грозныя обѣщанія; частехонько клялся онъ разсердившему его слугѣ, что отправитъ его въ степное имѣніе, отдастъ въ рекруты или сошлетъ на поселеніе; но люди твердо знали, что страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ; они изучили слабыя стороны характера барина и ловко умѣли ими пользоваться. Дѣдъ мой былъ большой охотникъ до садоводства

вообще и до цвѣтовъ въ особенности. Обыкновенно лѣтомъ, отдохнувши послѣ обѣда, онъ отправлялся въ садъ. Мы съ неописанной радостью приносили ему шляпу и палку и успѣвали добѣжать десять разъ до конца аллеи и возвратиться къ нему назадъ, пока онъ подвигался впередъ, медленно переступая. Наконецъ, онъ доходилъ до липовой бесѣдки передъ выставкой, усаживался на зеленую скамейку и осматривался внимательно. «Наумка!» кричалъ онъ вдругъ грозно. Подбѣгалъ садовникъ. «Это что такое?» спрашивалъ дѣдъ, показывая концемъ своей палки на стоявшіе въ нѣсколькихъ шагахъ сухіе прутья.

— Это, сударь, центифольные розаны, что изволили выписывать. — Такъ-то ты ихъ отдѣлалъ! — Моя-то въ чемъ же вина? на нихъ должна быть роса такая напала, а вы изволите гнѣваться.

Слово за слово, дѣдъ горячился и, вставъ съ мѣста сердито подымалъ палку, но тутъ же опускалъ ее, примолвивъ грознымъ голосомъ: «Добро, добро, пошелъ съ глазъ моихъ долой!» И Наумъ удалялся, ворча.

Дѣдъ молчалъ, но очевидно было, что сцена съ Наумомъ его тревожила. На слѣдующій день, явившись въ садъ, онъ не обращалъ уже вниманія на сухіе розаны и велъ съ садовникомъ другую совершенно бесѣду.

«Чья это тамъ бурая корова ходитъ по лугу, Наумка?» спрашивалъ онъ, или: «А много ли ты овецъ себѣ завелъ?» Какъ скоро разговоръ при-

нималъ такой оборотъ, Наумъ съ необыкновеннымъ тактомъ помогалъ барину направлять его куда слѣдуетъ, и завершалъ его обыкновенно такъ: «Да вотъ, кабы ваша милость была, пожаловали бы мнѣ парочку овчинокъ, шубенку починить.» Для перемѣны, онъ просилъ иногда мѣру крупицъ. Отказа, разумѣется, не было. Мать моя увѣряла, смѣясь, что Наумъ не безъ задней мысли изводитъ розаны, потому что за каждый погибшій кустъ онъ что-нибудь получалъ. Я сама полагаю, что природа, создавая Наума, имѣла въ виду не садовника, а дипломата.

Никто не обращался къ моему дѣду съ напрасной просьбой. Онъ не могъ слышать хладнокровно умоляющаго голоса. Когда мы въ январѣ собирались ѣхать въ Москву или весной изъ Москвы въ деревню, его камердинеру вручали обыкновенно для раздачи нищимъ огромный мѣшокъ съ мѣдными деньгами. Помню я, что разъ подъѣзжали мы къ Серпухову въ ясный майскій день. Толпа оборванныхъ цыганятъ принялась бѣжать за нами, крича протяжнымъ голосомъ: Христа ради! Камердинеръ объявилъ, что его мѣшокъ пустъ. Денегъ ни у кого не оказалось, а до города оставалось еще версты три. Дѣдъ вынулъ изъ кармана свой носовой платокъ, отвязалъ галстукъ и бросилъ на дорогу.

Нищіе толпами ходили въ Толычово. Многимъ изъ нихъ выдавалась мѣсячина каждое первое число. Случалось не рѣдко, что какая-нибудь баба, получивши свою провизію, отправлялась подъ

отворенное окно моего дѣда и принималась кричать пискливымъ голосомъ: «Кормилецъ ты нашъ....»

— Чего тебѣ? спрашивалъ дѣдъ, выглядывая въ окно. — Да вотъ мучицы получила по твоей милости, говорила баба совсѣмъ уже другимъ голосомъ, дай тебѣ Богъ много лѣтъ здравствовать, и дѣтушкамъ-то твоимъ пошли Господь свою милость, а родителямъ царство небесное. — «Ну, спасибо, спасибо.» — «Да вотъ что, кормилецъ, начинала она опять вкрадчивымъ на этотъ разъ тономъ, кабы ты мнѣ пожаловалъ холстинки ребятишкамъ на рубашенки! Какъ есть перемѣнить нечего, дѣло-то мое одинокое, совсѣмъ сирота круглая.» И она утирала сухіе глаза грязнымъ рукавомъ. Дѣдъ звонилъ и приказывалъ позвать прикащика.

«Илюшка», говорилъ онъ, когда тотъ показывался въ дверяхъ, «дай ты этой бабѣ аршинъ двадцать холстины.» Прикащикъ въ свою очередь заглядывалъ въ окно. «Помилуйте, батюшка, говорилъ онъ, вѣдь отъ этихъ нищихъ отбоя нѣтъ, а ужъ этой и совсѣмъ не слѣдуетъ подавать; вѣдь я ее знаю, ей бы грѣхъ и по міру-то ходить, это Ситневская баба.» — «Ну ужъ дай ей, такъ и быть.» — «Воля ваша, а у насъ и холстины почти ужъ не осталось, на своихъ людей придется покупать.» — «Ужъ двадцать-то аршинъ насъ не разорятъ: говоритъ, дѣти совсѣмъ обносились.» — «Да что вы ее изволите слушать, Борисъ Александровичъ, у нея совсѣмъ и дѣтей-то нѣтъ.» — «Ужъ ты точно не врешь ли?» спрашивалъ дѣдъ, обра-

щаясь къ окну и грозя значительно пальцемъ. «Смотри, я этого не люблю.»—«Сквозь землю провалиться, кормилецъ, коли вру, съ мѣста не сойдти; пять сиротъ, малъ-мала меньше, хоть у кого изволь спросить», пищала опять баба.—«Откуда это они у тебя взялись?» спрашивалъ Илья. «Да прикажите ее прогнать, батюшка, я вамъ точно докладываю, что она и вниманія не стоитъ.»—«Ну смотри, говорилъ дѣдъ, обращаясь опять къ бабѣ, врать ты у меня не смѣй, я этого не люблю. Ты думаешь, я такъ всякому вздору и повѣрю? Ну ужъ дай ей, Илюшка, такъ и быть, въ послѣдній разъ. И самому, братецъ, досадно, да ужъ обѣщался, дѣлать нечего.»

Но Илья изучилъ коротко значеніе этого *послѣдняго раза*, и, идя по двору къ кладовой, въ сопровожденіи бабы, клялся, что если кто впередъ полѣзетъ къ барину подъ окно, того въ другой разъ онъ и на полдвора не пуститъ.

Семидесятилѣтній дворецкій, бывшій въ молодости извѣстнымъ силачемъ, крѣпкій и мускулистый старикъ, состоялъ со мной въ большой дружбѣ. Онъ носилъ обыкновенно синій нанковый сюртукъ и бѣлый вязаный колпакъ, который скидавалъ только въ присутствіи дѣда. Прислуга величала его Левонъ Иванычемъ, мы звали его Левономъ, а дѣдъ называлъ Левкой. Я часто по-утру являлась къ нему въ буфетъ. — «А что, Левонъ, спрашивала я, ты сегодня пойдешь въ выходъ?» Такъ у насъ назывался подвалъ, гдѣ хранились домашніе припасы.—«Нѣтъ, не пойду, отвѣчалъ

онъ, ужъ я всю провизію давно выдалъ повару.»—«Все равно, Левонушка, пойдемъ, пожалуйста».—«А зачѣмъ же это мы пойдемъ?» спрашивалъ Левонъ, лукаво улыбаясь. «Да и въ выходѣ-то ужъ ничего нѣтъ, вонъ я намедни послѣднія груши къ столу подалъ.» Но шутка эта повторялась слишкомъ часто, чтобъ меня напугать. «А можетъ что-нибудь и есть, отвѣчала я, мы поищемъ.» — «Ну, ну, поищемъ,» говорилъ старикъ, смѣясь и цѣлуя у меня руки. Онъ снималъ висѣвшую на стѣнѣ большую связку ключей, запасался блюдечкомъ, бралъ меня на руки и отправлялся въ выходъ. «А кто это тамъ идетъ!» говорилъ значительно Левонъ, только что мы выходили на дворъ, и онъ показывалъ рукой на мелькнувшую вдали фигуру. «Э! да это никакъ кривой Гордей!» Трубочиста я уже давно не боялась потому, что была глубоко проникнута значеніемъ своего шестилѣтняго возраста и успѣла убѣдиться, что трубочистъ можетъ смыть сажу съ рукъ и лица, но Гордея боялась не на шутку, зная, что ему суждено было оставаться всегда кривымъ, къ тому же Левонъ не пропускалъ никогда случая поддерживать во мнѣ страхъ его грознаго имени. — «И прямо на насъ идетъ, ужъ не за моей ли онъ барышней пришелъ?» продолжалъ онъ.—«Левонушка, кричала я, болтая ногами и прижимаясь къ нему, Левонушка, не отдавай меня Гордею.» Разсмѣется бывало Левонъ. — «Ну, такъ и быть», говорилъ онъ наконецъ, натѣшившись вдоволь, такъ и быть, не отдамъ.» Намъ приходилось идти мимо образной, гдѣ мой

дѣдъ, стоя у окна, читалъ въ это время молитву. Какъ скоро наши головы промелькнутъ мимо низкихъ оконъ, дѣдъ примется барабанить по стеклу. Левонъ быстро сдернетъ съ себя колпакъ, но только кивнетъ головой и пройдетъ мимо. Еще шагъ и мы у выхода. Старикъ сажалъ меня на траву, отпиралъ дверь и спускался внизъ къ моему неописанному страху. У меня сердце замирало по мѣрѣ того, какъ его высокая фигура все уменьшалась и исчезала наконецъ совсѣмъ. Мнѣ казалось, что онъ не найдетъ дороги въ этой темнотѣ и уже не возвратится. Я становилась на колѣни, упиралась руками въ землю и, вытянувъ шею надъ порогомъ выхода, принималась громко выкликать Левона. Но вотъ показалась кисточка его колпака, потомъ вся его голова и онъ съ каждой минутой растетъ въ моихъ глазахъ. Онъ сталъ, наконецъ, на твердую землю и подаетъ мнѣ блюдечко съ вареными въ уксусѣ грушами, до которыхъ я особенно была лакома. «Кушайте скорѣе», приговаривалъ онъ, «дѣдушка ужъ стучалъ въ окно; гнѣваться станетъ.» Груши быстро исчезали и мы отправлялись домой тѣмъ же порядкомъ. Подходя къ дверямъ образной, Левонъ опускалъ меня на полъ. Дѣдъ мой въ очкахъ и съ молитвенникомъ въ рукѣ стоялъ у окна передъ кивотомъ. «Куда это ты ходилъ?» спрашивалъ онъ, между тѣмъ какъ здоровался со мной.— «Въ выходѣ былъ.»—«А ее зачѣмъ съ собой бралъ?»—«Что же, нешто бѣда какая! и ихъ взялъ.» — «Вѣрно кормилъ чѣмъ нибудь?» — «Да что за важность, точно, грушку скушали.» Я

очень боялась, чтобъ не потребовались отъ меня подтвержденія этого показанія, потому что я не одну грушку, я цѣлыхъ три груши съѣла.—«На тощакъ-то! куда какъ хорошо! а я тебѣ сколько разъ говорилъ, чтобъ этого не было!»—«Да что̀ вы сердиться то изволите! Вѣдь это не что другое, груша».—«Нечего съ тобой и толковать, а я тебѣ въ послѣдній разъ говорю, чтобъ ты не смѣлъ дѣтей всякой дрянью кормить. Она, разумѣется, рада; что̀ съ ребенка взыскать? что̀ она понимаетъ? Вотъ еще на дняхъ нездорова была».—«Такъ что-жъ? нешто отъ меня? мало ли отъ чего ребенокъ хвораетъ: онъ частехонько и съ глазу хвораетъ.»—«Ну, ну, добро», говорилъ сердито дѣдъ, «ты мнѣ своего вздора не толкуй, а чтобъ этого впередъ не было. Слышишь? Вотъ только меня на молитвѣ смутилъ.»

Левонъ замѣнялъ также дѣду записную книжку, но оказывался часто несостоятельнымъ по этой должности. Случалось, что дѣдъ, путаясь въ какихъ нибудь старинныхъ воспоминаніяхъ, приказывалъ позвать дворецкаго.—«Помнишь ты, Левка,» спрашивалъ онъ, «какъ мы жили въ своемъ домѣ въ Москвѣ, да какъ отъ насъ-то ѣхать къ Нилу Андреевичу, на первомъ поворотѣ стоялъ бѣлый угольный домъ?»—«Не припомню,» отвѣчалъ Левонъ, подумавъ немножко. — «Я право, братецъ, тебѣ удивляюсь, дожилъ ты до сѣдыхъ волосъ, а все вѣтеръ въ головѣ ходитъ, ничего ты не понимаешь. Вертопрахъ какъ есть.»—«Да всего-то и неприпомнишь,» отвѣчалъ семидесятилѣтній вертопрахъ,

уходя. Но прошедши, гостиную, Левонъ останавливался, скидавалъ опять колпакъ, который успѣлъ уже надѣть, выходя отъ дѣда, и возвращался въ спальню.—«Былъ точно угловой домъ,» говорилъ онъ, «только не бѣлый, а желтый домъ, и не къ Нилу Андреевичу ѣхать, а прямо изъ нашихъ-то воротъ да на лѣвую руку.» — «Да мало ли домовъ въ Москвѣ! Я тебѣ говорю, какъ къ Нилу Андреевичу ѣхать, бѣлый домъ.»—»Совсѣмъ такого дома и не было, а я вамъ докладываю, желтый точно былъ домъ, какъ изъ воротъ на лѣво.»—«Ты все свое! Да полно вздоръ-то молоть,» возражалъ съ досадой дѣдъ, «путнаго слова отъ тебя не добьешься.» И Левонъ уходилъ, ворча, что уже нынче больно взыскательны стали.

Всѣ Толычовскіе жители подымались рано, исключая моего дѣда, который вставалъ въ девять часовъ. Его туалетъ и молитва продолжались обыкновенно до двѣнадцати. Но мы были на ногахъ съ семи. Въ восемь раскладывались уже въ гостиной ломберные столы, облитые чернилами и всѣ изрѣзанные перочинными ножами, на нихъ выкладывались тетради и книги, и начинался классъ *большихъ дѣтей*, подъ предсѣдательствомъ матери. Я не иначе начала ее помнить, какъ въ черномъ платьѣ, всегда блѣдную и печальную. Я являлась въ классъ уже гораздо позднѣе другихъ, садилась за особенный столъ, испещряла страницу своей тетради нулями и палками, потомъ, читала съ полчаса въ слухъ историческіе анекдоты въ книгѣ, которой не знаю заглавія, потому что

первый листокъ былъ затерянъ, но между нами она была извѣстна подъ названіемъ: *le gros livre*, тѣмъ ограничивались мои занятія; пока сестры и братъ еще сидѣли, нагнувшись надъ тетрадями, я уходила къ Левону или убѣгала въ садъ. Но къ двѣнадцати часамъ надо было возвратиться, чтобъ поздороваться съ дѣдушкой. Онъ уже сидѣлъ за своимъ овальнымъ столикомъ; мы подходили къ нему поочередно, онъ цѣловалъ насъ и крестилъ, спрашивалъ, какъ кто учился, и иногда пересматривалъ наши тетради. Ему подавали кофе съ сухарями, которыми онъ насъ одѣлялъ, обмакнувъ ихъ въ чашку. Баловалъ онъ насъ неслыханно, но на словахъ былъ такъ же грозенъ съ нами, какъ и съ прислугой. «Поди стань въ уголъ,» говорилъ онъ строго, замѣтивъ малѣйшую шалость. Виновный, съ спокойнымъ сердцемъ, но съ прилично вытянутымъ лицомъ проходилъ по комнатѣ и дошедши до угла, начиналъ протяжнымъ голосомъ: «grand papa, pardonnez-moi, je vous prie.»—«Ну, такъ и быть, говорилъ дѣдъ, только ужъ это въ послѣдній разъ,» и прибавлялъ, стуча грозно пальцемъ по столу: «если я только увижу, что ты шалишь, сохрани тебя Богъ.» Мать моя съ своей стороны была довольно строга, но всегда уступала его просьбамъ. Какъ скоро одному изъ насъ обѣщано было наказаніе, другіе бросались опрометью въ спальню съ слѣдующими словами, произносимыми скороговоркой: «Дѣдушка, маменька хочетъ Варю наказать.»—«То-то, все вы шалите, и матери совсѣмъ не жалѣете,» отвѣчалъ

онъ, грозя пальцемъ; «ну ужъ, такъ и быть, только ужъ, ей Богу, въ послѣдній разъ, позови сюда мать.»—«Пожалуйста, мой другъ,» говорилъ онъ, когда она входила къ нему, держа виноватую за руку, «прости ты ее сегодня для меня. А если она опять шалить будетъ, я не вступлюсь, а самъ еще накажу.» Мать пробовала иногда настаивать, но въ крайнемъ случаѣ онъ прибѣгалъ къ средству, передъ которымъ она была безсильна: «Мнѣ не долго жить, мой другъ, говорилъ онъ, а послѣ меня, наказывай ихъ, какъ хочешь.» У нея на глазахъ навертывались слезы, она садилась молча, и лицо ея принимало еще болѣе печальное выраженіе. Мнѣ самой становилось страшно грустно, когда мое прощеніе выкупалось этими словами. Я долго не смѣла взглянуть на мать, признавая себя виновницей ея печали, наконецъ подходила къ ней и молча цѣловала ея руку. «Ты бы приласкалась къ дѣдушкѣ,» говорила она въ полголоса, наклоняясь ко мнѣ «видишь какъ онъ васъ любитъ.» Мы вполнѣ сознавали эту безграничную любовь; до сихъ поръ у каждаго изъ насъ болѣзненно сжимается сердце при воспоминаніи о днѣ кончины дѣда. Этотъ день познакомилъ насъ въ первый разъ съ настоящимъ горемъ.

Мы обѣдали въ два часа. Послѣ обѣда подавали десертъ и, одѣливши насъ фруктами, дѣдъ отправлялся отдыхать. Два мальчика сгоняли съ него поочередно мухъ, за что онъ, проснувшись, раздѣлялъ между ними остатокъ десерта. Мы опять садились за урокъ съ матерью, во время

его отдыха, а потомъ отправлялись всей семьей въ садъ. Послѣ чаю, мы снаряжались въ дальній путь, т. е. въ лѣсъ за грибами или ягодами. Тутъ гувернантка вступала въ свои права, т. е. провожала насъ въ походъ, а на случай какой-нибудь опасности, предстоявшей на пути, слуга, вооруженный толстой дубиной, замыкалъ шествіе. Въ прислугѣ недостатка не было въ Толычовѣ. Сидѣло въ передней до двѣнадцати человѣкъ. Иные изъ нихъ родились и состарѣлись у насъ въ домѣ; они праздновали крестины трехъ поколѣній и не одного изъ своихъ господъ проводили до могилы, и мы въ свою очередь оплакивали многихъ изъ нихъ. Миръ ихъ праху! Остальные доживаютъ свой вѣкъ, какъ члены нашего семейства.

Случалось, что дѣвушки отправлялись также съ нами въ лѣсъ и затягивали дорогой звонкую пѣсню. Дошедши до лѣсу, мы разсыпались всѣ въ разныя стороны къ величайшему отчаянію Нѣмки гувернантки, которая долго не могла насъ собрать, когда приходило время возвращаться домой и ворчала почти во всю дорогу, что *дѣти очень не акуратъ*.

Веселой толпой прибѣгали мы на широкій Толычовскій дворъ, садились на крыльцо и выгружали въ фартуки дѣвушекъ провизію грибовъ. Что касается до ягодъ, то онѣ съѣдались еще дорогою, исключая самой крупной земляники, которая срывалась съ вѣткой и собиралась въ маленькіе букеты для угощенія дѣда и матери. Солнце

весело садилось за ветхими крышами, звонко пѣли птицы, на горѣ подымалась пыль столбомъ и раздавалось мычаніе коровъ, возвращавшихся на ночлегъ, а по двору вѣчно ходила толпа индѣйскихъ куръ, составляющихъ и теперь для меня неотъемлемую принадлежность Толычова. Я помню до сихъ поръ физіономію пѣтуха, который важно расхаживалъ около нихъ и, какъ только кто-нибудь проходилъ близко, распускалъ хвостъ вѣеромъ и быстро выступалъ полукругомъ нѣсколько шаговъ впередъ.

Среди этой скромной однообразной жизни совершались иногда важныя событія, о которыхъ мы долго толковали. Однимъ изъ главныхъ было появленіе ручнаго медвѣдя въ Толычовѣ. Мы всѣ бросались въ спальню моего дѣдушки съ крикомъ: «медвѣдь, медвѣдь!» и, получивъ позволеніе заставить плясать медвѣдя, съ тѣмъ только условіемъ, чтобъ не близко къ нему подходить, мы выбѣгали на дворъ, куда уже начинала собираться вся деревня. Какъ это все осталось живо въ моемъ воспоминаніи! Будь у меня талантъ къ живописи, я бы начертила портреты этихъ запачканныхъ дѣтей съ бѣлыми волосами, выгорѣвшими на солнцѣ, съ бронзовымъ цвѣтомъ лица и съ большими, плутовскими глазами. Мнѣ кажется, что я изобразила бы ихъ вѣрно, до малѣйшей складки ихъ синихъ рубашенокъ, подпоясанныхъ подъ животомъ. Въ рубашки они сыпали обыкновенно огромный запасъ гороху, что придавало ихъ животамъ необыкновенный объемъ. Вмѣстѣ съ дѣтьми прихо-

дили бабы и мужики, приходили даже и старухи, которыя шли важно, но улыбались въ ожиданіи представленія. Наконецъ, одинъ изъ вожатыхъ надѣвалъ наивный костюмъ козы, между тѣмъ какъ другой, вооружившись длиннымъ шестомъ, принимался бить въ барабанъ, и представленіе начиналось. Нѣкоторыя выходки возбуждали особенное сочувствіе публики; я помню, какой общій взрывъ смѣха встрѣчалъ обыкновенно на распѣвъ произносимыя слова вожатаго: «А какъ красныя дѣвушки охорашиваются, въ зеркальцо посматриваются, женишковъ поджидаютъ?...» Но борьба медвѣдя съ козой, превращенной снова въ мужика, въ особенности нравилась молодымъ парнямъ: они смѣялись и перeглядывались. Къ концу представленія, когда вожатый произносилъ протяжно: «кланяйся, Миша, проси честныхъ господъ, чтобъ водочки поднести приказали, за ихъ здоровье выпить,» причемъ пригибалъ прямо къ землѣ голову бѣднаго медвѣдя. Левонъ Ивановичъ уходилъ домой, и скоро появлялся опять въ сопровожденіи мальчика, который несъ на подносѣ штофъ съ рюмками. Левонъ не скомпрометировалъ бы своего достоинства до того, чтобъ поднести водки медвѣдю и его вожатымъ, и мальчикъ угощалъ ихъ за него. Вожатые выпивали обыкновенно долю медвѣдя, только одинъ изъ нихъ выплеснетъ ему бывало нѣсколько капель въ огромно-разинутую пасть. Когда уводили медвѣдя, толпа бросалась за нимъ, а мы оставались на крыльцѣ, пока не пропадалъ вдали барабанный бой, и толковали о своихъ впечатлѣніяхъ.

Другое событіе, хотя далеко не до такой степени занимательное и важное, было обыкновенно пріѣздъ мужика, торгующаго такъ называемымъ *бабьимъ бисеромъ*. Дѣдушка позволитъ, бывало, каждому выбирать себѣ какого хочетъ бисера, и прикажетъ Ильѣ расплатиться съ торгашемъ, и мы съ сіяющими лицами соберемся около телѣги и требуемъ, кто голубаго, кто зеленаго бисера. Врядъ ли жемчужное ожерелье могло бы доставить теперь которой нибудь изъ насъ столько радости. И какъ мы дивились, забирая свои сокровища, что дѣдъ мой, не боясь подрыва своему капиталу, открывалъ намъ такой безграничный кредитъ.

Но дороже всего этого были для насъ святки. Разсказать не разскажешь, какое было у насъ тогда веселье. Послѣ вечерняго чая собирались мы въ нашемъ флигелѣ, и являлась къ намъ переряженная дворня. Костюмы были незатѣйливы. Кто надѣнетъ шубу на изнанку, кто изъ мужчинъ женскую юбку, а изъ дѣтей огромную кичку; кто приклеитъ себѣ въ три вершка носъ; иной явится съ горбомъ, другой надѣнетъ парикъ изъ неразчесанаго льну. Начиналась пляска, а потомъ слѣдовали подблюдныя пѣсни. Въ заключеніе мы клали всѣ по кольцу на полъ, и въ каждое кольцо насыпали овса, потомъ являлся на сцену пѣтухъ. Испуганный криками, съ которыми его встрѣчали, онъ топырилъ крылья и бросался изъ угла въ уголъ. Тогда всѣ умолкали и присаживались на корточки около мѣста, усѣяннаго ов-

сомъ. Каждый слѣдилъ съ напряженнымъ вниманіемъ за малѣйшими движеніями пѣтуха, который мало-по-малу приходилъ въ себя, оглядывался и начиналъ робко прогуливаться между кольцами.

«Что жъ, дѣвки,» говорила няня, «пора бы запѣвать»; и вдругъ возвышался какой-нибудь тонкій голосъ; другія подхватывали хоромъ, и раздавалась пѣснь о красной дѣвушкѣ, поджидавшей милаго дружка. Тутъ начиналась пророческая роль пѣтуха: изъ чьего кольца онъ начиналъ клевать зерна, той судьба сулила въ будущемъ жениха по сердцу и счастливый бракъ. Слѣдовали и другія пѣсни, гласившія о почестяхъ и о богатствѣ, и пѣтухъ точно также предвѣщалъ кому слѣдовало и богатство и почести.—«Ну, барышня, ваше кольцо, кричали вдругъ нѣсколько голосовъ,— знать вамъ разбогатѣть. Каково! ни зернушка не оставилъ? Видѣли, Агафья Андреевна, мимо всѣхъ колецъ прошелъ, да прямо къ ихнему.» Общее веселье, а можетъ быть и собственныя воспоминанія видимо дѣйствовали на няню. Она не ворчала на дѣвушекъ, а смѣялась, угощала всю компанію яблоками и вареными въ меду орѣхами, и разсказывала какъ въ былые годы, еще при старой барынѣ, имъ объ эту пору всегда былъ шабашъ, и позволялось святки справлять, и какъ одна изъ дѣвушекъ вздумала гадать въ банѣ передъ зеркаломъ. — «И говорили ей, что страшно,» продолжала няня, «и гаданье это грѣшное, недаромъ надо для него крестъ снять, а она не послушалась добрыхъ людей. Сама вся блѣдная, да дрожитъ,

а поставила-таки на своемъ: «чтожъ, говоритъ, что страшно, по крайней мѣрѣ все узнаю.» «Ну, и пошла, да что-то долго не идетъ, вотъ и пошли мы ее провѣдать,—приходимъ, а она лежитъ на полу безъ памяти, словно мертвая. Какъ пришла въ себя и насъ даже не узнаетъ, а только кричитъ, что смерть свою видѣла. Всю ночь пробредила, а дней черезъ пять на тотъ свѣтъ и отправилась.»

Вечеръ проходилъ быстро среди игръ и разсказовъ, то страшныхъ, то веселыхъ. Съ удивленіемъ и горемъ узнавали мы, что уже пора идти ужинать, и я долго не могла уснуть, и все думала о наряженыхъ, о пѣтухѣ и объ умершей дѣвушкѣ.

Няня вела вѣчную войну съ нашими гувернантками, и часто вечеромъ жаловалась на нихъ матери, которая, простясь въ свою очередь съ дѣдомъ, заходила обыкновенно въ нашъ флигель, чтобъ взглянуть на насъ и побесѣдовать съ няней. Мнѣ случалось изъ своей кроватки слышать ихъ разговоръ. «Что это, мать моя,» говорила Агафья Андреевна, «отъ мамзели просто житья нѣтъ; ужъ такіе капризы, что просто святыхъ вонъ понеси. Сегодня поутру два раза отсылала назадъ чай: наливать не умѣю, изволишь видѣть,—ей не по вкусу.» — «Ну, что за бѣда, няня, отвѣчала моя мать, наливай ей какъ она любитъ. Вѣдь ты знаешь, что надо кого-нибудь держать при дѣтяхъ, я сама всюду не поспѣваю, мнѣ отъ папеньки отойдти нельзя.»—«Кто говоритъ! тебѣ не разо-

рваться-же, да зачѣмъ ты имъ волю такую дала? Точно невидаль какая мамзель! ихъ и для тебя нанимали, да тогда совсѣмъ другое было. Маменька добра была, покойница, а шутить тоже не любила. Мамзель такъ и знала свое мѣсто, мамзелью ее и держали. А ужъ ты какіе порядки завела, Богъ тебя знаетъ, и дѣвокъ-то всѣхъ перебаловала. Только, воля твоя, сама съ ней ладь какъ знаешь, а я мамзели угождать не стану.»

Какъ мать моя ни старалась ее успокоить, старушка все больше и больше раздражалась. Оставшись одна, она принималась заправлять на ночь лампадку, горѣвшую передъ образами, и долго ворчала, суча свѣтильню изъ хлопчатой бумаги, что не глядѣли бы ея глаза на наши порядки.

Жилъ у насъ почти постоянно бѣдный сосѣдъ, помѣщикъ двадцати душъ, Александръ Васильевичъ Козыревъ. Онъ сблизился еще въ дѣтствѣ съ моимъ дѣдомъ; мать моя и мы всѣ росли на его глазахъ, и онъ привыкъ смотрѣть на наше семейство, какъ на свое собственное. Его маленькаго дохода не доставало бы на его скромныя издержки, но онъ твердо зналъ, что Толычовскія кладовыя всегда для него открыты. Отъ моего дѣда, но только отъ него одного, онъ принималъ все, но всякое постороннее пособіе было бы имъ отвергнуто. Онъ рано привыкъ къ характеру дѣдушки и ни мало не оскорблялся его безцеремонными выходками, зная, что онѣ одинаково относятся ко всѣмъ. Но не смотря на то, что дѣдъ

мой никогда не останавливалъ мысли своей на томъ, что онъ даетъ, а тотъ принимаетъ, не смотря на то, что, выросши съ Александромъ Васильевичемъ, ему никогда въ голову не приходило измѣрить разницу, положенную между ними состояніемъ и общественнымъ положеніемъ, не говоря уже о томъ, что въ немъ вообще не было ни малѣйшей искры чванства,—эта разница проглядывала невольно въ ихъ отношеніяхъ, помимо, можетъ быть, ихъ собственнаго сознанія. Александръ Васильевичъ, по принятой съ дѣтства привычкѣ, говорилъ моему дѣдушкѣ *вы*, между тѣмъ какъ тотъ говорилъ ему *ты*, какъ и всѣмъ. Случалось иногда, что дѣдъ, приходя въ садъ послѣ обѣда, находилъ уже тамъ Александра Васильевича, ожидавшаго его на зеленой скамейкѣ, и Козыревъ, увидя его издали, торопился уступить ему обычное мѣсто и садился самъ на другой уголъ скамьи. Они родились въ разныхъ слояхъ общества, получили различное воспитаніе, и жили въ разныхъ совершенно средахъ. Между ними было мало общаго; самая привязанность, которую они питали другъ къ другу, носила совершенно различный характеръ. Ихъ соединяла не симпатія, но привычка, и дорогія воспоминанія дѣтства и молодости.

Какъ теперь гляжу я на Александра Васильевича. Онъ былъ худощавъ и небольшаго роста. Остатки бѣлыхъ волосъ торчали на вискахъ и хохломъ на лбу. Толстыя губы и маленькіе голубые глаза придавали его вѣчно улыбающемуся лицу самое

добродушное выраженіе. Онъ обыкновенно носилъ синій сюртукъ, черный жилетъ и большіе серебряные часы на голубой бисерной цѣпочкѣ. По совѣту Левона, онъ постоянно пускалъ въ нихъ конопляное масло, чтобъ колесо не заржавѣло, повѣрялъ ихъ каждый день по солнцу, и все удивлялся, что они идутъ невѣрно. По воскресеньямъ, онъ мѣнялъ сюртукъ на синій фракъ, и черный жилетъ на бѣлый. Толстая суковатая палка въ рукахъ дополняла его костюмъ. Онъ былъ женатъ, но уже давно разстался съ женой, вслѣдствіе какого-то драматическаго событія, не оставившаго, впрочемъ, на немъ никакихъ слѣдовъ. Такого счастливаго характера мнѣ не приходилось уже встрѣчать; онъ былъ всегда въ духѣ и достаточно было малѣйшей бездѣлицы, чтобъ возбудить въ немъ неистощимую веселость. Особливо, когда ему случалось упасть, а это случалось довольно часто, онъ о своемъ паденіи толковалъ цѣлый день съ громкимъ хохотомъ. «Вотъ не думалъ, не гадалъ, иду изъ Левонова флигеля, да и засмотрѣлся на облака, думалъ не будетъ ли дождичка, а тутъ дворовые, на бѣду, холстину разостлали бѣлить; я въ нее запутался, да какъ шлепъ», и опять хохотъ.—«Не чему смѣяться, говорилъ съ досадой дѣдъ, въ наши съ тобою годы пора бы постепеннѣе быть. Ну что, еслибъ ты разшибся?»—«Да вотъ не разшибся.» У Александра Васильевича оставались всего два зуба, которымъ онъ былъ обязанъ многими веселыми минутами. Онъ находилъ, что выдернуть ихъ жаль, благо они еще держатся; но такъ какъ они

шатались, что мѣшало ему ѣсть, онъ вздумалъ ихъ связывать вмѣстѣ бѣлымъ шелкомъ.

«Каково», говаривалъ онъ почти каждый разъ послѣ обѣда, «выпросилъ я вчера шелковинку у дѣвушекъ, да зубы связалъ крѣпко на-крѣпко,—ну, думаю себѣ, теперь на долго; а сегодня ужъ шелковинку-то поминай какъ звали. Съ супомъ съѣлъ; должно быть вкусна показалась.» И онъ опять начиналъ смѣяться.

Онъ обыкновенно сидѣлъ напротивъ моего дѣда, у противоположной стѣны, опираясь руками на свою палку, а подбородкомъ на руки. Старики толковали о послѣднихъ газетныхъ новостяхъ или о Москвѣ, гдѣ Александръ Васильевичъ не бывалъ съ чумы. Онъ и уѣзднаго города, который былъ отъ насъ въ сорока верстахъ, не видалъ съ тѣхъ же поръ. Не помню, по какому случаю ему пришлось побывать въ Серпуховѣ. Никогда Парижъ не возбуждалъ въ своихъ поклонникахъ такого сильнаго восторга. «Тьфу ты пропасть!» говорилъ онъ, «домищи-то, домищи-то, величины-то какой! Точно дворцы. Что твоя Москва!»—«Да ты никакъ въ ней давненько не бывалъ?» говорилъ дѣдъ, смѣясь.—«Давненько-то, давненько, съ самой чумы не былъ.» Во время чумы, Александръ Васильевичъ состоялъ подлекаремъ въ одной изъ московскихъ больницъ, что давало ему право говорить свысока о современныхъ авторитетахъ въ медицинскомъ и хирургическомъ мірѣ. Будь онъ живъ до сихъ поръ, онъ не отступилъ бы передъ Пироговымъ. Какъ скоро рѣчь шла о болѣзни: «Позвольте, это по нашей

части,» говорилъ онъ заносчиво. Кромѣ того онъ считалъ себя болѣе или менѣе судьей во всѣхъ научныхъ и въ особенности во всѣхъ политическихъ вопросахъ. Не даромъ же онъ столько лѣтъ читалъ постоянно *Московскія Вѣдомости*. Онъ очень рѣзко судилъ о преніяхъ англійскаго парламента, и вступилъ бы вѣроятно въ горячій споръ съ лордомъ Джономъ Росселемъ, еслибъ судьба свела ихъ гдѣ-нибудь. Всякая новость изъ ученаго или политическаго міра занимала его день и ночь, какъ вещь ему близкая, родная. Какъ скоро онъ погружался въ такого рода интересъ, нашъ старичокъ бывало самъ не свой. Случалось, что среди глубокаго молчанія онъ со всего размаха ударитъ себя вдругъ ладонью въ лобъ. «Или тебя мухи замучили?» спрашивалъ мой дѣдушка. «Ты бы приказалъ мальчику взять вѣтку да помахать.»—«Какія мухи, отвѣчалъ Александръ Васильевичъ, я все вотъ объ этой чертовщинѣ-то думаю, хочу сообразить, какъ это дѣло-то было.» Мы его очень любили и часто мучили. Разъ, во время нашего утренняго урока, мать моя начала прислушиваться къ неумолкаемому хохоту, сопровождаемому необычайно быстрымъ шарканьемъ ногъ Александра Васильевича. Она встала и пошла посмотрѣть, что дѣлается въ сосѣдней залѣ. Сестра Варя, фаворитка старика, вздумала его побѣсить. Онъ пришелъ изъ Левонова флигеля съ газетами въ рукѣ, и, надѣвъ очки въ серебряной оправѣ, собирался сѣсть къ окну и почитать. Шалунья бросилась къ стулу, на которомъ онъ обыкновенно

сидѣлъ и положила на него крестомъ сложенныя руки. Старикъ засмѣялся и направился къ другому стулу, но она опередила его и опять не допустила сѣсть. Такъ обошли они или скорѣй обѣжали всю комнату. Козыревъ, выбившись изъ силъ и задыхаясь отъ смѣха, очень обрадовался появленію моей матери и просилъ, чтобъ она его выручила. Когда насъ позвали къ дѣду, окончившему свою молитву, Александръ Васильевичъ разсказалъ ему о своемъ похожденіи. «Жаль, что ты этой проказницы не поймалъ, да не поставилъ въ уголъ, замѣтилъ дѣдъ. Ужъ какое я бы тебѣ за это спасибо сказалъ! да еще и самъ бы наказалъ, право наказалъ бы,» продолжалъ онъ, строго глядя на Варю, и подавая ей обмоченный въ кофе сухарь. Неистощимая веселость Александра Васильевича только разъ измѣнила ему на моей памяти. Въ день кончины дѣда, его черты приняли совершенно чуждое имъ выраженіе, и крупныя слезы текли безсознательно по его наморщеннымъ щекамъ.

Такъ проходили дни, мѣсяцы, годы. Я все по прежнему ѣла груши, сидя у выхода, но Левонъ меня уже не носилъ на рукахъ, хотя это было бы мнѣ, можетъ быть, и пріятно, но я сильно боялась скомпрометировать себя. Помню, съ какой гордостью я показывала брату, на сколько я переросла пятнышко на стѣнѣ, у котораго мы обыкновенно мѣряли свой ростъ. На полкѣ, которую няня устроила для моихъ игрушекъ, почетное мѣсто принадлежало уже не куклѣ, а двумъ томамъ *Berquin*, подареннымъ мнѣ моей матерью

въ день рожденія. Одинъ изъ нихъ уцѣлѣлъ до сихъ поръ и хранится по прежнему, какъ святыня. Разсказы няни пріобрѣли для меня положительный интересъ; я уже могла сообразить эпохи и степени родства, знала, что у моей прабабушки, которую няня звала обыкновенно «старая барыня», было 17 сыновей и 2 дочери, что одна изъ нихъ, моя бабушка, Надежда Николаевна, была любимой дочерью отца и матери, между тѣмъ какъ вторую, Анну Николаевну, ни отецъ, ни мать не любили,—знала, что няня шла въ приданое за моей бабушкой, а потомъ и за матерью; что у моей матери была старшая сестра, умершая четырехъ лѣтъ, и что меня въ память о ней назвали Катей; и наконецъ знала имена большей части людей, служившихъ въ домѣ задолго до моего рожденія. Часто въ зимній вечеръ, напившись чаю съ семействомъ, я выпрашивалась въ нашъ флигель. Няня, сидя въ большихъ креслахъ, выкрашенныхъ бѣлою краскою, и обитыхъ когда-то жолтой матеріей, отъ которой остались одни полинявшія лохмотья, медленно вязала чулокъ. Я усаживалась около нея. «Разскажи-ка мнѣ, нянюшка, спрашивала я, какъ вы живали въ старину.» Няня очень любила говорить о прошломъ, но какъ-то не охотно выказывала удовольствіе, съ которымъ приступала обыкновенно къ разсказу.

—Ну, такъ и жили, отвѣчала она, что тутъ разсказывать-то!—Но эти грозныя слова меня не пугали; я очень знала, что разговоръ тѣмъ не прекратится. Слѣдовало минутное молчаніе.

—Да, жили не то, что теперь, начинала опять старушка. Тогда страхъ знали, а не то, что теперь, кто во что гораздъ. И замужъ-то выходили не съ двадцати лѣтъ, а послуживши, да горя-то поузнавши.—«А отчего ты замужъ не вышла, нянюшка?»—Меня-то бабушка любила, собрала меня замужъ, еще я была молода и приданое мнѣ сшила, царство ей небесное! Женихъ былъ славный. Да ужъ, видно, мнѣ не судьба была замужъ идти. Маменька въ то самое время родилась, выписали няню изъ Москвы, да непутная на бѣду попалась, отослали ее назадъ, а пока другую искали, приставили за ребенкомъ тетенькину няню. А ужъ тетенька-то была на ногахъ, за ней могла и дѣвушка присмотрѣть, да какъ на грѣхъ няня разнемоглась ни съ того, ни съ сего, полежала три дня, да и Богу душу отдала, такъ и пріобщить не успѣли. Бабушка, даже въ слезы: и няню-то жаль, что хорошая была женщина, да и къ ребенку приступиться некому. «Успокой ты меня, Агафья, говоритъ, походи ты за ней, успѣешь свадьбу сыграть.» «Воля ваша, молъ, сударыня,»—а сама, признаться, поплакала; ужъ и вѣнчальное платье было готово, а отложить свадьбу такъ ужъ на долго, дѣло-то шло къ великому посту. Такъ и стала я за маменькой ходить, да вотъ и васъ всѣхъ Богъ привелъ выходить. А она родилась хиленькая, да крошечная, еле душа въ ней держалась, все хворала моя голубушка. Что я съ ней горя-то приняла! Что ночей просидѣла. Бывало придетъ женихъ, а мнѣ ужъ и не до него,—ну и онъ

отвыкъ,—его же стали за другую сватать. Такъ свадьба и разошлась. А за него отличная невѣста пошла, вольная и рукодѣльница такая, ей-то я и приданое свое продала; только и оставила тонкаго полотна себѣ глаза покрыть, когда умру. Какъ хорошо жилъ съ женой, человѣкъ былъ степенный, не пьющій, и господа его любили.

— Въ это самое время и маленькая тетенька скончалась, няня, спрашивала я.

—Ужъ то-то было горе, отвѣчала старушка. Что за ребенокъ былъ! Ужъ какъ всѣ по ней плакали. Никто въ ней души не чаялъ. Дѣдушка въ это время въ Москву ѣздилъ, по дѣламъ. Уѣхалъ онъ рано съ утра, молебенъ ему напутный отслужили и пришелъ онъ къ намъ съ дѣтьми прощаться. Лица просто на немъ не было. Сѣлъ это онъ возлѣ тетенькиной кроватки, да такъ слезы и покатились, словно сердце чуяло, что уже больше не видать ее. Бабушка стала его уговаривать: «Ну что ты, говоритъ, мой другъ, такъ убиваешься. Дастъ Богъ, скоро вернешься, поѣзжай въ добрый часъ, лошади готовы.» И сталъ онъ съ тетенькой прощаться, ужъ цѣловалъ онъ ее, и крестилъ-то ее сонную. «Хоть бы она мнѣ на радость проснулась, говоритъ, хоть бы взглянула еще разочекъ на меня.» Бабушка хотѣла тихонько разбудить ее, такъ не позволилъ, «головка, говоритъ, болѣть будетъ.» Тутъ и съ маменькой простился; ну, объ ней-то онъ не такъ тосковалъ. Сама еще ничего не смыслила, а вѣдь та ужъ не то, что крошечная была, все понимала все говорила, и его-то какъ любила. Издали бы-

вало его завидитъ, такъ къ нему и бѣжитъ. Ужъ что былъ за ребенокъ! Какъ проснулась, такъ и хватилась объ немъ. Что слезъ-то было, когда сказали, что папа уѣхалъ. И скорехонько послѣ него, моя голубушка, захворала. Ужъ чего-чего не дѣлали, и доктора изъ города привозили, да ничто не помогло. Всего два денечка проболѣла, да и скончалась, ужъ какъ бабушка-то убивалась, а къ барину и писать не стала. «Что, говоритъ, его заранѣе смущать, и такъ скоро узнаетъ, а отпиши къ нему теперь, онъ и дѣла-то всѣ броситъ.» А онъ вдругъ на бѣду скорехонько вернулся; совсѣмъ его и не ждали. Сидимъ это мы послѣ обѣда, да объ своемъ горѣ толкуемъ, вдругъ бѣжитъ ключникъ: «Баринъ, говоритъ, ѣдетъ!»—мы бросились къ бабушкѣ. Какъ она услыхала, такъ вся и помертвѣла. Встала было съ мѣста, да пошатнулась, мы хотѣли поддержать:—«Ничего, говоритъ, пройдетъ» потомъ перекрестилась да и говоритъ мнѣ: «подай скорѣе Дуничку.» Принесла я маменьку. Она взяла ее на руки и пошла съ ней на крыльцо, и я за ней. А ужъ дѣдушка-то на дворъ въѣзжаетъ, какъ сталъ изъ коляски выходить: «Гдѣ же, говоритъ, Катя?» Хотѣла бабушка что-то сказать, да и залилась слезами, а сама ему маменьку подаетъ. А онъ, мой голубчикъ, смотритъ точно себя не помнитъ, весь въ лицѣ измѣнился, ничего не сказалъ, а только сѣлъ на крыльцо и голову на руки опустилъ. А бабушка-то нагнулась къ нему, да и положила ему маменьку на колѣни. Какъ онъ взглянулъ на нее, такъ и заплакалъ и поцѣловалъ

ее: «Другъ мой, говоритъ, это меня за тебя Пресвятая Богородица наказала, я передъ тобой виноватъ». Да ужъ послѣ и разсказывалъ, что какъ ѣхалъ-то, такъ молился передъ образомъ Троеручицы, и всѣхъ своихъ поминалъ, повѣрялъ ихъ безъ себя Царицѣ Небесной. А самому, говоритъ, такъ страшно, какъ Катю помяну, словно сердце кровью и обольется. Стою это я, говоритъ, передъ образомъ, и вымолвить-то не смѣю, а только думаю, что молъ Царица Небесная, ужъ если тебѣ угодно меня лишить одной изъ нихъ, возьми лучше послѣднюю. Меня, говоритъ, за это должно быть Матерь Божія и наказала; ужъ если она мнѣ ихъ обѣихъ послала, такъ онѣ мнѣ обѣ должны быть равны.» Да съ того дня, какъ онъ ужъ къ маменькѣ привязался! Она же объ эту пору поправляться начала, такая полненькая, бѣленькая стала. Придетъ онъ къ намъ, бывало, въ дѣтскую, сидитъ съ ней по цѣлымъ часамъ, не наглядится на нее. Какъ стала она подростать, началъ это онъ ее баловать, что, бывало, ладу нѣтъ. Ужъ и бабушка иной разъ ворчитъ. — «Ну къ чему, говоритъ, такъ ребенка баловать?»—«А это я, говоритъ, другъ мой, вину свою передъ ней искупаю, сама знаешь, что я передъ ней виноватъ.»

Любимые разсказы моей няни относились къ той эпохѣ, которую она сама называла *стариной*, т. е. къ моей прабабушкѣ. Только со времени ея смерти и замужства моей бабушки, которое послѣдовало вскорѣ послѣ, начиналась для няни современная исторія.

—При старой барынѣ, говаривала она, было насъ пятьдесятъ кружевницъ и около шестидесяти швей. Имѣнье было богатѣйшее: восемь тысячь душъ, да денегъ куры не клевали. Въ однѣхъ кладовыхъ, что навалено было добра! Что серебра, что полотенъ! Пріѣздъ какой былъ! Николай Петровичъ любилъ похвастаться своей хлѣбъ-солью: въ деревнѣ зададутъ бывало пиръ на всю губернію. Шутихъ тоже по пяти для забавы держали. Какъ соберутся гости, разодѣнутъ ихъ, бывало, въ желтыя да въ красныя платья, да прикажутъ плясать, либо стравятъ другъ съ другомъ браниться; до драки, бывало, доведутъ ихъ, и господа такъ и лягутъ со смѣху. Одна у насъ дура, Ѳедора, ужъ очень затѣйлива была. Николай Петровичъ ее въ имянины губернатору подарилъ. Разодѣли ее въ пухъ и въ прахъ и самъ онъ ее въ своей каретѣ отвезъ. А она какъ прослышала, что ее къ губернатору везутъ въ подарокъ и подняла вой на весь домъ. Даромъ что дура, а все-таки поняла, горько ей было съ своими разстаться, жаль ее даже сердешную стало, да старый баринъ шутить не любилъ: «молчать, говоритъ или на конюшню отправлю.» Нечего сказать, жили въ свое удовольствіе, а даромъ денегъ не сорили, все было на счету, и насъ скупо содержали, оттого на все и ставало.

—А какое вамъ было содержаніе нянюшка? спрашивала я.

—Содержаніе-то намъ было не то, что теперь. Давали намъ два платья въ годъ, да три рубашки, да по двадцати пяти копѣекъ подъ новый

годъ раздавали, да вотъ и всё. А на много ли это потянетъ? Вѣдь обутся надо, — платочекъ тоже купишь, или прикидку какую, да мало ли что еще.

—Да что же вы дѣлали, нянюшка?

—Извѣстно что, работали. Цѣлый день бывало сидишь за барской работой, чтобъ урокъ былъ къ субботѣ готовъ, а ночью за свою работу примешься. Старая барыня, царство ей небесное, на это хороша была, никогда за нашу работу не гнѣвалась. Какъ встанетъ это она къ заутренѣ,— страхъ какъ богомольна была покойница,— такъ ей мимо нашей дѣвичьей идти придется; только бывало и скажетъ: «А что, дѣвки, должно быть своя ноша не тянетъ,—ну что кабы я васъ заставляла по ночамъ-то за работой сидѣть!»—«Что-жъ молъ, сударыня, на то есть воля ваша, господская, прикажите, такъ и будемъ сидѣть.» Разсмѣется бывало,—«ну ужъ такъ и быть, говоритъ, ночь ваша, куйте себѣ денегъ, только сохрани васъ Богъ у меня свѣчи таскать.» — «Помилуйте, говоримъ, матушка, хоть спросить извольте, свои покупаемъ.» Такъ и пройдетъ мимо, и никогда мы отъ нея не слыхали за это выговора. За то ужъ на свою работу, куда какъ строга была. Всѣ наши рабочія обойдетъ по субботамъ и бѣда, у кого урокъ не готовъ: такъ желѣзнымъ аршиномъ и огрѣетъ. Я, слава Богу, на работу скора была, никогда не была бита за уроки, только всего разъ пощечину получила, и то не за себя, а за сестру. И теперь частехонько

съ ней вспоминаемъ. Ждемъ это мы барыню въ субботу, ну, у кого урокъ готовъ, тотъ и сидитъ съ спокойнымъ сердцемъ, а кто не въ исправности, всѣ молитвы причитываетъ, пока на скорую руку доработываетъ. Сестра бѣдная тоже не поспѣла, да какъ увидала, что идетъ барыня прямо къ ней,—да какъ на грѣхъ такая сердитая,—такъ ужъ очень сробѣла, да ей въ ноги: «Матушка, говоритъ, урокъ-то у меня не готовъ.» Какъ Анисья передъ ней на колѣнахъ стояла, такъ она ее аршиномъ-то по головѣ, да ужъ и натѣшилась надъ ней. Анисья не вытерпѣла, закричала, а у меня со страха такъ колѣни и подкосились. Барыня потомъ ко мнѣ подошла. «Готовъ, говоритъ, урокъ?» Подаю работу—видитъ все въ исправности. «Видно, говоритъ, можно съ этимъ урокомъ справиться, отчего же твоя сестрица своего не приготовила?» — «Что-жъ, говорю, матушка, Катерина Алексѣевна, она точно виновата, и за свою вину наказана была.» — А у самой-то голосъ такъ и дрожитъ. Взглянула она на меня да еще больше разсердилась. «Вишь, говоритъ, нѣжности какія! Того и гляди, что съ тобой дурнота съ горя сдѣлается; барыня должно быть тиранка, сестрицу на смерть избила. Ужъ если она тебѣ очень больна, чего же ты смотришь, благо ты сама такъ прытка, что у тебя всегда урокъ готовъ, что-жъ ты ей не подсобляла? На, говоритъ, чтобъ тебѣ не завидно было.» А сама размахнулась, да прямо меня въ щеку. Послѣ дѣвки-то надо мной подшучивали: «Вотъ тебѣ, говорятъ, въ чужомъ пиру

похмѣлье, не думала не гадала, а пощечину съѣла.» Что смѣху-то было! И надъ Анисьей долго трунили: «Ужъ ты, говорятъ, къ субботѣ урокъ-то приготовь, а не то быть Агафьѣ съ пощечиной.»

Подобные разсказы меня волновали сильно и я громко выражала свое негодованіе противъ правосудія моей прабабушки. Няня очень оскорблялась моими словами, и старалась всегда доказать мнѣ ихъ несправедливость.

—Что ты это сударыня, какъ можно такъ говорить! Положимъ, она точно къ намъ не хороша была, не тѣмъ будь помянута, — царство ей небесное! да ужъ она за все замаливала. Постница какая была! На страстной недѣлѣ безъ масла кушала. Разъ какъ-то поваръ ошибкой, да на маслѣ приготовилъ,—ну ужъ, досталось ему это масло!—А чтобъ заутреню проспать, она этого и грѣха не знала. Такъ вотъ какъ; — ее надо на молитвѣ поминать, а не то, чтобъ такъ объ ней говорить.

— А Николай Петровичъ каковъ съ вами былъ, нянюшка?

Няня махнула рукой. — Страхъ, какъ сердитъ былъ. А не хочу грѣха на душу брать: мы-то на него не плакались, онъ насъ и не зналъ. Стану я, говоритъ, въ бабьи дрязги входить. Есть изъ чего хлопотать, изъ тряпья какого-нибудь, да дѣвокъ понапрасну мучить, онѣ и сами того не стоятъ, чтобъ себя изъ-за нихъ тревожить. —Ну, ужъ за то мужчины передъ нимъ дрожали; все у него по струночкѣ ходило, а чуть что не такъ.

и, Боже упаси, какъ взбѣсится. Хорошо, коли успѣютъ къ бабушкѣ броситься: «Матушка, молъ, спасите, папенька на такого-то изволятъ гнѣваться.» Побѣжитъ тотчасъ къ нему и выпроситъ бывало. Ей ни въ чемъ отказа не было. Онъ и самъ чувствовалъ, что противъ нея не въ силахъ былъ ничего сдѣлать. Какъ на кого раскричится: «Сохрани, говоритъ, Богъ, если до Наденьки дойдетъ. Я непремѣнно узнаю, кто ей скажетъ, и то сдѣлаю, чего никто не ожидаетъ.» А почемъ онъ узнаетъ? насъ было народу, что и не перечтешь, а бабушка ужъ ни за что не выдастъ. Сколько разъ онъ ее допрашивалъ: «Кто, да кто тебѣ сказалъ?» — «Не назову его, папенька, говоритъ,—сами вы меня набаловали, да хотите отъ меня повиновенія требовать.» Такъ въ шутку и оборотитъ, а онъ разсмѣется, дѣло-то и сойдетъ съ рукъ. Анну Николаевну, бѣдную, видѣть просто не могъ, — другаго имя ей не было, что *Анютка*, а въ бабушкѣ души не слышалъ. По утру она еще не вставала, а онъ раза три придетъ объ ней узнать. — «Еще почиваетъ, молъ, сударь; прикажите, такъ разбудимъ.» — «Не надо, говоритъ, пусть она себѣ спитъ на здоровье, а только что встанетъ, такъ мнѣ доложить.» Насъ тогда за барышней восемь дѣвокъ ходили, такъ онъ ужъ по ней-то и къ намъ ласковъ былъ. Шутитъ съ нами, бывало, ну и мы смѣемся,—и ничего. Зашелъ это онъ какъ-то къ намъ въ рабочую, въ самую субботу, а старая барыня уроки перемѣриваетъ.

«Слушай, говоритъ, Катерина Алексѣевна, ты все говоришь, что это кружево дочерямъ на приданое готовишь; отдавай его все Анюткѣ, а я не позволю, чтобъ хоть одинъ вершокъ па Наденькину долю пошелъ. Оно слезами облито, — оно проклятое. Я не хочу, чтобъ проклятія до нея касались, пускай проклинаютъ насъ съ тобой, а не ее. Намъ не диковина, я чай и въ могилахъ-то нашимъ косточкамъ покоя не будетъ. А ты знай: если Богъ меня не приведетъ ее при себѣ пристроить, чтобъ все кружево и все шитье на ея приданое были куплены.—Точно у него сердце чуяло, что онъ ее при себѣ не пристроитъ. Какъ онъ скончался, бабушка-то очень объ немъ убивалась; цѣлыя трое сутокъ что не хоронили, такъ отъ него и не отходила.»

Подъ вліяніемъ этихъ разсказовъ часто думала я о томъ, какъ живали въ старину. Не разъ случалось, что когда няня, уложивши меня спать и перекрестивши, начнетъ читать вполголоса свою молитву, я вспоминала обо всемъ слышанномъ отъ нея въ этотъ вечеръ, и въ полудремотѣ переносилась въ тотъ міръ, съ которымъ меня ознакомили ея разсказы. Мое воображеніе живо рисовало передо мной цѣлый рядъ фантастическихъ образовъ. Я сродпилась въ ними, какъ съ живыми лицами, и каждое изъ нихъ внушало мнѣ особенное чувство. Помню, что я какъ-то занемогла, и мнѣ все снилось, въ лихорадочномъ бреду, что меня преслѣдуетъ моя грозная прабабушка, вооруженная желѣзнымъ аршиномъ. Живѣе и родственнѣе другихъ, являлось

мнѣ блѣдное, измученное лицо ея второй дочери, умершей двадцати лѣтъ. Я всегда плакала, когда няня разсказывала мнѣ подробности о ея кончинѣ, и до сихъ поръ, еще при мысли о ней, сжимается сердце.

Няня разсказывала часто, какъ семейство, въ старые годы, ѣздило за шестьсотъ верстъ въ деревню на лѣто.

—Насъ-то бывало съ дѣтьми, да съ обозомъ отправятъ впередъ, говаривала она, а сами старые господа съ бабушкой да съ тремя старшими сыновьями выѣзжали ужъ недѣлю спустя. Пріѣдемъ мы, да все для нихъ и приготовимъ. Они всѣ жили въ большомъ домѣ, а для дѣтей, чтобъ они не мѣшали, флигеля были выстроены, туда имъ и кушать приносили. Только по воскресеньямъ, бывало, послѣ обѣдни, водили мы ихъ съ господами здороваться. Анна Николаевна, моя голубушка, хоть и не маленькая ужъ была, а тоже жила съ нами во флигелѣ. Сидитъ, бывало, цѣлый день подъ окномъ да кружево плететъ, либо на церковь шьетъ что-нибудь. А какъ придетъ вечеръ уйдетъ гулять одна одинехонька и придетъ домой ужъ поздно, когда ужинать собираютъ. Только у нея забавы и было. Нарядовъ тоже хоть бы совсѣмъ и не было, ей все равно: всѣ тогда пудру носили, а она и пудрилась рѣдко. Грустная такая все была, и словно больная; кровинки въ лицѣ не было, а собой такая хорошенькая, даромъ что смугла; черноволосая, и глаза у нея черные были. Дѣвки, бывало, пѣсни поютъ или играютъ межъ собой по

воскресеньямъ, а она, сердечная и не улыбается. А вотъ только любила, чтобъ ей сказки сказывали, —иныя дѣвки-то у насъ были на это дѣло мастерицы. Рада, бывало, слушать по цѣлымъ часамъ. Что за душа была! За что это старые господа ее ненавидѣли, Богъ ихъ знаетъ! Если бъ не бабушка, ее совсѣмъ бы кажется со свѣту бѣлаго сжили. Что ей бывало нужно, все та выпроситъ да устроитъ; а сама она, бѣдняжка, и заикнуться ни о чемъ не смѣетъ. Робкая такая была, а бабушка живая да веселая. Ужъ куда какъ онѣ несхожи были, словно не сестры, и съ лица-то другъ на дружку не похожи. Анна-то Николаевна худенькая, и собой невеличка, а бабушка высокая, да стройная, волосы у нея рыжеватые, а сама бѣла какъ сметана. Какъ она, бывало, напудрится, да голубое платье надѣнетъ, —было у нее любимое, атласное, золотомъ шитое,—такъ любо посмотрѣть. Анна Николаевна, какъ ее тоже любила, да еще у нея изъ маленькихъ братьевъ одинъ былъ любимый. Сама съ нимъ сыпала, сама его няньчила и обшивала,—не налюбуется бывало на него. Да видно она такая ужъ несчастная родилась: полненькій былъ ребенокъ, и казалось здоровенькій такой, а въ нѣсколько часовъ его свернуло. Ужъ около трехъ лѣтъ ему было. Какъ она по немъ сердечная убивалась! И мы-то, что страха тогда приняли! До сихъ поръ вспомнить не могу.

—Разскажи мнѣ, няня, какъ это случилось.

—Да въ дорогѣ случилось. Отпустили это насъ, какъ слѣдуетъ, впередъ. Тянемся мы, бывало, су-

токъ двѣнадцать или больше, измучимся просто. Вотъ пріѣхали мы разъ вечеромъ на ночлегъ, а у нихъ вишь въ селѣ повальная болѣзнь на дѣтей. Схватитъ вдругъ горло ни съ того сего, да черезъ нѣсколько часовъ какъ и не бывало. А дальше ѣхать, нечего и думать: дождь такъ и льетъ, и зги Божіей не видать; дѣлать нечего, тутъ мы и расположились. Отвели намъ четыре избы. Анна Николаевна обыкновенно съ своимъ Боринькой, да еще трехъ съ ней помѣстили, да нянька, да я, да сестра. Поужинали мы, да и улеглись спать. Съ вечера-то все ничего, а къ утру двое изъ дѣтей стали жаловаться, да плакать; дыханье захватило и стало горло разбаливаться. Хватиться-то не за что; была съ нами святая вода, напоили мы ихъ, да и та не помогла. Сперва старшій скончался, а тутъ и Боринька. Анна Николаевна его во все время съ колѣнъ не спускала, такъ у нея на рукахъ и отошелъ.—«Только, говоритъ, и было у меня радости въ жизни: страшно меня Богъ испытываетъ.» Одѣла его сама, моя голубушка, и плакала по немъ, глазъ не осушая. Какъ это положила она его на столъ, а мы со страха бросаемся изъ угла въ уголъ, ничего не отыщемъ,—вѣдь и того-то надо собрать, — вдругъ къ намъ въ дверь стучатся. Отперли мы: прибѣжала наша же дѣвушка изъ другой избы. «Батюшки, говоритъ, бѣда, у насъ ребенокъ скончался.» Такъ у насъ ноги и подкосились. Анна Николаевна руками всплеснула; положила она земной поклонъ: — «Хоть бы ты на меня, говоритъ, оглянулась, Пресвятая Богородица, да и меня бы прибрала.» Послали за попомъ, похоронили ихъ, да и поѣхали дальше. Барышня во всю дорогу тосковала, а мы все совѣтовались, какъ старой барынѣ объ этомъ объявить, просто ума не приложимъ.

—Какъ же ей, нянюшка, сказали? очень она плакала? спросила я наивно, когда въ первый разъ услыхала этотъ разсказъ.

—Ну, что тутъ плакать-то, отвѣчала старушка, нешто это она послѣднихъ похоронила? еще и такъ много осталось. Она же до дѣтей, особливо до маленькихъ, куда какъ не горяча была! Мы знали, что горя-то ей не будетъ, да боялись, что на нянекъ гнѣваться станетъ.

—Да онѣ-то чѣмъ же виноваты?

—Хоть и не виноваты, а съ барыней спорить не станешь. —Какъ это она пріѣхала въ деревню дня два послѣ насъ, да услыхала, что случилось, такъ и велѣла всѣхъ нянекъ пересѣчь. Вотъ и толкуй, что не виноваты. Покойница-то порядокъ любила.

— А что, нянюшка, какъ вы жили послѣ Николая Петровича?

— И не приведи Богъ какъ жили. Ему только годъ минулъ, какъ она сама скончалась, да сокомъ вышелъ этотъ годъ. Ужъ тутъ никому помилованья не было. Кого бывало поведутъ наказывать, бабушка ужъ не отстоитъ.

— Да вѣдь ты говоришь, нянюшка, что они оба бабушку любили?

—Ужъ она ее больше по немъ любила, а самато покойница ни къ кому особенно горяча не бы-

ла. Самый любимый у нея былъ старшій сынъ, Павелъ Николаевичъ, да и для него, бывало, никому не спуститъ. Онъ тоже добрый такой былъ; гдѣ можно, скроетъ вину, а ужъ если она, помилуй Богъ, узнаетъ,—ни за что не проститъ. Какъ она больна была, ужъ совсѣмъ передъ концомъ, такъ у насъ двѣ дѣвушки согрѣшили, а она ихъ наказать приказала...

—А какъ же онѣ согрѣшили, нянюшка?

—Ну, что тутъ разсказывать-то, согрѣшили, да и все-тутъ. Точно, виноваты были, извѣстно: за доброе дѣло не стали бы наказывать. Приказала она ихъ сослать въ деревню камни таскать для постройки, а тамъ ихъ за мужиковъ отдать, а до оказіи въ деревню приказано имъ было жить въ людской. Вотъ и живутъ онѣ. А она объ эту пору совсѣмъ разнемоглась; ужъ давно она хворала, да все еще на ногахъ была, а тутъ видимъ, что дѣло плохо, какъ есть послѣдній конецъ. Весь она христіанскій долгъ исполнила, исповѣдывалась и пріобщилась. На другой день у нея языкъ отнялся, а сама въ полной памяти. Послали тотчасъ за священникомъ ее соборовать. Вся дворня собралась тоже помолиться, и мои дѣвки тутъ же явились. Какъ ее отсоборовали, всѣ стали уходить, а онѣ дождались Павла Николаевича, да въ ноги ему. «Батюшка, говорятъ, попросите за насъ, ради Бога, авось она теперь не откажетъ; для своей же душеньки, можетъ, помилуетъ.» Ужъ очень, это имъ за мужиковъ не хотѣлось. И приказалъ имъ Павелъ Николаевичъ стать за дверью, «а какъ я, говоритъ, вамъ махну, вы войдите, и попросите сами за себя.» Пошелъ онъ, и сталъ передъ ней на колѣни. «Матушка, говоритъ, вотъ васъ Господь сподобилъ пріобщиться святыхъ таинствъ, и соборованіе принять; можетъ Ему васъ къ себѣ призвать угодно, такъ очистите свою душу, простите, кто передъ вами виноватъ; я ни за кого не заступаюсь, а то мнѣ дорого, чтобъ Господь услышалъ отъ васъ милостивое слово.» Такъ онъ это хорошо говорилъ, у насъ даже у всѣхъ слезы на глазахъ навернулись. А она на него смотритъ, вдругъ-то, знать, не сообразила, про кого онъ говоритъ. А онъ и махнулъ въ дверь. Вошли бѣдныя дѣвки, да такъ и упали передъ ней. Батюшки мои, какъ она прогнѣвалась! Насъ даже страхъ пронялъ, а съ бабушкой дурнота сдѣлалась. Привстала, это, старая барыня на постелѣ, глаза у нее забѣгали, и щеки разгорѣлись, говорить-то не можетъ, а въ грудь себя бьетъ, и вдругъ руками замахала, чтобъ онѣ отошли, и на дверь имъ показываетъ. Онѣ со страха, убѣжали, а Павелъ Николаевичъ, мой батюшка, такъ оробѣлъ! Сталъ онъ ее успокоивать, и руку поцѣловать хотѣлъ; она и его оттолкнула,—ужъ очень, знать, встревожилась. Тутъ же и начала метаться по подушкѣ. Всю ночь простонала, да къ утру и скончалась. Какъ пришелъ священникъ къ первой панихидѣ, Павелъ Николаевичъ ему говоритъ: «Повремени, пожалуйста, батюшка, минутъ десять, мнѣ распорядиться надо.» Да и велѣлъ къ себѣ въ кабинетъ винова-

тыхъ позвать.—«Я, говоритъ, васъ прощаю не отъ себя, а именемъ покойной матушки.» Похороны сдѣлалъ онъ ей богатѣйшія. Что въ церковь вкладовъ было, и нищимъ много раздавали, все это, чтобъ поминали ее. Очень мы объ ней плакали, заключила няня, послѣ короткаго молчанія. Царство ей небесное!

—Да развѣ вы ее любили, нянюшка?

—Какъ же не любить! свою-то барыню, да не любить! Вѣдь въ старину не то было, что теперь. Всякій зналъ, что каковъ бы ни былъ баринъ, да все-таки баринъ, Богомъ значитъ поставленъ, и любить его надо.

Бѣдная няня! что бы она сказала теперь, чтобы подумала о манифестѣ 19-го февраля. Въ Москвѣ къ ней ходила иногда племянница, отпущенная на волю моей матерью. Няня не прощала ей, что она выпросила себѣ отпускную. «Здорово, вольная барыня, говорила она ей обыкновенно. Знать обидно тебѣ показалось въ крѣпости жить? Дай же Богъ, чтобъ воля тебѣ вотъ куда сѣла.» И она колотила себя кулакомъ въ затылокъ. «Должно быть васъ нынче бить-то некому,—вотъ что.»—«Полноте меня бранить, тетушка, отвѣчала *вольная барыня*, можетъ я и сама на свою глупость плачусь, да дѣлать-то нечего, ужъ не вернешь».—«То-то не вернешь! по-дѣломъ тебѣ!»

Какъ ни болѣзненно на меня дѣйствовали подробности кончины Анны Николаевны, я часто распрашивала о ней няню. Кажется, что съ своей стороны старушка любила этотъ разсказъ, къ ко-

торому приступала всегда съ глубокимъ вздохомъ. —Она скончалась мѣсяцевъ за шесть до стараго барина, говорила она. И всего недѣли двѣ пролежала, сердечная. Бабушка за ней во все время ходила, и за докторомъ посылала, да ужъ видно помочь-то нельзя было. Разъ это, сидитъ она у ея постели, а та словно въ забытьѣ, да вдругъ и открыла глаза.

«Надя, говоритъ, я чувствую, что послѣдній мой часъ пришелъ. Пошли за священникомъ,» да и заплакала;—«а тебѣ, говоритъ, мой другъ, Богъ за меня воздастъ.» Бабушка ее обняла и сама вся въ слезахъ. Пришелъ священникъ; исповѣдывалась она и пріобщилась, да потомъ и позвали опять бабушку. «Слава Богу, говоритъ, что я сподобилась пріобщиться святыхъ таинствъ.» Тутъ, помолчала она немного, да и говоритъ опять: «Одно меня, Надя, только мучитъ, неужели я умру безъ благословенія отца и матери. Уговори ихъ, ради Бога, чтобъ они пришли со мною проститься.» Бабушка сейчасъ бросилась къ Николаю Петровичу, а его на ту бѣду чѣмъ-то разсердили и никто къ нему подступиться даже не смѣлъ. Я тутъ за чѣмъ-то случилась, какъ вдругъ она вбѣжала: «Папенька, говоритъ, ради Бога, пойдемте скорѣе къ Анночкѣ, она васъ проситъ,—совсѣмъ умираетъ.» А онъ ей съ сердцовъ-то и говоритъ: «Полно, говоритъ, ничуть она не умираетъ, полежитъ да и встанетъ. Что мнѣ къ ней таскаться-то! На всякое чиханье не наздравствуешься. А умираетъ такъ и безъ меня умретъ. И не проси,—не пойду»

Бабушка такъ и не вспомнилась: въ лицѣ даже измѣнилась, словно въ лихорадкѣ задрожала. «Папенька, говоритъ, если вы къ ней не пойдете, я чувствую, что я васъ возненавижу.» Какъ она это сказала, такъ я и обмерла; думала, что при всей своей любви онъ ей этого слова не спуститъ, потому, всегда покойникъ говаривалъ: «если кто меня изъ дѣтей не уважитъ, я тутъ-же на мѣстѣ его прокляну, и наслѣдства лишу.»

А тутъ гляжу, онъ точно самъ сробѣлъ, подошелъ къ бабушкѣ, а голосъ у него замираетъ, и слезы на глазахъ навернулись: «Надя, говоритъ, другъ мой, что же это ты сказала! Вѣдь я только такъ, я къ ней пойду, ты только на меня не сердись.» И пошли. Бабушка впередъ бѣжитъ, а онъ идетъ за ней да все и уговариваетъ: «не сердись, говоритъ на меня, я только такъ.» Какъ его Анна Николаевна увидала, бросилась съ постели, да къ нему въ ноги. Силъ у нея не хватило, вся поблѣднѣла, да и повалилась, какъ снопъ. Подняли мы ее и уложили опять на кровать; такъ она очнулась, подошелъ онъ къ ней: «Что ты, говоритъ, Анночка?» Въ первый разъ онъ это ее Анночкой назвалъ, и поцѣловалъ ее, а самъ все на бабушку глядитъ. Анна Николаевна схватила его руку, да такъ къ ней и припала, и зарыдала, моя голубушка. Видно ему самому жаль ее стало, прослезился даже; перекрестилъ ее. «Ну полно, полно, говоритъ, не плачь.» Сѣлъ возлѣ нея и долго-таки посидѣлъ, и толковалъ съ ней. А она, моя родная, еле говоритъ, а ужъ

такъ рада, лицо у нея словно просіяло, сама улыбается, а слезы такъ и катятся. Послѣ него и Катерина Алексѣевна приходила къ ней на одну только минуточку; а все-таки какъ надо простилась съ ней, и благословила ее. А старый-то баринъ, ка̀къ на другой день проснулся, такъ объ ней спросилъ. Какъ ему доложили, что она въ ночь скончалась, такъ онъ перекрестился: «Царство ей, говоритъ, небесное, много я передъ ней согрѣшилъ.»—И на панихиду пошелъ. Хоронили ее такъ хорошо. Онъ и на похоронахъ былъ...

Разсказы няни сдѣлались, наконецъ, для меня одной изъ самыхъ пріятныхъ сторонъ нашей деревенской жизни, и неразрывны въ моемъ воспоминаніи съ старымъ Толычовскимъ домомъ. Я иногда вечеромъ засиживалась въ нашемъ флигелѣ, пока человѣкъ не приходилъ съ объявленіемъ, что объ ужинѣ уже докладывали. Цѣлые десятки лѣтъ протекли съ тѣхъ поръ надъ моей головой, а мнѣ кажется, въ иныя минуты, что старушка сидитъ еще, какъ живая, передо мною, съ вязаньемъ въ рукахъ, и съ очками на носу, въ своихъ неуклюжихъ креслахъ, обтянутыхъ желтой, полинялой матеріей. Жизнь текла для меня весело и мирно въ Толычовѣ, и я помню, какъ непріятно дѣйствовало всегда на меня извѣстіе, что мы скоро поѣдемъ въ Москву. Тамъ дѣдъ жилъ, какъ я уже сказала, съ моимъ дядей, человѣкомъ также семейнымъ, а для насъ нанимали домъ, какъ можно ближе къ нимъ. Каждый день насъ возили къ дѣдушкѣ, и мы рѣзвились и играли съ двоюродными братьями, но я

сильно горевала объ нашихъ прогулкахъ, о деревенской свободѣ и о нашемъ уютномъ флигелькѣ. Къ тому же няня не любила Москвы, вѣчно ворчала на дороговизну городской жизни, была постоянно недовольна комнатой, которая ей доставалась въ наемномъ домѣ, и часто замѣчала, что «не изъ чего бы, кажется, отъ своего-то гнѣзда считать чужіе углы.» Дурное настроеніе ея духа отзывалось на всемъ, и не располагало ее къ разсказамъ. Сколько разъ старалась я втянуть ее въ разговоръ о прошломъ, но она отвѣчала постоянно: «Ну, полно, сударыня, не до розсказней. Ты небось видишь, какой тутъ покой, а денежками какъ пескомъ посыпаемъ.»

За то какая была радость, когда снѣгъ сходилъ съ Московскихъ улицъ, и дѣдушка диктовалъ къ Ильѣ письмо, въ которомъ приказывалъ ему выслать за нами лошадей, лишь только дороги поправятся. Съ этой минуты и до самаго отъѣзда, т. е. въ продолженіи двухъ или трехъ недѣль, шла въ домѣ страшная суматоха. Няня разбирала все добро, хранившееся въ ея сундукахъ, пересчитывала и наше и столовое бѣлье, и съ помощью горничныхъ, приступала наконецъ къ укладкѣ. Ея комната была завалена полотнами, салфетками, разобранными на дюжины и бездною вещей, уцѣлѣвшихъ отъ приданаго моей матери, которая замѣчала ей не разъ, что все это тряпье перевозится безъ всякой надобности съ нами, и что лучше оставить его въ деревнѣ, пока оно не понадобится. Эти слова сердили обык-

новенно старушку: «Воля твоя, мать моя,» отвѣчала она обыкновенно, «я этого всего не брошу безъ призора, а прикажешь,—такъ вѣдь оно твое,— можно хоть сейчасъ же все въ ворохъ, да и сжечь.»

Между тѣмъ, у моего дѣда Левонъ Иванычъ занимался сборами такого же рода. Къ укладкѣ англійскихъ столовыхъ часовъ, которые стояли всегда въ залѣ, онъ приступалъ съ торжественнымъ и озабоченнымъ видомъ человѣка, совершающаго какое-нибудь важное дѣло. Онъ обтиралъ ихъ тщательно, потомъ вкладывалъ въ футляръ, между тѣмъ, какъ мы тѣснились около него съ просьбой, чтобъ онъ ихъ отворилъ, и показалъ намъ механику. Особенному попеченію Левона была еще повѣрена кроватка или скорѣй качка сестры моей Вари. Избалованная дѣвочка очень ее любила, и плакала, когда хотѣли въ дорогѣ приготовить ей постель, какъ намъ всѣмъ, на скамейкахъ или на полу, и по приказанію дѣдушки назначена была, для качки, особенная подвода, которую разбирали на каждомъ ночлегѣ.

Что касается до нашихъ сборовъ, они шли своимъ чередомъ. Мы собирали наши книги и игрушки, укладывали ихъ, вынимали опять по нѣскольку разъ въ день изъ нашихъ шкатулокъ, и ждали съ возрастающимъ нетерпѣніемъ, чтобъ назначили день отъѣзда. Замѣчательны были наши путешествія. Илья высылалъ намъ дорожные экипажи и страшное количество лошадей, и мы добирались до мѣста лишь на третьи сутки, хотя

отъ Москвы до Толычова считаютъ менѣе ста верстъ. Какъ вздумаешь о теперешнемъ устройствѣ путей сообщенія, да вспомнишь о томъ, какъ помѣщики тридцатыхъ годовъ совершали свои путешествія, такъ кажется, что цѣлыя столѣтія отдѣляютъ насъ отъ этого времени.

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ....

Дня за три до нашего отъѣзда, отправляли въ деревню обозъ съ сундуками, и высылали часть прислуги, а остальные, т. е. человѣкъ двадцать, сопровождали насъ. Требовалось для переѣздки: огромная карета, несмѣтное число бричекъ, нагруженныхъ подушками и пуховиками, и наконецъ крытая линейка, въ которой ѣздилъ самъ дѣдъ съ моею матерью и двумя изъ насъ. На козлахъ сидѣлъ всегда старый кучеръ Видиней, который служилъ дѣдушкѣ, когда тотъ былъ еще въ полку и не уступилъ бы никому чести везти барина. Образъ жизни мало измѣнялся для насъ въ дорогѣ. Дѣдъ мой вставалъ въ обычный часъ, совершалъ свою молитву, потомъ, напившись уже кофею и одѣливши насъ по своему обыкновенію сухарями, приказывалъ закладывать. Проѣхавши верстъ тридцать съ небольшимъ, мы останавливались на ночлегѣ, гдѣ поваръ, который выѣзжалъ за нѣсколько часовъ до насъ, со всей кухонной посудой, приготовилъ уже обѣдъ. А пообѣдавши, рѣшали, что скоро теперь стемнѣется, что лучше всего тутъ же и ночевать, благо никто насъ не гонитъ, и выѣхать завтра, отдохнувши хорошенько.

Какъ сердце мое билось радостно, когда знакомыя поля и рощи начинали мелькать передъ нашими глазами, и Видиней, нагнувшись немножко, и обернувши голову въ нашу сторону, объявлялъ, что уже бѣлѣется Ситневская усадьба, и виденъ старый вязъ, который возвышаетъ и до сихъ поръ надъ окрестностію свою вѣковую голову....

Однако, Толычовскій домъ замѣтно дряхлѣлъ. Дѣдъ мой слѣдилъ за его постепеннымъ разрушеніемъ съ тѣмъ безпокойствомъ, которое овладѣваетъ каждымъ изъ насъ, когда мы видимъ умирающаго друга, и понимаемъ, что не въ силахъ его спасти. Призванные подрядчики осматривали, чинили, поддерживали на сколько возможно разрушающееся зданіе, и объявили наконецъ, что домъ пора ломать, и что жить въ немъ опасно. Грустно было моему дѣдушкѣ прощаться съ домомъ, въ которомъ онъ жилъ съ молодою женой, въ которомъ родились или выросли его дѣти и внучата. Не однѣ радостныя, но и горькія воспоминанія привязывали его къ этому дому. Здѣсь привѣтствовалъ онъ рожденіе многихъ изъ своихъ,—отсюда проводилъ онъ многихъ изъ нихъ до могилы. Страшно звучалъ этотъ приговоръ въ ушахъ старика: ломать Толычовскій домъ! Но дѣлать было нечего, онъ рѣшился.

Мы стали собираться въ Москву съ тѣмъ, чтобъ провести слѣдующее лѣто въ имѣніи моей матери, верстъ за сорокъ отъ Толычова, между тѣмъ

какъ въ началѣ весны приступятъ къ ломкѣ стараго, а потомъ и къ постройкѣ новаго дома. Но дѣдушка откладывалъ постоянно день отъѣзда. Мать моя умоляла его, по крайней мѣрѣ, перейдти въ другую комнату, потому что подрядчикъ объявилъ, что, «въ спальной барина потолокъ больно ненадеженъ.». Но дѣдъ не согласился до послѣдней минуты покинуть своего угла: «Этотъ домъ не убьетъ меня,» говорилъ онъ.

Но сколько не откладывали, надо было наконецъ ѣхать. Живо помню я минуту отъѣзда: меня посадили въ дѣдушкину повозку. Только что мы доѣхали до воротъ: «стой!» закричалъ онъ. Кучеръ осадилъ лошадей. Старикъ обернулся и взглянулъ еще разъ на ветхія стѣны, ужъ обреченныя разрушенію. Слезы блеснули на его глазахъ. «Пошелъ,» крикнулъ онъ опять. Мы медленно съѣхали со двора.

Прикащикъ, которому было поручено слѣдить за работами плотниковъ, разсказывалъ потомъ, что только мы успѣли выѣхать изъ Толычова, въ спальнѣ барина рухнулъ потолокъ. Дѣдъ мой былъ правъ — домъ пощадилъ своего стараго хозяина....

Всѣ постройки были окончены года черезъ полтора, и мы возвратились въ Толычово. Переступая, въ первый разъ черезъ порогъ новаго дома, дѣдъ мой снялъ картузъ, и перекрестился; потомъ онъ пошелъ медленнымъ шагомъ осматривать комнаты. Ни одна не пришлась ему по душѣ,—и понятно: самый Версальскій дворецъ не замѣнилъ

бы ему стараго дома, съ которымъ онъ сжился, какъ съ старымъ другомъ.

Часа черезъ два послѣ нашего пріѣзда, явился священникъ. Отслуживши молебенъ и окропивши всѣ комнаты святой водой, онъ поздравилъ Бориса Александровича съ новосельемъ, и спросилъ: доволенъ ли онъ новымъ домомъ. «Богъ съ нимъ, отвѣчалъ грустно старикъ, я въ немъ не жилецъ. Лишь бы нравился сыну.»

И дѣйствительно, не надолго его пріютили безмолвныя для него. чуждыя ему стѣны. Мы не прожили трехъ мѣсяцевъ въ Толычовѣ, какъ онъ занемогъ. Болѣзнь продолжалась всего нѣсколько дней. Я живо помню страшную суматоху въ домѣ, пріѣздъ доктора. за которымъ послѣдовалъ священникъ, озабоченныя лица прислуги, блѣдность матери и заплаканные ея глаза. Какъ только мы вставали, гувернантка уводила насъ въ садъ. и мы видѣлись съ матерью лишь на одну минуту каждое утро. Помню въ особенности тотъ день, когда мы возвратились въ обычный часъ къ обѣду, и намъ сказали, что столъ накрытъ не въ залѣ, а во флигелѣ. Мы переглянулись, и пошли молча во флигель, не рѣшаясь сдѣлать никакого вопроса, или замѣчанія, и сѣли около стола, но ни до чего не касались. Вдругъ Козыревъ вошелъ въ комнату, хотѣлъ что-то сказать, взглянулъ на насъ и слезы его покатились. Мы бросились, рыдая къ нему на шею...

Не прошло четверти часа, какъ насъ позвали къ матери; она лежала утомленная на постелѣ, и скры-

ла лицо въ подушку, когда мы вошли. Потомъ, она поцѣловала насъ и перекрестила, и остановивъ на мнѣ влажные глаза, спросила голосомъ, который звучитъ еще въ моихъ ушахъ: «Помнишь, Катя, ты говорила недавно, что тебѣ очень хотѣлось бы видѣть покойника?...»

На другой день пріѣхалъ мой дядя, и проводилъ до могилы тѣло своего отца вмѣстѣ съ старшими моими сестрами и братомъ. Что касается до матери, она была такъ слаба, что не могла покинуть постели. Дѣда похоронили въ другомъ имѣніи, верстъ за пятьдесятъ отъ Толычова, рядомъ съ моимъ отцомъ. Старый Видиней отвезъ своего барина на послѣднее его новоселье.

Этотъ ударъ сокрушилъ окончательно силы моей бѣдной матери, которыя ослабѣвали постепенно, съ минуты смерти отца. Года черезъ три насталъ день и ея кончины...

На этихъ воспоминаніяхъ я останавливаться не буду. Скажу только, что когда мы остались сиротами, очень близкая намъ и богатая родственница пожелала, чтобъ я и мои три сестры поселились у нея, а братъ мой, четырнадцатилѣтній мальчикъ поступилъ къ профессору, который взялся его приготовить къ университету.

И объ этой эпохѣ нашей жизни я говорить не намѣрена. Есть въ сердцѣ болѣзненныя струны, до которыхъ боишься дотронуться. Могу только прибавить, что горька была наша жизнь....

Черезъ четыре года, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, которыя принадлежатъ къ числу самыхъ безотрадныхъ моихъ воспоминаній, я переселилась къ моей бабушкѣ съ старшей сестрой. Много плакали мы, разставаясь съ меньшими сестрами; онѣ остались до женитьбы брата въ разолоченныхъ палатахъ, мимо которыхъ никто изъ насъ не проходитъ до сихъ поръ, и не пройдетъ никогда, безъ замиранья сердца....

VI.

Наше житье у бабушки.

На беззаботную семью
Какъ громъ слетѣла Божья кара...

Лермонтовъ.

На другой же день послѣ нашего переселенія къ бабушкѣ, она поднимала Иверскую Божію Матерь. Какъ скоро внесли образъ въ залу, все семейство и собравшаяся прислуга пали ницъ, по православному обычаю, и бабушка приказала и намъ нагнуться, чтобъ икону пронесли надъ нашими головами. Когда молебенъ отошелъ, старушка поцѣловала и перекрестила сестру и меня, изъявивъ надежду, что она будетъ жить съ нами въ ладу. Потомъ угостили священника чаемъ, и проводивши его, Вѣра Васильевна позвала меня къ себѣ.

Въ продолженіе молебна она очень плакала, и глаза ея были еще красны отъ слезъ. Она крѣпко обняла меня: «Дай Богъ чтобы вамъ было хорошо у насъ,» сказала она мнѣ. «Ты знаешь, какъ я любила

вашего отца и мать, и я обѣщаю тебѣ ихъ именемъ, что все сдѣлаю для васъ.»

Надо сказать, что со дня кончины моей матери, семейство почти совсѣмъ потеряло насъ изъ виду, такъ что мы очутились въ совершенно новомъ мірѣ, и смотрѣли вокругъ себя со страхомъ и недовѣрчивостію. Мы вносили въ нашъ новый бытъ столько горькихъ воспоминаній, что намъ было дорого малѣйшее ласковое слово. Бабушка приняла насъ очень радушно; Надежда Васильевна обрадовалась намъ, какъ обрадовалась бы всякому новому лицу, а къ Вѣрѣ Васильевнѣ я тотчасъ же привязалась. Что касается до моей бѣдной сестры, то она, по своему робкому характеру, была запугана рѣзкимъ тономъ моей тетки, которая ее однако очень любила, и говорила мнѣ часто, что она виновата передъ Оленькой, но не въ силахъ себя передѣлать.

Новый домъ, выстроенный бабушкой, былъ безцвѣтенъ и безхарактеренъ, какъ всѣ строенія той эпохи. Внизу были парадныя комнаты, съ вышедшею изъ моды мебелью, разставленною симметрически около стѣнъ, и спальня Вѣры Васильевны. Тутъ, въ углу, за ширмами, обтянутыми зеленою тафтой, стояла кровать, а надъ кроватью была полка съ образами и лампадкой, которую моя тетка зажигала каждую субботу, по возвращеніи отъ всенощной. По другую сторону ширмъ стояло нѣсколько креселъ временъ Французской имперіи, покрытыхъ темною шерстяною матеріей, диванъ и два стола. На одномъ

стояла чернильница, лежали бумаги и деревянные счеты, а у противоположной стѣны, на комодѣ, хранились въ шкатулкѣ старыя письма. Тутъ же стоялъ маленькій ящикъ, обклеенный краснымъ сафьяномъ. Когда мы были еще дѣтьми, Вѣра Васильевна часто отпирала его по нашей просьбѣ, и позволяла намъ разбирать на ея колѣняхъ лежавшія въ немъ сокровища. Тамъ хранился крошечный золотой футляръ, въ которомъ Маргарита Кириловна берегла свои *мушки*, костяной игольникъ, принадлежавшій Натальѣ Васильевнѣ, огромныя перламутровыя пуговицы въ серебряной оправѣ, украшавшія когда-то кафтанъ моего дѣдушки, изломанныя старинныя серьги, кольцо подаренное моею матерью, и другія бездѣлушки того же рода, напоминавшія Вѣрѣ Васильевнѣ ея молодость или дѣтство.

На томъ же комодѣ лежалъ альбомъ, подаренный ей въ тринадцатомъ году. Въ немъ хранились рисунки и стихи ея молодыхъ пріятельницъ, нѣсколько четверостишій моего отца и дяди, много литературныхъ произведеній того времени, между прочимъ извѣстный романсъ: «Vous me quittez pour marcher à la gloire», и наконецъ первыя стихотворенія Пушкина.

Надъ диваномъ висѣлъ, въ позолоченной рамкѣ, акварельный портретъ Бориса Васильевича. Этотъ портретъ былъ единственнымъ украшеніемъ комнаты.

На верху помѣщались бабушка и старшая моя тетка. Надежда Васильевна украсила свою комнату

картинами и гравюрами, висѣвшими по стѣнамъ. Между оконъ стоялъ подъ зеркаломъ столъ, и на немъ красовалось множество ящичковъ, красный хрустальный прессъ-папье, подъ которымъ не было бумагъ, фарфоровыя баночки, и наконецъ фарфоровый купидонъ. Передъ кроватью стояли низенькія ширмы, оклеенныя вырѣзанными картинками: у кровати шкапъ съ образами, а въ другомъ углу двѣ стеклянныя этажерки, въ которыхъ лежало несмѣтное число и золотыхъ и бронзовыхъ цѣпочекъ, браслетъ, фальшивыхъ бусъ, и нѣсколько старинныхъ портретовъ въ медальйонахъ. Тутъ же стояли разноцвѣтные стаканы, купленные въ рядахъ и ваза съ давно-полинявшимъ букетомъ фальшивыхъ цвѣтовъ, вокругъ которыхъ извивалась черная змѣя. Нѣкоторыя кресла были вышиты самою Надеждой Васильевной; ругія обтянуты красною шерстяною матеріей. На столахъ стояли разныя коробочки, корзиночки, и лежали французскіе романы, которыми ее снабжала пріятельница, абонированная въ книжномъ магазинѣ.

Бабушка занимала три комнаты: убранство первой, выкрашенной желтою краской, состояло изъ уродливаго дивана, стола, нѣсколькихъ креселъ и висѣвшаго на стѣнѣ, въ черной рамѣ, портрета митрополита Филарета. Тутъ пили чай по утрамъ, обѣдали и ужинали: эта комната называлась *чайной*. Изъ нея дверь вела въ бабушкину спальню, гдѣ стояли кровать, шкапъ, наполненный образами и молитвенниками, и комодъ, устав-

ленный стариннымъ и новымъ фарфоромъ. За спальней была еще комната, которая наводила на меня тоску всякій разъ, какъ мнѣ приходилось въ нее входить. Бабушка давно сдала Вѣрѣ Васильевнѣ всѣ распоряженія по маленькому имѣнію, но домашняго хозяйства она не уступала ей вполнѣ и раздѣляла съ ней всѣ хлопоты изъ любви къ искусству. Въ одну половину комнаты, о которой я говорю, она набрала множество бутылокъ и банокъ, и пустыхъ и наполненныхъ разною разностью; а въ другой половинѣ стояли два старинныя бюро краснаго дерева. Въ одномъ изъ нихъ моя бабушка берегла свою казну, бумаги и уцѣлѣвшее серебро; на другомъ была навалена въ страшномъ безпорядкѣ бездна вещей, которыми старушка дорожила, потому что онѣ были у нея на глазахъ въ продолженіи многихъ десятковъ лѣтъ. Чего-чего тутъ не было! — И старинный рѣзной футляръ для часовъ, и разбитыя чашки, и заржавленные математическіе инструменты, принадлежавшіе Василію Семеновичу. На полу лежали груды старыхъ книгъ и бумагъ; изъ-за нихъ возвышался, писанный маслянными красками, портретъ Фридриха Великаго, а въ углу стояла трость моего дѣда. Весь этотъ странный музей былъ покрытъ густымъ слоемъ пыли. На стѣнѣ висѣло деревянное распятіе. Въ этой комнатѣ, тускло освѣщенной низенькимъ окномъ, все напоминало безпорядокъ, оставленный смертію въ опустѣломъ домѣ. Я нѣсколько разъ предлагала бабушкѣ все разобрать, смести пыль, и привести

въ порядокъ этотъ хаосъ; но она отвѣчала постоянно, что и такъ хорошо, и что я у нея только все *перепутаю*.

Мы помѣщались во флигелѣ, который примыкалъ къ дому посредствомъ холодныхъ сѣней.

Я уже сказала, что когда мать моя овдовѣла, съ ней очень сблизились бабушка и Вѣра Васильевна. Привязался къ ней тогда Левъ Васильевичъ, и привязался до такой степени, что ея слово сдѣлалось для него закономъ. Онъ не былъ влюбленъ въ нее; влюбиться онъ не могъ въ женщину разбитую горемъ, которая съ ужасомъ приняла бы малѣйшее слово любви. Къ тому же онъ понималъ любовь по своему, и предавался, не стѣсняясь ничѣмъ, своимъ грубымъ влеченіямъ. Эта странная привязанность осталась до сихъ поръ, загадкой для всѣхъ. Мать моя сама не могла объяснить ее, и была увѣрена, что въ иныя минуты Левъ Васильевичъ глубоко ее ненавидѣлъ потому, что ни отъ кого не слыхалъ онъ такихъ горькихъ истинъ какъ отъ нея. Но что̀ бы ни происходило тогда въ его душѣ, эти истины онъ выслушивалъ однако молча, какъ школьникъ, который не смѣетъ возражать. Была ли у него, никѣмъ не разгаданная задняя мысль? Покорялся ли онъ невольно превосходству моей матери?—этого я не знаю, но только всѣ въ семействѣ обыкновенно обращались къ ней, какъ скоро надо было добиться чего-нибудь отъ Льва Васильевича, и она все улаживала. Когда онъ бросилъ жену и дѣтей, объявивъ, что не оставитъ имъ и *выѣденной скорлупы*, мать моя потребовала и до-

билась отъ него, чтобъ онъ предоставилъ имъ единственную, остававшуюся у него тогда собственность, домъ въ Москвѣ. Не было примѣра, чтобъ ея слова оказались безсильными надъ нимъ. Онъ присутствовалъ при ея кончинѣ, и какъ только она испустила послѣднiй вздохъ, онъ схватилъ себя за голову, и громко зарыдалъ. Скоро послѣ ея смерти онъ поселился въ одной изъ нашихъ отдаленныхъ губернiй къ великой радости всего семейства, которое вздохнуло свободно безъ него. Во время его пребыванiя въ Москвѣ, въ особенности когда смерть освободила его отъ единственнаго влiянiя, которому онъ подчинялся, всѣ страдали отъ его крутаго нрава, и отъ исторiй, въ которыя онъ умѣлъ втягивать всѣхъ, и отъ которыхъ пострадалъ только онъ одинъ.

Борисъ Васильевичъ женился. Его свадьба была грустнымъ событiемъ въ семействѣ. Съ его женой никто сойтись не могъ, и отношенiя ограничивались тѣмъ только, чего требовало строгое приличiе. Дядя мой это чувствовалъ, и страдалъ молча, сознавая, что дѣло неисправимо. Больнѣе всѣхъ отозвалась его женитьба на Вѣрѣ Васильевнѣ. Она поняла съ первой минуты, что неодолимая преграда легла между ею и страстно любимымъ братомъ, и что онъ умеръ для нея. Физическiя ея силы не устояли противъ этого удара: она жестоко занемогла. Привязанность ея къ Борису Васильевичу не охладѣла, да и онъ отъ нея не отдалился: но они боялись, въ своихъ бесѣдахъ, коснуться близкихъ имъ предметовъ, понимая, что имъ нѣтъ возможности сойдтись на нихъ, и что малѣйшее слово только раздражитъ всегда свѣжiя раны. Больно имъ было отвыкнуть отъ принятой съ дѣтства привычки думать вслухъ другъ передъ другомъ. Дядя мой никому объ этомъ не говорилъ, но я знаю, сколько страданiй и кровавыхъ слезъ стоило это моей бѣдной теткѣ. Наконецъ Борисъ Васильевичъ уѣхалъ съ женой и дѣтьми въ деревню, гдѣ прожилъ до самой своей смерти.

Онъ прiѣзжалъ иногда въ Москву, чтобы повидаться съ своими. Когда его ожидали, Вѣра Васильевна была внѣ себя отъ радости. Она выбиралась въ чайную, и уступала ему свою комнату, которую приготовляла для него съ большою заботливостiю. Видно было, что онъ дорожилъ даже малѣйшими проявленiями ея любви. «А ты, Вѣра, гдѣ будешь сегодня ночевать?» спрашивалъ онъ: «вѣдь я знаю, что ты готова на чердакъ уйдти, лишь бы мнѣ было покойно,» и онъ нѣжно цѣловалъ ее. Лицо ея сiяло счастiемъ, но не проходило десяти минутъ, какъ я заставала ее въ горькихъ слезахъ. «Я бы за него жизнь отдала,» говорила она мнѣ, «и я знаю сама, какъ онъ меня любитъ; но отчего же мы стали чужими другъ другу? Вѣришь ли ты, что онъ не смѣетъ остаться со мной наединѣ? Боится, чтобъ я не сказала ему лишняго слова.»

Когда мы переѣхали къ бабушкѣ, то нашли вокругъ нея почти совершенную пустыню. Хаживали, правда, къ намъ, гащивали даже дня по два, скроенныя на одинъ и тотъ же фасонъ при-

живалки, да являлись изрѣдка *дамы пріятныя во всѣхъ отношеніяхъ*, и тѣмъ ограничивался весь кругъ знакомства, исключая, однако, немногихъ свѣтскихъ лицъ, съ которыми Надежда Васильевна поддерживала свои отношенія. Она къ нимъ ѣзжала часто, и обыкновенно на цѣлый день. Благодаря веселости ея характера и ея оживленному разговору, ее всегда принимали съ удовольствіемъ, но предпочитали видѣть ее у себя, нежели ѣздить въ ея скучный, опустѣлый домъ, и заглядывали къ ней лишь изрѣдка. Гордость Вѣры Васильевны сильно страдала отъ положенія, которое приняла ея сестра передъ свѣтскими людьми, и она не рѣдко давала ей это чувствовать. «Вы, кажется, ужъ разъ десять были у Р***,» говорила она ей, когда Надежда Васильевна собиралась выѣхать.—«А сегодня поѣду въ одиннадцатый.»—«Но странно, что никто изъ нихъ не могъ обезпокоиться заглянуть къ вамъ хоть на пять минутъ. Мнѣ кажется, что въ ваши лѣта вы были бы въ правѣ этого требовать.»—«А я не требую, и очень рада, что ко мнѣ никто не ѣздитъ. Къ чему? Чтобы слышать твои любезности? До нихъ охотниковъ мало.» Она намъ предлагала нѣсколько разъ выѣзжать съ ней, но мы неохотно на это поддавались, не довѣряясь именно ея незавидному положенію въ свѣтѣ. Къ великому ея прискорбію, отъ театра она должна была давно отказаться, потому что знакомый ей директоръ вышелъ въ отставку.

Надежда Васильевна сознавала однако, что

стала въ неловкое положеніе, но старалась въ этомъ отношеніи ослѣплять себя и обманывать другихъ, и съ этою цѣлію не рѣдко она бывало и прихвастнетъ. Намъ она иногда разсказывала, подавая видъ, что не замѣчаетъ устремленнаго на нее, слишкомъ выразительнаго взгляда и насмѣшливой улыбки своей сестры, какъ такая-то собиралась къ ней съ визитомъ; но она, по разнымъ причинамъ, просила ее убѣдительно не ѣздить; въ свѣтѣ же она желала всѣхъ обмануть насчетъ своихъ скудныхъ средствъ. Помню, что разъ пріѣхала къ ней свѣтская дама, и спросила у Оленьки и у меня, были ли мы на концертѣ какого-то виртуоза, явившагося въ Москву. Мы отвѣчали отрицательно. Надежда Васильевна посмотрѣла на насъ значительно. «Не могла ихъ уговорить,» сказала она, «музыки не любятъ, принуждена была ѣхать одна. Всѣ находятъ, что онъ страшно дорого беретъ, а по моему, такъ нѣтъ. Cest un talent hors ligne,» и она очень ловко пустилась въ общія мѣста о талантѣ музыканта.

Проводивши гостью, бабушка обернулась къ Надеждѣ Васильевнѣ:—«Совсѣмъ ты меня сконфузила, Наденька,» сказала она. «Ну, къ чему ты разсказывала, что была въ концертѣ? Какъ ты такую вещь скажешь, всегда вспомню голубчика моего, Василія Семеновича: терпѣть не могъ. если кто лжетъ.»—«Это не ложь», отвѣчала та, а принято въ свѣтѣ такъ говорить. У Вѣры Васильевны уже давно кипѣло на сердцѣ. «Это принято только тѣми, возразила она, которые стыдятся, какъ позора,

своего скромнаго состоянія, и чтобы скрыть его, унижаются до лжи.» — «Позвольте поцѣловать ручку за наставленіе, отвѣчала съ принужденною улыбкой Надежда Васильевна. Ужъ ты бы опредѣлила по чемъ берешь за урокъ. Восьмой мудрецъ въ юпкѣ!» Потомъ она прибавила, обращаясь къ намъ: Comme ma soeur a toujours quelque chose d'aimable a me dire! и вышла изъ комнаты.

Наружность моей бабушки не представляла ничего рѣзкаго. Она была маленькая, немного сутуловатая старушка. Ея бѣлокурые въ молодости волосы уже совсѣмъ побѣлѣли и очень шли къ ея наморщенному, кроткому лицу; но къ сожалѣнію, она находила приличнымъ прятать ихъ подъ накладку темныхъ волосъ, которая нарушала гармонію всей ея старческой физіономіи. Свѣтло-голубые глаза ея смотрѣли ласково и открыто. Носъ у нея былъ немного широкъ, ротъ довольно правильный, лицо круглое и покрытое веснушками. Можно было не рѣдко уловить на ея физіономіи какое-то дѣтское выраженіе; когда она слышала рѣчи, на которыя готовила неотразимое, по ея мнѣнію, опроверженіе, она заранѣе качала головой, и лукаво улыбалась. Ходила она медленно, всѣ движенія ея были кротки. и выраженія мягки, какъ ея характеръ. Она намъ часто разсказывала, что въ ея молодости знакомыя ей дамы прозвали ее *бѣлоручкой*, потому что она не бивала людей, и говорили смѣясь, что она боится *замарать свою ладонь о холопьи щеки*. И эти насмѣшки до того ее кон-

фузили, что ей становилось всягда неловко, когда рѣчь шла о хозяйствѣ.

Бабушкинъ костюмъ состоялъ изъ темной блузы съ длинною пелеринкой и тюлеваго чепца, съ коричневыми или малиновыми лентами. Она сохранила, какъ многія изъ ея сверстницъ, привычку носить на рукѣ мѣшокъ, или *ридикюль*, вышитый по бархату, и придѣланный къ бронзовому или серебряному замочку, и не снимала никогда своего вѣнчальнаго кольца и маленькаго желѣзнаго колечка, привезеннаго ей съ кіевскихъ мощей.

Такой уживчивой старушки я съ тѣхъ поръ и не встрѣчала. У нея не было и тѣни капризовъ. Лишь бы ея привычки не нарушались, — а чтобъ онѣ не нарушались, объ этомъ хлопотали всѣ въ домѣ, не исключая и Надежды Васильевны, — она была не взыскательна, и въ особенности не требовала никакихъ внѣшнихъ знаковъ уваженія. «Тебѣ какъ будто не ловко сидѣть? Не устала ли ты, говорила она иногда которой-нибудь изъ насъ, прилягъ немножко на диванъ.» — «Да совѣстно при васъ, бабушка.» — «Вотъ вздоръ какой!»

Но не смотря на мягкость и даже на слабость ея характера, на совершенное въ ней отсутствіе деспотизма или желанія удержать свою власть надъ посѣдѣвшими уже дѣтьми, мои тетки свято хранили патріархальный нравъ и привычки. рано привитыя вліяніемъ Василія Семеновича, — вліяніемъ, которое распространилось даже на старшихъ его дочерей, воспитанныхъ не дома. Ни которая изъ моихъ тетокъ не рѣшилась бы послать за два

шага слугу, не спросясь предварительно у бабушки; ни которая изъ нихъ не выходила изъ дома, не поцѣловавъ ея руки и не прибавивъ: «Я, маменька, туда-то собираюсь. Можно?» — «Богъ съ тобой,» отвѣчала обыкновенно старушка. И нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ одна изъ нихъ забыла когда-нибудь исполнить этотъ обрядъ, бабушка не приняла бы того за оскорбленіе своей власти, но испугалась бы не на шутку, какъ всякимъ небывалымъ еще явленіемъ.

Впрочемъ, за исключеніемъ этихъ патріархальныхъ обычаевъ, которые въ сущности не были нисколько стѣснительны, мои тетки обращались совершенно свободно съ бабушкой; но въ ея чувствѣ къ нимъ проглядывала ощутительная разница: Вѣру Васильевну она нѣжно любила, между тѣмъ какъ къ старшей дочери была довольно холодна. Но надо сказать правду: къ ней никто не могъ бы горячо привязаться, потому что она сама не была способна на горячую привязанность, и вполнѣ довольствовалась тѣми легкими отношеніями, которыя не налагаютъ ни горя, ни пожертвованій, а только способствуютъ удобствамъ жизни.

Вѣра Васильевна, желая избавить бабушку отъ хлопотъ по хозяйству, приняла ихъ на себя, и ея страстная, умная природа какъ-то умѣла уживаться съ мелочными заботами. Сколько разъ видѣвши ее блѣдную и разстроенную отъ сцены съ Надеждой Васильевной, или отъ какого-нибудь слова, напомнившаго ей слишкомъ живо никогда не умиравшее въ ней горе, я входила къ ней,

чтобы *потолковать по душѣ*, какъ она выражалась, но она цѣловала меня и говорила: «А ты ужъ и замѣтила, что я разстроена; мнѣ бы и самой хотѣлось съ тобой поговорить, да некогда; я еще счетовъ не сводила.»—«А развѣ нельзя этого сдѣлать завтра?»—«Нѣтъ, нельзя.» —«Почему же?»—«Потому, что я себѣ на этотъ счетъ воли не даю. Ужъ у меня положено, когда этимъ заниматься.»

На словахъ она была неумолима къ падшему, однако на дѣлѣ ригоризмъ ея скоро пропадалъ, но если кто нибудь дѣлалъ о томъ замѣчаніе, она сердилась, понимая, что нѣтъ возможности согласовать ея проповѣди съ ея инстинктивнымъ, истинно-нравственнымъ чувствомъ, а отказаться отъ нея она не рѣшалась, потому что *вѣкъ такъ думала*. Я помню съ какимъ горячимъ сочувствіемъ она хлопотала о бѣдной женщинѣ, отвергнутой своимъ семействомъ, за связь съ человѣкомъ, который ее бросилъ. Несчастная отказалась отъ пособія, присланнаго имъ, и впала въ совершенную нищету. «Да ужъ-ты, ради Бога, не очень-то *бросайся*», сказала Вѣра Васильевна, видя, что я приняла къ сердцу эту печальную исторію. «Ты меня иногда пугаешь тѣмъ, что говоришь.»—«Я теперь ничего и не говорила, отвѣчала я, а вы гораздо больше меня хлопочите, и оправдываете не ваши, а мои же убѣжденія. Не я утверждала, что о такихъ женщинахъ и жалѣть не слѣдутъ.»—«Нѣтъ, ради Бога, не начинай этого глупаго разговора. Ужъ ты меня не переиначаешь. Ну! да-жаль, ну, что-жъ изъ

этого? а все-таки она права. Что я обвиняю ея отца и мать, и изъ этого ничего не слѣдуетъ. Ну ужъ, съ вами пророни только словечко! Да подите, пожалуста, отъ меня; мнѣ некогда. И я-то дура, что тебѣ это разсказала.»

Она косилась на меня цѣлый вечеръ, но я этого нисколько не боялась, потому что знала ее коротко. Послѣ ужина, когда всѣ разошлись по мѣстамъ, я, по обыкновенію, отправилась въ ея комнату. «Спать пора,» сказала мнѣ довольно холодно Вѣра Васильевна.— «Еще рано,» отвѣчала я, «мы съ вами никогда въ этотъ часъ не ложились.» Она молчала; я обняла ее. «Не сердитесь, ради Бога, тетенька. Моя ли вина, что вы только на словахъ Иванъ Грозный.» Она меня поцѣловала, но продолжала молчать. Я опять что-то сказала; она начала съ того, что отвѣчала мнѣ полусловами, но черезъ четверть часа между нами завязался самый оживленный разговоръ.

Надежда Васильевна вставала къ ранней обѣднѣ, и по возвращенія изъ церкви, пила чай въ своей комнатѣ, между тѣмъ какъ въ восемь часовъ кипѣлъ другой самоваръ въ чайной, для бабушки и Вѣры Васильевны. Тогда являлись и мы, чтобы поздороваться съ семействомъ, и потомъ каждый отправлялся къ своему дѣлу. Вѣра Васильевна хлопотала о хозяйствѣ, бабушка начинала свою долгую молитву, сестра и я занимались въ своемъ флигелькѣ, а Надежда Васильевна, не смотря ни на какую погоду, отправлялась гулять, то-есть обходила обыкновенно знакомыхъ сосѣ-

дей. Около часа мы собирались въ чайную, гдѣ бабушка, съ вязаньемъ въ рукахъ, ожидала насъ, сидя подъ окномъ. Въ дверяхъ стояла, *для посылокъ*, дѣвочка лѣтъ двѣнадцати. Она вязала чулокъ, и лицо ея оживлялось лишь когда ей давали какое-нибудь порученіе; тутъ она клала обыкновенно работу на полъ, и какъ стрѣла вылетала изъ комнаты. Какъ вся прислуга женскаго пола, она надѣвала башмаки только по воскресеньямъ, а въ будни щеголяла въ однихъ чулкахъ.

Вдругъ бабушка опускала свое вязанье на колѣни. «Посмотри-ка, Вѣра,» говорила она: «съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь сижу, Марья три раза прошла по двору. Позвольте спросить, куда она ходитъ? Эдакъ она немного наработаетъ.» — «Да, много онѣ о работѣ думаютъ,» отвѣчала Вѣра Васильевна. Тутъ она обращалась къ стоявшей въ дверяхъ дѣвочкѣ: «Аленка, поди спроси у Марьи, куда это она все изволитъ прохаживаться? Этакъ, скажи, ты масла не собьешь.» Аленка исчезала.— «Ну, теперь и эта пропала,» говорила бабушка черезъ нѣсколько минутъ. «Экая шалунья дѣвчонка! Вотъ только бы ей вырваться, да побѣгать!»—«Бабушка,» замѣчала сестра, «вѣдь понятно, что ей побѣгать хочется; скучно вязать чулокъ цѣлый день.» — «Чтò за вздоръ, Оленька,» отвѣчала бабушка, «да я и вѣкъ вяжу.» Тутъ Аленка возвращалась съ извѣстіемъ, что Марья къ коровѣ ходила. «Неправда,» говорила бабушка: «не зачѣмъ три раза сряду къ коровѣ ходить. А ты сама куда такъ долго пропадала?» Дѣвочка

молчала. Бабушка грозила на нее пальцемъ, и приказывала подавать обѣдать.

Нечего и говорить, что люди не только отъ роду щелчка не получали, но никто изъ нихъ не слыхалъ браннаго слова, а совсѣмъ тѣмъ, по ихъ же выраженію, *имъ житья не было*, по милости безполезнаго надзора и постояннаго ворчанья; и благодаря именно этому надзору, люди кругомъ обманывали господъ, и не смотря на непрерывныя нравоученія, которыя производили на нихъ тоже, вѣроятно, дѣйствіе, что жужжаніе мухъ, ровно ничего не дѣлали. Я нѣсколько разъ заводила объ этомъ разговоръ съ Вѣрою Васильевной, и говорила ей откровенно, что всѣ эти домашнія дрязги только раздражаютъ ея характеръ. Она въ этомъ вполнѣ сознавалась, и даже твердо знала, что ея рѣчи ни чтò иное, какъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ; «а все-таки,» прибавляла она, «сказать надо.»

Столъ былъ накрытъ въ два часа. Какъ скоро садились обѣдать, Надежда Васильевна начинала разсказывать о событіяхъ своего утренняго похода, и всегда въ бабушкѣ находила самаго внимательнаго слушателя. «Маменька,» говорила она, «отгадайте, кого я сегодня встрѣтила на улицѣ? Вижу, идетъ какое-то знакомое лицо, думаю себѣ: кто бы это былъ? А ужъ тутъ какъ поравнялась, глядь—Агаѳья Пантелевна. Какъ потолстѣла! Зять къ ней погостить пріѣхалъ.»—«Вотъ, сударыня!» говорила бабушка, разливая супъ.—«Къ Лизаветѣ Михайловнѣ зашла. Какую она себѣ мантилью

сшила, просто чудо! Просила на фасонъ, да того и гляжу, что моя Устинья испортитъ. У Вертляевыхъ тоже была; ужъ такъ мнѣ были рады! Марья Павловна сказывала, что новый сосѣдъ дочь замужъ отдаетъ.»—«За кого?» спрашивала бабушка.—«То-то не знаетъ: какъ же, говорю, вамъ не стыдно, что не распросили? Послѣ обѣда послать бы узнать.»—«Никифоръ,» говорила бабушка, обращаясь къ слугѣ, «соберешь со стола, такъ сходи къ Андрееву, чтò недавно сюда переѣхалъ, да распроси у людей, за кого, молъ господа, дочку отдаютъ и когда свадьба будетъ!»—«Да не переври чего-нибудь,» прибавляла Надежда Васильевна: «да спроси, много ли у нихъ дѣтей; кто говоритъ двѣ дочери, кто—три,» такъ ничего путемъ и не узнаешь. Въ этихъ разговорахъ Вѣра Васильевна никогда не участвовала. Она съ чисто-практическою цѣлію освѣдомлялась о томъ, куда идетъ Марья; но рѣшительно не понимала, чтобы можно интересоваться тѣмъ, чтò дѣлается у незнакомыхъ сосѣдей, и не позволяла себѣ по этому поводу никакихъ замѣчаній единственно потому только, что бабушка принимала въ подобныхъ разсказахъ самое живое участіе.

Послѣ обѣда семейство отправлялось отдыхать, а мы уходили съ сестрой въ нашъ флигель, гдѣ жили особою жизнію среди нашихъ книгъ и занятій. Въ шесть часовъ всѣ собирались въ гостиную, гдѣ Вѣра Васильевна разливала чай. Бабушка пользовалась всегда несокрушимымъ здоровьемъ, но годы взяли свое: она уже никуда не выѣзжала,

кромѣ церкви. Въ субботу она отправлялась обыкновенно ко всенощной съ Вѣрой Васильевной, а въ воскресенье къ обѣднѣ въ домовую церковь митрополита. Возвращаясь оттуда, она кушала обыкновенно кофе. Разъ она предложила мнѣ выпить чашку.—«Бабушка,» спросила я ее: «позвольте мнѣ съѣсть просвирку, что вы привезли.» «Съ кофеемъ-то! опомнись, Катерина Владиміровна,» воскликнула она: «да развѣ это можно?»— «Да вы всегда съ чаемъ кушаете,» сказала я.— «Чай, дѣло другое, а ты говоришь, съ кофеемъ.»— «Отчего же можно съ чаемъ, а съ кофеемъ нельзя?» Бабушка задумалась.—«Объ этихъ вещахъ грѣхъ разсуждать, мой другъ,» сказала она: «эти мысли ты вѣрно въ нынѣшнихъ книжкахъ вычитала. Очень мнѣ не по душѣ, что вы всякія безбожныя книги читаете.»

Вечеръ мы по большей части проводили въ семейномъ кругу. Старшая моя тетка отправлялась обыкновенно въ гости, и когда оставалась дома, то посылала позвать какую-нибудь сосѣдку. Помню, что разъ, во время подобнаго посѣщенія, бабушка открыла машинально книгу, принесенную нами и забытую на столѣ. — «Что это такое? спросила она, съ удивленіемъ перелистывая ее: «*Каменный Гость?*»—«Ахъ, бабушка, какъ это хорошо!» воскликнула сестра. Гостья улыбнулась, посмотрѣла очень значительно на сестру, и обратилась къ бабушкѣ.—«Я это читала,» сказала она: «и признаюсь, пожалѣла о направленіи нынѣшней молодежи. Извините меня,» продолжала она, обращаясь

къ намъ, «я имѣю право это говорить, потому что сама мать семейства. Вообразите, почтенная Марья Андревна, въ чемъ дѣло. Представлена развратная женщина; какой-то разбойникъ убиваетъ ея мужа, и она приходитъ плакать къ нему на могилу. Ужъ разумѣется, какія тутъ слезы—однѣ только гримасы. И тутъ же, на могилу-то мужа является его убійца, и она съ нимъ объясняется въ любви. Каково! Признаюсь, у меня просто волосы дыбомъ стали. Ну, говорю, моя Анета этого читать не будетъ.» — «Ахъ, ахъ! какое безобразіе!» сказала съ ужасомъ бабушка. «Охъ, дѣти,» продолжала она, дѣлая отчаянный жестъ рукою, «сколько разъ я вамъ говорила о вашихъ чтеніяхъ! Признаюсь, не жду отъ нихъ пути!»

Помню я тоже трагикомическое событіе, о которомъ у насъ протолковали цѣлый вечеръ. Явилась къ намъ бабушкина сестра, Елизавета Андреевна Н***, престарѣлая дѣвица, жившая за нѣсколько домовъ отъ насъ. Она ѣздила къ намъ рѣдко, потому что сестры были не дружны между собой. «Слышала ты,» спросила она своимъ обыкновенно-сердитымъ голосомъ, у моей бабушки, между тѣмъ какъ усаживалась въ кресло, «что у меня сегодня случилось? Вѣришь ли, до сихъ поръ въ себя не приду.»—«Что такое?»—«Да Ѳекла-то Емельяновна какъ отъ тебя вчера отправилась, и зашла ко мнѣ. Что же, говорю, ночевала двѣ ночки у Марьи Андревны, ночуй и у меня; куда тебѣ спѣшить? Такъ я, сударыня моя, у себя ее и оставила. Ночью захотѣлось ей кваску; со-

всѣмъ, говоритъ, въ горлѣ пересохло, да и стала она въ темнотѣ-то шарить, бутылку искать; а я на бѣду и табакъ въ бутылкѣ держу. Она, съ просонья-то не почувствовала, да все горло табакомъ-то и засыпала: такъ и обмерла; нескоро, говоритъ, опомнилась.»—«Господи! Твоя воля!» сказала бабушка, крестясь: «еще слава Богу, что съ рукъ сошло.»

Вечеръ проходилъ въ подобныхъ разговорахъ. Въ десять часовъ мы шли наверхъ, гдѣ ужинъ былъ уже готовъ, а потомъ всѣ отправлялись по мѣстамъ; но я уходила къ Вѣрѣ Васильевнѣ, и толковала съ ней часовъ до двухъ. Случалось также, что она поутру, окончивши рано свои хозяйственныя распоряженія, приходила къ намъ, и мы читали для нея вслухъ. Ея литературный вкусъ не получилъ никакого развитія, но ей было вполнѣ доступно все, что затрогивало живое чувство, и не разъ она плакала во время чтенія.

Отношенія наши къ Надеждѣ Васильевнѣ были самыя пріятныя и покойныя. Она говорила, что благодаря нашему присутствію, въ домѣ стало гораздо живѣе, и обращалась съ нами очень ласково. Въ особенности любила она мою сестру, у которой характеръ мягче и уживчивѣе моего. Иногда моя тетка заходила къ намъ передъ своею утреннею прогулкой. «Скажи пожалуста,» спрашивала она меня, «вѣдь тебѣ повѣряются эти тайны: что̀ сегодня съ Вѣрой? Она только что не кусается. Надо мнѣ было зайдти къ ней въ комнату, да побоялась, того и гляди, что въ уголъ

поставитъ.»—«Она разстроена,» отвѣчала я: «у нея точно несчастный характеръ, и она сама въ этомъ сознается, но вы знаете какъ она добра.»—«Почемъ мнѣ это знать? Надо вѣкъ копать, чтобъ до ея доброты добраться, а я въ рудокопы не гожусь. Да что вы все какъ улитки сидите на одномъ мѣстѣ? Пойдемте, которая-нибудь, погулять со мной; вдвоемъ веселѣе: куда-нибудь зайдемъ. Погода чудесная.»—«Нѣтъ, тетенька, холодно,» говорила я.—«Да ужъ ты зашей себя совсѣмъ въ мѣшокъ, авось отогрѣешься. Пойдемъ, Оленька, это очень здорово.» Сестра заглядывала въ окно.—«Да вѣдь снѣгъ идетъ,» говорила она. —«Что за снѣгъ, самый маленькій, совсѣмъ его и незамѣтно. Настоящая весна; даже птицы поютъ.» И дѣйствительно вороны каркали безъ умолка. Сестра отправлялась съ ней и возвращалась полузамерзшая.—«Ты когда-нибудь сляжешь отъ этихъ прогулокъ,» сердито замѣчала ей, садясь за столъ Вѣра Васильевна, знавшая очень хорошо, что она несовсѣмъ добровольно отправлялась въ подобный походъ.—«Ты до сихъ поръ ни на что̀ не похожа. Ѣшь супъ-то, пока не простылъ.»—«Молчи, Оленька, отогрѣемся,» говорила Надежда Васильевна: «и какой же у тебя будетъ чудесный цвѣтъ лица!»

Нельзя подумать однако, что она это утверждала по собственному опыту. Она никогда не была хороша, и въ ней поражалъ именно, особенно непріятно неровный, красный цвѣтъ лица. Носъ ея былъ черезъ-чуръ длиненъ и крайне неуклюжъ,

маленькій ротъ испорченъ толщиной нижней губы, а подбородокъ выдавался остріемъ, благодаря трехъ-угольному окладу лица. Только живое и веселое выраженіе ея бѣглыхъ карихъ глазъ немного выручало немиловидность всей физіономіи. Она зачесывала черную, но сильно уже посѣдѣвшую косу на затылокъ, и придерживала ее сѣткой, а на вискахъ прикалывала бронзовыми булавками свитые кольцомъ волосы. Платье ея отличалось всегда пестротой; пальцы были унизаны кольцами. Когда она выѣзжала, то надѣвала нѣсколько браслетъ, брошку, цѣпочку и чепецъ съ красными или розовыми лентами. Она была средняго роста, худа и вертлява. Ходила она очень скоро и въ припрыжку; ея движенія были быстры и поражали своею неожиданностью.

Вѣра Васильевна, также худая, невысокая ростомъ и черноволосая, представляла однако разительный контрастъ съ нею. Видно было, что въ молодости она была очень красива. Въ ея блѣдномъ, желтоватомъ лицѣ, не было, какъ говорится, ни кровинки. Ея грустные зеленоватые глаза устремлялись неподвижно впередъ, когда она задумывалась. Въ эти минуты можно было угадать, что она пережила много черныхъ дней. Синеватая блѣдность ея губъ придавала рту строгое выраженіе. Окладъ лица былъ правильный, носъ тонкій и небольшой. Странно, что въ ея черныхъ какъ смоль волосахъ, гладко зачесанныхъ подъ гребенку, не пробивалось сѣдины. Движенія ея были обыкновенно сосредоточены и судорожны въ минуту раздраженія: по-

ходка ея была медленна и тверда. Костюмъ ея состоялъ изъ темнаго платья и длинной мантиліи или шали, приколотой золотою или черною булавкой. Для выѣзда она надѣвала кисейный чепецъ, обхватывавшій весь окладъ лица и обшитый кругомъ оборкою и дикою лентой.

Однако дни тянулись медленно за днями. Ихъ однообразіе нарушалось только посѣщеніями брата и сестеръ. Сестеръ отпускали къ намъ обыкновенно погостить на нѣсколько дней. Ихъ пріѣздъ и для насъ и для нихъ, былъ истиннымъ праздникомъ. Какъ ни горько текла ихъ жизнь, и какъ у насъ самихъ ни щемило сердце при мысли о нихъ, молодость брала свое. Наплакавшись вдоволь, мы принимались болтать безъ умолка и часто смѣялись по цѣлымъ часамъ, по поводу малѣйшей бездѣлицы. Вѣра Васильевна плакала съ нами и радовалась нашему безумному смѣху. Она горячо любила насъ, и одна знала всѣ закулисныя тайны нашего житья у близкой родственницы, о которой я уже упомянула.

На сколько было возможно, мы ихъ скрывали даже отъ брата, не желая класть ему напрасно этотъ камень на сердцѣ. Онъ могъ требовать и потребовалъ бы, чтобъ мы жили вмѣстѣ съ нимъ, но мы знали, съ какимъ ужасомъ семейство встрѣтитъ мысль, что четыре молоденькія дѣвушки останутся подъ покровительствомъ брата-студента и мы были такъ запуганы сценами, которыя предвидѣли, что боялись болѣе всего его заступничества и чувствовами сами, что парализировали бы невольно всѣ его усилія.

Послѣ обѣда Вѣра Васильевна уходила по обыкновенію въ свою комнату, но мы не давали ей рѣшительно заснуть. Она насъ выгоняла, смѣясь; но видя, что дѣлать нечего, покорялась своей судьбѣ. Мы усаживались около нея, и начинали самый задушевный разговоръ. А тутъ, глядишь, явится и братъ, любимецъ всего семейства, не исключая и моей бабушки, которая, ожидая его къ обѣду, не забывала никогда заказать, въ честь ему, бараній бокъ съ кашей и щи. Онъ одинъ заносилъ въ нашъ темный уголокъ извѣстія о томъ, что дѣлается въ обитаемомъ мірѣ, читалъ намъ еще въ рукописи только-что явившіяся стихотворенія, или какую-нибудь вновь вышедшую книгу, или разсказывалъ о тогдашнихъ, блестящихъ временахъ университета и только этимъ бесѣдамъ и вліянію брата мы обязаны нашимъ развитіемъ.

Вечеромъ начинались хлопоты о томъ, кого куда положить. Вѣра Васильевна приказывала приготовить постель на своемъ диванѣ для которой-нибудь изъ насъ, но мы всѣ приходили къ ней послѣ ужина, и совершали въ ея комнатѣ свой ночной туалетъ. Тутъ подымалась ужасная суматоха: кто искалъ свою кофту, кто ночной чепецъ, хохотали, бѣгали, падали на разбросанныя по-полу платья, и Вѣра Васильевна увѣряла, что она въ послѣдній разъ терпитъ у себя *такое безобразіе*, и что съ нами не успѣешь даже *лба перекрестить*.

Я припоминаю теперь маленькій эпизодъ, который не относится прямо къ нашему тогдашнему житью, но, какъ мнѣ кажется, не лишенъ интереса.

Разъ Надежда Васильевна, возвратившись съ прогулки, объявила бабушкѣ, что она встрѣтила у какой-то пріятельницы Марью Павловну Сурмину. «Что ты!» воскликнула бабушка.—«Какъ постарѣла!» продолжала Надежда Васильевна, «легко сказать: двадцать шесть лѣтъ не видались! Обо всѣхъ, разумѣется, распрашивала; да жаль, немного я ее видѣла.» — «Чтожъ, будетъ она къ намъ?»—«Какъ же! Завтра же поутру будетъ. Да вообразите: какъ я ей разсказала, что дѣти живутъ у насъ, такъ она сконфузилась и спросила, похожа ли которая-нибудь изъ нихъ на покойнаго брата. Вѣдь она была въ него очень влюблена,» продолжала она, обращаясь къ намъ, «а тутъ, какъ обѣщалась пріѣхать завтра, такъ стала ко мнѣ приступать, когда можетъ застать меня одну. Да что̀, говорю, за вздоръ, тебѣ и маменька и Вѣра очень обрадуются. Вижу, переминается: говоритъ, имъ сама очень рада буду, и съ твоими племянницами желала бы познакомиться, да только не теперь, а когда-нибудь въ другой разъ, а у самой слезы на глазахъ. Ну, говорю, поздравляю, разнѣжничалась, ты видно все такая же, какъ и была. Однако, дѣти, когда она завтра пріѣдетъ, дѣлать нечего, вы не показывайтесь. Elle a toujours été très étrange.»

И Надежда Васильевна начала разсказывать о томъ, какъ она выѣзжала и веселилась во время оно, какъ кто-то, *un homme si aimable*, ухаживалъ за ней, какъ она спросила у него разъ, играя въ *secrétaire*, почему онъ задумывается, какъ влюб-

ленный, и все проситъ молодыхъ дѣвушекъ погадать ему на трефовую даму, и онъ ей написалъ въ отвѣтъ:

«Надѣнь парикъ ты бѣлокурый,
Я съ дамой трефовой прощусь,
Изъ умной сдѣлайся ты дурой,
И я ужъ не влюблюсь,

и о томъ, какъ въ это самое время Марья Павловна мечтала о моемъ отцѣ. Да только она была что-то неловка и нехороша собой, и очень ему не нравилась. «Разъ привезла она мнѣ свой альбомъ, чтобъ я ей что-нибудь нарисовала, а ужъ я сейчасъ вижу, что ей совсѣмъ не того хочется, и стала къ вашему папенькѣ приступать, чтобъ онъ ей нѣсколько строкъ написалъ. Ни за что! Что̀ же я, говоритъ, буду къ ней писать, когда она мнѣ положительно не нравится. Ну, говорю, хоть что-нибудь. А, ну, какъ я что-то нибудь напишу, а ты будешь недовольна? Вздоръ, говорю, что̀ бы ты ни написалъ, все будетъ хорошо. Коли такъ, такъ пожалуй. Да возьми, да мнѣ насмѣхъ и напиши эпиграмму. Такъ я и обмерла, а онъ смѣется. Это, говоритъ, тебѣ урокъ: въ другой разъ не приступай съ ножомъ къ горлу, чтобъ я писалъ по заказу въ альбомахъ сентиментальныхъ дамъ. Дѣлать нечего, принуждена вырвать листокъ, а онъ на бѣду былъ исписанъ ея же рукой съ той стороны, такъ что она тотчасъ замѣтила. Ну ужъ, говорю, Marie извини, чернилами облила листъ, и вырѣзала его.»

Въ послѣдствіи мой отецъ, уже женившись, убѣдился, что любовь Марьи Павловны нисколько не походила на романическія вспышки сентиментальныхъ свѣтскихъ героинь. Онъ узналъ, что она живетъ чуть ли не въ бѣдности у какой-то отдаленной родственницы, и упорно отказывается отъ замужства, хотя не разъ имѣла случай сдѣлать выгодную партію. Съ тѣхъ поръ онъ всегда интересовался ею, но они уже не встрѣчались. Послѣ его кончины она пріѣзжала издалека поклониться его могилѣ.

На другой день Надежда Васильевна, въ ожиданіи Сурминой, возвратилась съ своей прогулки раньше обыкновеннаго и за обѣдомъ толковала о ея посѣщеніи. «Ну, ужъ, признаюсь, удивила меня Marie,» сказала она, «вообразите, маменька, вѣдь она какъ пріѣхала, велѣла себя прямо провести въ мою комнату, а я только-что домой пришла. У меня, говоритъ, до тебя есть просьба, Nadine, обѣщай сказать мнѣ то, что̀ я у тебя спрошу.—Что̀ такое? Разумѣется, скажу.—Помнишь, говоритъ, еще тогда, я тебѣ привезла мой альбомъ, и ты мнѣ его возвратила съ вырваннымъ листомъ. Онъ былъ мной исписанъ, и ты увѣряла, что облила его чернилами. Но я этому не повѣрила, потому что ты очень конфузилась, когда это мнѣ разсказывала. Мало ли чего ты не могла сказать тогда, а теперь все сказать можешь. Кто вырвалъ этотъ листъ и почему?—Экой, говорю, вздоръ какой! Хоть убей не помню, о чемъ ты говоришь; вѣдь ужъ этому около тридцати лѣтъ.»

Сурмина возвратилась опять черезъ нѣсколько дней, и пожелала насъ видѣть. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ разсказовъ, я много о ней думала, и мое воображеніе рисовало заранѣе ея образъ въ самыхъ симпатическихъ чертахъ, и можетъ-быть, благодаря этому произвольно-созданному образу, ея наружность поразила меня своею блѣдностью и безцвѣтностью. Марья Павловна смотрѣла очень пристально на насъ, и въ особенности на сестру, которой, какъ говорятъ, отецъ мой передалъ свой взглядъ. Потому ли, что мы глядѣли на нее съ заднею мыслію, дѣйствительно ли это было такъ, но намъ показалось, что ей съ нами неловко, такъ что мы не сблизились съ ней, а напротивъ того избѣгали случая стѣснять ее нашимъ присутствіемъ. Черезъ годъ она уѣхала обратно въ деревню, и вскорѣ мы узнали о ея кончинѣ.

Мы жили уже болѣе двухъ лѣтъ у моей бабушки, когда ее поразилъ страшный, неожиданный ударъ. Получили извѣстіе, что Борисъ Васильевичъ боленъ. Вѣра Васильевна рѣшилась тотчасъ ѣхать къ нему, и чтобы приготовить бабушку къ своему отъѣзду, который иначе напугалъ бы ее своею внезапностью и открылъ бы ей глаза на счетъ опасности, которую старались, по возможности, скрывать отъ нея, она начала говорить о томъ, что уже давно не видалась съ братомъ, и какъ бы кстати съѣздить къ нему теперь, пока ему не здоровится, тѣмъ болѣе что, зимній путь уже сталъ. «Почему же и не съѣздить,» сказала наконецъ бабушка, «поѣзжай съ Богомъ,» и Вѣра Васильевна поѣхала, поручая бабушку нашему попеченію.

Вскорѣ послѣ ея отъѣзда, мы получили отъ нея письмо слѣдующаго содержанія: «Надежды нѣтъ. Надо маменьку приготовить. Обо мнѣ не думайте: я на ногахъ.» Это извѣстіе тѣмъ болѣе поразило насъ, что хотя болѣзнь была опасна, но она могла, по словамъ медика, продлиться еще довольно долго. Тяжело было приготовлять бѣдную старушку къ потерѣ послѣдняго, нѣжно любимаго сына. Я говорю: послѣдняго, потому что на Льва Васильевича она не смотрѣла какъ на сына. Любить его она не могла, и признавалась въ этомъ съ ужасомъ. Но съ именемъ *Бореньки*, какъ она звала моего дядю до послѣдней минуты, соединялось для нея столько дорогихъ воспоминаній. Боренька! это было послѣднее слово, произнесенное ея мужемъ, который, умирая, какъ будто завѣщалъ ей свою страстную привязанность къ сыну. И какъ хорошъ былъ Боренька! Какъ онъ напоминалъ ей моего отца! Какъ онъ самъ былъ къ ней ласковъ и нѣженъ! Сколько разъ, бывъ еще ребенкомъ, онъ говорилъ ей, видя ея слезы: «Не плачьте, маменька; я скоро выросту, и тогда Левъ не посмѣетъ васъ обижать.» И надо было ее приготовить къ мысли, что можетъ быть, въ эту минуту Боренька зоветъ ее въ предсмертномъ бредѣ, или лежитъ уже блѣдный и холодный въ гробу!

Я слышала отъ многихъ, что нельзя *приготовить* человѣка къ несчастію. Что касается до меня, я

думаю, что его нельзя *помирить* съ несчастіемъ, но можно приготовить организмъ къ ожидающему его удару, то-есть, смягчить дѣйствіе слишкомъ внезапнаго потрясенія. Извѣстное количество яда причиняетъ внезапную смерть, но тоже количество, раздѣленное на нѣсколько пріемовъ, производитъ хроническую болѣзнь, съ которою человѣкъ можетъ еще долго прожить.

Мы посовѣтывались и рѣшили, что не надо успокоивать бабушку, или отдалять отъ нея мысль объ опасномъ положеніи моего дяди, и стали толковать о томъ, что къ сожалѣнію нельзя перевезти больнаго въ Москву, и что излѣченіе такой болѣзни трудно повѣрить уѣзднымъ медикамъ, и что вотъ сегодня письма не было, между тѣмъ какъ обыкновенно почта доставляетъ ихъ аккуратно. Ужъ не усилилась ли болѣзнь?

Тяжело было повторять эти заранѣе затверженныя рѣчи, съ цѣлью влить отраву въ душу бѣдной матери. Она слушала молча, но страшно было взглянуть на нее въ эти минуты; она блѣднѣла и старалась перемѣнить разговоръ.

—А я сегодня, дѣти, по вашей милости, то и дѣло просыпалась ночью, сказала она намъ однажды.—Чего вы вчера ни наговорили, и вѣдь все вздоръ. Эка важность какая, что письмо опоздало! Почемъ знать, можетъ оно и на почтѣ залежалось. — И она смотрѣла намъ прямо въ глаза, какимъ-то умоляющимъ взоромъ, и какъ будто бы упрашивая насъ отказаться отъ вчерашнихъ словъ.

— Да что вы все даромъ разстроиваетесь, родная, подхватила Надежда Васильевна, цѣлуя ея руки.—Такъ болтаютъ; сами не знаютъ что̀ говорятъ. Письма вѣкъ опаздываютъ, а болѣзнь брата самая пустая.

И она тутъ же распространилась на счетъ неаккуратности почты, и разсказала, какъ она слышала отъ одной пріятельницы, что у нея сосѣдъ занемогъ тою же самою болѣзнію и выздоровѣлъ безъ малѣйшаго пособія.

— И точно, Богъ милостивъ, сказала бабушка, выслушавъ ее. Какъ ты завтра, Наденька, пойдешь къ ранней обѣднѣ, такъ возьми мое заздравное поминанье, и просвирку вынь. Да нищимъ подай; деньги у меня лежатъ на столѣ.

— Слава Богу, что я ее хоть немножко успокоила, сказала Надежда Васильевна уходя въ свою комнату съ поминаньемъ и мелкими деньгами въ рукахъ.

— Скажите, ради Бога, тетенька, сказала я,— что̀ вы дѣлаете? Развѣ мы ее изъ удовольствія мучимъ? Не забудьте, что мы сегодня же ждемъ письма, и можно отгадать заранѣе каково будетъ его содержаніе. Развѣ мы не говорили, здѣсь же, съ вами, что надо ее приготовить къ этому удару, чтобъ ей дать возможность перенести его.

— Не знаю, милая; я тутъ не причемъ; вы говорили, вы и рѣшали какъ хотѣли. А я ее терзать не стану. По милости вашихъ приготовленій, я ужъ который день бѣгаю изъ дома; она такъ разстроена, что я ее просто видѣть не могу.

Теперь схожу къ тетенькѣ; она за мной прислала.

Надо сказать, что Вѣра Васильевна адресовала обыкновенно Лизаветѣ Андреевнѣ письма, которыя не должны были проходить черезъ бабушкины руки. Я одѣлась и пошла съ Надеждой Васильевной, чтобъ узнать, не получила ли старуха какихъ-нибудь извѣстій.

«Здорово!» сказала она, только что мы вошли: «письмо отъ Вѣры: она сюда ѣдетъ; все кончено.» Мы обѣ заплакали, я бросилась на шею тетки. «Что дѣлать! ужъ видно такъ угодно Богу,» сказала она, обнимая меня, и крестясь. Мы нѣсколько минутъ простояли молча. «А бабушка?» вымолвила я наконецъ.—«Я все на Бога надѣюсь, онъ ее подкрѣпитъ. Да когда же Вѣра будетъ? Гдѣ письмо?» Оно состояло изъ двухъ строкъ: «Онъ скончался вчера; похороны послѣ завтра. Приготовьте маменьку; я выѣду тотчасъ послѣ отпѣванія, и пріѣду съ задняго крыльца къ дѣтямъ во флигель.»

По числу, выставленному на письмѣ, мы разочли, что она должна быть въ Москвѣ въ тотъ же день.

«Хороша она бѣдная пріѣдетъ,» сказала Надежда Васильевна, утирая слёзы. «Вѣдь ужъ она себя вѣрно не пожалѣла; точно этимъ поможешь. Вѣра ни въ чемъ мѣры не знаетъ. Elle est trés déraisonable, ma chére.» Успокоившись немного, мы собрались домой. «Однако ты съ этимъ лицомъ не выдумай бабушкѣ показаться,» сказала мнѣ тетка. Сохрани Богъ объявить ей объ этомъ на ночь. Пусть она хоть уснетъ спокойно.»

Къ счастію была суббота, и бабушка собиралась ко всенощной, такъ что сестра и я, мы ее почти совсѣмъ не видали. Напившись чаю наскоро, изъ опасенія опоздать въ церковь, она уѣхала съ Надеждой Васильевной, а мы стали ходить по комнатѣ, прислушиваясь къ скрипу экипажей по замерзлой мостовой. Между тѣмъ Вѣра Васильевна пріѣхала къ своей теткѣ, только что мы съ ней простились, и остановилась у нея, разсчитывая, что еще свѣтло, и бабушка можетъ увидѣть ее, если она пріѣдетъ прямо домой. Только что дворникъ, карауливщій по ея приказанію у воротъ, объявилъ ей, что возокъ Марьи Андреевны проѣхалъ, она пришла къ намъ. Пока мы ходили съ сестрой взадъ и впередъ по комнатѣ, толкуя все объ одномъ, одна изъ горничныхъ вошла съ объявленіемъ, что «Вѣра Васильевна во *флигерь*,» и прибавила: «Ну, барышни, какъ онѣ исхудали! взглянуть на нихъ страшно!» Мы побѣжали къ ней.

Тетка моя, въ шубѣ и теплыхъ сапогахъ, сидѣла на диванѣ. Она не плакала, но дрожала всѣмъ тѣломъ. Когда мы къ ней подошли, она притянула насъ обѣихъ къ себѣ, крѣпко прижала къ своей груди, и громко зарыдала. Мы дали ей опомниться, потомъ раздѣли ее, и уложили въ постель, усѣлись у ея ногъ и дали ей высказать все, что накипѣло на ея наболѣвшемъ сердцѣ. Это ее немножко успокоило, тѣмъ болѣе, что съ минуты кончины моего дяди, она въ первый разъ видѣла около себя дружескія лица.

Явилась наконецъ и Надежда Васильевна, возвратившаяся съ бабушкой отъ всенощной. «Здравствуй, Вѣра,» сказала она обнимая свою сестру, со слезами на глазахъ: «ну что ты?»—«Ничего,» «отвѣчала та.»—Побереги ты себя, ради Бога, того и гляжу, что ты разнеможешься. Только этого недостаетъ. Ночуй здѣсь, а завтра увидимъ, что Богъ дастъ.»—«Тетенька,» сказала я, «мы думаемъ на всякій случай пригласить доктора.»—«И прекрасно. А вы обѣ не ходите къ ужину. Я скажу маменькѣ, что вы угорѣли, и лежите отъ головной боли.»

Она ушла, а мы долго толковали, и наконецъ улеглись спать. Но мы съ сестрой не скоро могли заснуть; что же касается моей бѣдной тетки, то она всю ночь не сомкнула глазъ.

Докторъ явился на другой день, пока бабушка была еще у обѣдни. Онъ на всякій случай запасся ланцетомъ, и велѣлъ намъ приготовить спирту и холодной воды. Мы всѣ сидѣли молча около стола и вздрогнули, когда бабушкинъ возокъ остановился у подъѣзда; нашъ слухъ былъ такъ напряженъ, что мы слышали, черезъ двойныя рамы, какъ лакей хлопнулъ дверцей и закричалъ: «отъѣзжай.»

Медлить было нечего, докторъ всталъ. «Пойдемте,» сказалъ онъ. Мы послѣдовали за нимъ. Но дошедши до сѣней, Вѣра Васильевна остановилась, и почти бѣгомъ возвратилась въ оставленную нами комнату, бросилась на колѣни передъ распятіемъ, и съ какимъ-то судорожнымъ движеніемъ при-

жала голову къ стоявшему передъ ней дивану. Мы остановились. Такъ прошло минуты двѣ: она встала и довольно твердымъ шагомъ послѣдовала за нами. Докторъ вошелъ съ нами въ чайную, гдѣ сидѣла бабушка Вѣра Васильевна остановилась за дверью.

— Я ѣхалъ мимо, и завернулъ сюда, чтобъ узнать объ васъ, Марья Андреевна, сказалъ докторъ.—Не получали ли вы извѣстій отъ Бориса Васильевича?

— Вѣдь письма часто опаздываютъ, отвѣчала она нетвердымъ голосомъ,—не хотите ли кофею?

— Что это вы точно разстроены? спросилъ онъ, не отвѣчая на ея вопросъ, — пожалуйте-ка ручку. Почта не опаздываетъ, продолжалъ онъ, щупая ея пульсъ,—и я вамъ скажу даже, что я получилъ извѣстіе отъ Вѣры Васильевны.—Бабушка страшно поблѣднѣла; онъ продолжалъ, не выпуская ея руки изъ своей: —Она пишетъ, что надежды мало, и я не беру на себя скрывать отъ васъ истину: болѣзни этого рода неизлѣчимы. Хорошаго нечего ждать.

По мѣрѣ того какъ онъ говорилъ, лицо бѣдной старушки совершенно искажалось: черты ея вытягивались, морщины становились глубже, взоръ тускнѣлъ, и черная тѣнь образовалась около глазъ; каждая минута отзывалась годами на этомъ измученномъ лицѣ. Докторъ заставилъ ее насильно проглотить нѣсколько капель воды. и намочилъ ей уксусомъ голову и виски.

— Марья Андреевна, сказалъ онъ наконецъ,— Вѣра Васильевна возвратилась.

Въ эту минуту моя тетка вошла, и остановилась, какъ окаменѣлая у двери. Бабушка обратила на нее свои мутные, сухіе глаза.

— Ахъ, Вѣра! Ахъ, Боже мой! проговорила она и всплеснула руками.

Вѣра Васильевна зарыдала, упала на колѣни передъ ней, и заключила ее въ свои объятія.

—Ахъ, какой ужасъ! какой ужасъ! повторила едва внятно старушка.

— Родная моя, говорила прерывающимся голосомъ Вѣра Васильевна,—голубушка моя, поберегите себя для насъ..

Но бабушка, казалось, ничего не слыхала. Она рыдала въ свою очередь, но глухимъ рыданіемъ, безъ слезъ.

— А какъ я молилась! промолвила она наконецъ, и сардоническая улыбка пробѣжала по ея блѣднымъ губамъ. Силы окончательно измѣнили ей: голова опустилась на грудь, глаза закрылись. Ее отнесли на постель. Мы не отходили отъ нея. Она пролежала молча цѣлый день, и только изрѣдка обращалась къ намъ съ вопросами: «Который часъ? скоро ли стемнѣетъ? Вѣра, ты здѣсь?» Вечеромъ Вѣра Васильевна предложила ей прочесть въ слухъ молитвы, которыя старушка привыкла съ дѣтства читать отходя ко сну. «Не надо,» отвѣчала она.—«Отчего же не надо, родная?» спросила моя тетка, цѣлуя ея руку. «Вѣдь я буду же читать ихъ для себя; ужъ лучше помолиться вмѣстѣ.» И не дожидаясь отвѣта, она вынула изъ стекляннаго шкапа съ образами

старинные святцы, и начала читать вслухъ канонъ ангелу хранителю. Когда она произнесла: *Всякихъ мя напастей свободи, и отъ печалей спаси...*

— Ни отъ чего не спасъ! прервала ее старушка. Голосъ моей тетки какъ будто оборвался. Она молча закрыла книгу и положила ее на мѣсто.

Наступило глубокое молчаніе.

— Ради Бога, дѣти, сказала вдругъ бабушка,— говорите что-нибудь, мнѣ страшно, когда молчатъ кругомъ меня.

Мы всю ночь не ложились, не гасили свѣчъ, и говорили безъ умолка все что приходило на умъ. Она иногда дремала подъ звукъ нашего говора. Поутру она встала изнеможеная, и сѣла въ кресло. Намъ казалось, что этому дню конца не будетъ. Вечеромъ никто не смѣлъ напомнить ей о молитвахъ. Мы опять просидѣли попеременно цѣлую ночь у ея постели. На слѣдующій день она пожелала сойдти внизъ. «Меня здѣсь что-то давитъ,» сказала она: «не знаю куда броситься. Можетъ легче будетъ, когда выйду изъ этихъ комнатъ.» Когда мы свели ее внизъ и усадили въ диванной, Вѣра Васильевна позвала меня въ свою комнату.

— Мнѣ кажется, что я съ ума сойду, сказала она,—ужъ не первое испытаніе намъ Богъ посылаетъ, и ни когда еще оно на нее такъ не дѣйствовало. Посмотри вѣдь она слезинки не проронила и не молится. Мнѣ страшно. Съѣзжу я къ отцу Алексѣю, она его всегда любила; что-то онъ посовѣтуетъ. Если она меня спроситъ, скажи, что я уснула.»

Черезъ часъ она возвратилась, и шепнула мнѣ на ухо, что отецъ Алексѣй сей часъ будетъ. Не прошло десяти минутъ, какъ онъ точно вошелъ въ комнату.

Отецъ Алексѣй былъ человѣкъ умный; онъ понималъ, что никакое краснорѣчіе не утѣшитъ разбитаго сердца матери, и пріѣхалъ съ тѣмъ только, чтобъ ей возвратить разбитое отчаяніемъ чувство вѣры, въ которомъ она привыкла искать облегченіе горю.

— Я узналъ о вашемъ несчастіи, сказалъ іеромонахъ, подходя къ моей бабушкѣ, и благословляя ее,—и пріѣхалъ васъ провѣдать. Ну что, какъ вы себя чувствуете?

— Мнѣ очень тяжело, отвѣчала она.

— Къ несчастію, никто не въ силахъ утѣшить васъ: вы найдете утѣшеніе только въ вѣрѣ. Скажите, вы молитесь? Она не отвѣчала; священникъ повторилъ свой вопросъ.

— Не могу, сказала она наконецъ, вполголоса.

— Ради Бога, началъ онъ опять,—не поддавайтесь этой слабости, не отнимайте сами у себя вашего единственнаго утѣшенія.

— Не могу... Во мнѣ точно что-то оборвется, когда я вздумаю, что на молитвѣ придется поминать его .. (голосъ ея задрожалъ, она остановилась) усопшимъ, произнесла она наконецъ съ усиліемъ.

— Это горькая дѣйствительность, и вы отъ нея не уйдете, сказалъ монахъ, качая медленно головой, — повѣрьте мнѣ, переломите себя, помяните его, чтобы не осиротѣла его могила безъ материнскихъ молитвъ.

— Не могу, повторила она, и закрыла лицо руками.

Онъ всталъ, и вышелъ молча въ залу, гдѣ велѣлъ все приготовить къ панихидѣ, облачился и возвратился къ намъ. Строгая красота монаха, его блѣдность, длинные его волосы, черная риза и золотой крестъ блестѣвшій на его груди придавали ему что-то торжественное.

—Мы хотимъ помолиться о вашемъ сынѣ, Марья Андреевна, сказалъ онъ твердымъ голосомъ,—и вы не можете ему отказать въ вашихъ молитвахъ. Пойдемте.

Она встала безмолвно, и робко какъ ребенокъ послѣдовала за нимъ. Панихида началась. Бабушка не молилась, и взоръ ея былъ упорно устремленъ на полъ, но когда священникъ произнесъ: »Упокой Господи, душу новопреставленнаго раба твоего болярина Бориса,» она вздрогнула, зарыдала и опустилась на колѣни.

Переломъ совершился; во все продолженіе панихиды она плакала и молилась. Когда ушелъ священникъ, мы увели ее на верхъ. Она легла въ совершенномъ изнеможеніи, и казалась покойнѣе.

— Вѣра, сказала она вдругъ слабымъ голосомъ —разскажи мнѣ, какъ все это было.

Вѣра Васильевна сѣла у ея ногъ, и начала свою грустную повѣсть, часто прерываемую слезами дочери и матери. Около полуночи бабушка заснула.

Она не оправилась отъ этого удара; хотя и не занемогла, но силы ея стали видимо ослабѣвать. Вѣра Васильевна ночевала у нея, и днемъ не оставляла ея почти ни на минуту. Иногда только, послѣ обѣда, когда бабушка засыпала, она уходила къ себѣ, и плакала на свободѣ, пока колокольчикъ старушки не возвѣщалъ, что она проснулась.

Тетка моя не почувствовала сгоряча, что она сама разнемогается; но не прошло мѣсяца, какъ она начала страдать не на шутку. Сонъ ея сталъ такъ тревоженъ, что изъ опасенія разбудить бабушку, она стала уходить на ночь въ свою комнату, и просыпалась иногда съ тѣмъ, что была не въ силахъ встать. Наконецъ докторъ объявилъ, что начинается нервная горячка.

Младшія сестры пріѣхали къ намъ, съ тѣмъ, чтобы ходить за больною. Насъ было четверо, но мы всѣ такого незавиднаго здоровья, что насъ часто не ставало на нее и на бабушку, требовавшую другаго рода попеченія и въ особенности постоянной бесѣды, которая бы насильственно отрывала ее отъ слишкомъ свѣжихъ еще воспоминаній. Надо сказать, что Надежда Васильевна помогала намъ, сколько могла; она даже измѣнила своимъ привычкамъ, сокращала постоянно утреннюю прогулку, и часто проводила вечера дома, чтобы посидѣть съ бабушкой.

Судьба послала намъ другую, еще болѣе дѣятельную помощь. Противъ насъ жило милое, доброе семейство, среди котораго Вѣра Васильевна нашла

еще смолоду истинныхъ друзей. Они постоянно дѣлили съ ней и радость и горе, были ей вѣрными спутниками въ жизни, и они же замѣнили насъ въ ея послѣднія минуты, и закрыли ей глаза. Ихъ имя нераздѣльно въ моемъ умѣ съ воспоминаніями о моей бѣдной теткѣ. Послѣ ея кончины, они перенесли на насъ неизмѣнное чувство, которое питали къ ней, и я счастлива, что могу заявить имъ теперь наше глубокое чувство благодарности и привязанности.

Сколько разъ сидѣли они съ нами ночью у постели больной и старались успокоить насъ, или раздѣляли наши опасенія. Моя бѣдная тетка жестоко страдала; ей все мерещился въ бреду ея умершій братъ, и она звала его съ глухимъ рыданіемъ или крикомъ. Наконецъ болѣзнь уступила усиліямъ науки. Вѣра Васильевна оправилась, и жизнь ея потекла повидимому своимъ обычнымъ чередомъ.

Но что касается до меня, я еще до сихъ поръ не могу хладнокровно вспомнить о моихъ бесѣдахъ съ ней. Она дѣлала надъ собой неимовѣрныя усилія, чтобы казаться спокойною передъ бабушкой, но дожидалась съ нетерпѣніемъ минуты, когда могла излить въ дружеской бесѣдѣ все горе, наполнявшее ея душу. Когда, послѣ ужина, я приходила въ ея комнату, она начинала говорить съ такою страстію обо всѣхъ пережитыхъ ею несчастіяхъ, словно она переживала ихъ снова, и плакала какъ надъ свѣжими могилами, говоря о могилахъ, надъ которыми пронеслись цѣлые десятки лѣтъ.

Въ это время мы получили письмо, которое сильно смутило все семейство. Левъ Васильевичъ прожился еще разъ, и возвращался въ Москву, съ тѣмъ, чтобъ искать мѣста. Разъ мы пришли по утру поздороваться съ бабушкой. Когда убрали чай, и мы всѣ встали, съ тѣмъ, что бы разойдтись по своимъ угламъ и дать ей помолиться. она меня остановила подъ какимъ-то пустымъ предлогомъ. «Послушай, Катя,» сказала она, когда мы остались вдвоемъ, «Вѣра собирается въ городъ; какъ она уѣдетъ, а Наденька пойдетъ гулять, приходи ко мнѣ. Мнѣ надо съ тобой переговорить, только имъ не сказывай»

Черезъ полчаса, когда я убѣдилась, что моихъ тетокъ не было дома, я вошла къ бабушкѣ Она стояла на колѣняхъ и молилась. При шумѣ моихъ шаговъ, она обернулась, и увидя меня, встала, заложила бумажкой псалтырь, который держала въ рукахъ, и взяла ключъ, лежавшій на столѣ. «Пойдемъ со мною,» сказала она. Мы вошли въ ея угольную комнату. Марья Андреевна отперла свое маленькое бюро, и обернулась ко мнѣ —«Послушай,» сказала она смущеннымъ голосомъ: «я вѣроятно не долго наживу...» она остановилась и замѣтно поблѣднѣла. Я чувствовала, что у меня слезы навернулись на глазахъ, и чтобы скрыть свое смущеніе, нагнулась къ ней, и поцѣловала ея руку. Она меня обняла. «Ради Бога, мой другъ,» продолжала она, «будь похладнокровнѣе: подумай, что и мнѣ самой объ этомъ говорить не легко; хоть жить и не весело, а никому умирать не

хочется. Я давно откладываю что̀ могу, на свои похороны: ужъ и такъ горя будетъ не мало, а тутъ еще бросайся во всѣ стороны за деньгами. Она выдвинула маленькій ящикъ, и показала мнѣ три свертка полуимперіяловъ. «Знай же, гдѣ они лежатъ,» продолжала она: «а вотъ еще портфель, серебро и кое-какія вещи. Обѣщай мнѣ, что ты это все приберешь къ себѣ, какъ только меня не станетъ. Ты знаешь, гдѣ у меня ключъ лежитъ; да спрячь тоже мои часы. Я просто не покойна, какъ вздумаю, что Левъ сюда ѣдетъ. Онъ тетенекъ кругомъ бы обобралъ, если бы могъ. Имъ разумѣется не до того будетъ, а ужъ ты, ради Бога, не плошай. «Она стала укладывать всѣ вещи по мѣстамъ, но вдругъ остановилась.—»Ахъ! если бы вмѣсто его я ждала Бореньку,» сказала она дрожащимъ отъ слезъ голосомъ. «Ну, теперь поди, мой другъ,» продолжала она немного помолчавъ и запирая бюро, «вѣдь я еще не домолилась.»

Я была очень смущена этимъ разговоромъ, и уходя отъ бабушки, задумалась и остановилась въ чайной. Минуты черезъ три я заглянула машинально въ сосѣднюю комнату: старушка стояла опять на колѣняхъ съ псалтыремъ въ рукахъ, и читала вполголоса свою молитву.

Левъ Васильевичъ оставилъ дальнюю провинцію, гдѣ свилъ было себѣ гнѣздо, и пріѣхалъ въ деревню къ своей старшей дочери, которая недавно вышла замужъ. Но не долго нажилъ онъ у нея; онъ рассорился съ зятемъ и явился въ Москву. Въ немъ начинала развиваться водяная. Его за-

бота о своемъ здоровьи доходила до неимовѣрныхъ мелочей, но онъ тщательно старался скрывать постоянное о немъ попеченіе, и терпѣть не могъ, чтобъ его распрашивали о болѣзни. «Это твои, что ли, капли, Левъ?» спрашивала иногда бабушка.—«Спасибо, что напомнили,» отвѣчалъ онъ, «вожу ихъ съ собою, а всегда забываю принимать.» А между тѣмъ, онъ то и дѣло смотрѣлъ на часы, чтобы не пропустить минуты принять капель. За обѣдомъ онъ постоянно отказывался отъ всего что̀ ему казалось жирнымъ или вообще нездоровымъ. «Да ты бы сказывалъ что̀ тебѣ готовить, если тебѣ докторъ не все позволяетъ,» замѣчала бабушка. — «Да, много я его слушаюсь нечего сказать. Не знаю, право, зачѣмъ я къ себѣ пускаю этого дурня (это было его любимое выраженіе): просто, ѣсть не хочется.» Если кто замѣчалъ, что онъ похудѣлъ, или не въ духѣ, и имѣлъ при томъ неосторожность спросить, хорошо ли онъ себя чувствуетъ, онъ отвѣчалъ принужденнымъ смѣхомъ, и пускался въ такія натянутыя шутки, что становилось неловко и больно его слушать. Чувствовалось невольно, что онъ старается скрыть отъ другихъ одолѣвавшій его страхъ, и обмануть себя на счетъ своего положенія.

Подъ вліяніемъ постоянно глодавшей его мысли, буйный его нравъ замѣтно смирился. Нужно было чѣмъ-нибудь особеннымъ вызвать его проявленіе, и уже тогда онъ бралъ свое. Люди не мѣняются: не измѣнился въ сущности и мой дядя; но тотъ,

кто довѣрился бы наружности, отказался бы признать въ немъ извѣстнаго ему, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Льва Васильевича. Левъ Васильевичъ не только уже не кощунствовалъ, но служилъ молебны, говѣлъ, вынималъ заздравныя просвиры, и носилъ на груди взятую съ мощей вату. Онъ сначала дѣлалъ все это въ глубокой тайнѣ, но скоро понялъ невозможность скрывать иныя вещи, и рѣшился объявить торжественно, что онъ *созналъ истину*. «Ужъ это видно Богъ на тебя оглянулся, Левъ,» сказала ему моя бабушка, и набожно перекрестилась. «Можетъ онъ, по своей милости, и болѣзнію тебя испыталъ, для того только чтобы ты къ нему обратился.»—«А можетъ быть дѣло гораздо проще,» отвѣчалъ онъ, стараясь скрыть подъ видомъ равнодушія, до чего его взбѣсила неловкая выходка старушки, «скучно стало дураку жить вѣкъ бобылемъ безъ отца и матери, безъ семьи и пріюта; вотъ и вспомнилъ онъ о Богѣ.» Бабушка оробѣла и замолчала, боясь вызвать какую-нибудь страшную сцену.

Разъ,—это случилось черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ пріѣзда моего дяди,—сестры гостили у насъ. Бабушка была за обѣдомъ очень въ духѣ, и къ чаю сошла по обыкновенію внизъ. Мнѣ не здоровилось, и я отправилась въ нашъ флигель, съ тѣмъ чтобы прилечь. Вдругъ послышались быстрые шаги, и испуганное лицо сестры Вари показалось въ дверяхъ. «Съ бабушкой ударъ,» сказала она дрожащимъ голосомъ, и скрылась опять. Я вскочила съ постели и побѣжала за ней.

Очевидно, что меня не вдругъ хватились Священникъ сидѣлъ уже въ залѣ. Въ домѣ шла страшная суматоха: люди бѣгали безъ цѣли изъ комнаты въ комнату. Въ гостиной, бабушка лежала на диванѣ, блѣдная, и безъ малѣйшаго признака жизни. Вѣра Васильевна стояла неподвижно у ея ногъ. Губы моей бѣдной тетки дрожали, взоръ былъ упорно устремленъ на мать: казалось, она не вполнѣ сознавала, что̀ дѣлалось около нея. Надежда Васильевна, вся въ слезахъ, суетилась совершенно безполезно, бросалась во всѣ углы, требовала холодной, воды чтобы помочить бабушкѣ голову, подушку чтобъ ее положить половчѣе, одѣяло, которымъ хотѣла одѣть ея ноги; но никто ее не слушалъ. Между тѣмъ докторъ стоялъ на колѣняхъ, и бинтовалъ надъ локтемъ руку больной. Наконецъ, онъ коснулся до нея ланцетомъ, и кровь брызнула. Тогда медикъ обтеръ инструментъ, обернулся къ намъ, и сказалъ вполголоса: «жива.»

—

VII.

Смерть.

И могилы межъ собой
Какъ испуганное стадо
Жмутся тѣсной чередой.

А. Пушкинъ.

Бабушка, пришедши въ себя, посмотрѣла на насъ съ удивленіемъ, и спросила слабымъ голосомъ, что̀ съ ней случилось. Ей отвѣчали, что съ ней былъ обморокъ, отъ котораго она скоро оправится, но что теперь ей необходимъ покой. Докторъ написалъ рецептъ, взялъ шляпу и вышелъ. Я послѣдовала за нимъ, чтобы распросить его о состояніи больной. Когда мы вышли въ залу, меня поразило какое-то еще незнакомое мнѣ, отвратительное выраженіе на лицѣ Льва Васильевича. Дядя мой ходилъ по комнатѣ, закинувъ руки назадъ, и видимо чего-то ждалъ. Какъ скоро мы показались въ дверяхъ, онъ ускорилъ шагъ, и подошелъ къ доктору. «Ну, что̀,» спросилъ онъ, «вѣдь дѣло кончено, не правда ли? Долго ли она

можетъ еще протянуть? Сутки? двое? вѣдь не больше?» Медикъ поглядѣлъ на него съ удивленіемъ. «Я теперь не могу ничего сказать,» отвѣчалъ онъ. «Надо ждать дѣйствія лѣкарства. Дай только Богъ, чтобъ она прожила нѣсколько дней; тогда увидимъ: но до тѣхъ поръ ни за что ручаться нельзя. Посудите сами, хотя она очень крѣпкаго сложенія (я единственно на это и расчитываю), но все-таки въ восемьдесятъ лѣтъ ударъ...»

—Восемьдесятъ три года, перебилъ его Левъ Васильевичъ, —восемьдесятъ три, батюшка. Такъ вы говорите нѣсколько дней. Увидимъ!

Докторъ вышелъ, а Левъ Васильевичъ обратился къ двери, ведущей въ переднюю, и крикнулъ:

—Ванька!

Въ дверяхъ показался молодой малый лѣтъ пятнадцати, котораго онъ на всякій случай привозилъ съ собой, когда пріѣзжалъ къ намъ на нѣсколько часовъ.

—Ванька, продолжалъ онъ, обращаясь къ мальчику, который стоялъ передъ нимъ на вытяжку.—Я здѣсь пробуду нѣсколько дней, отправляйся домой, и привези все, что̀ нужно; ты самъ знаешь. Осторожнѣй со спиртомъ, которымъ я натираюсь, и совѣтую ничего не забыть, прибавилъ онъ значительнымъ тономъ, и грозя медленно пальцемъ. Тутъ онъ посмотрѣлъ на часы, и сталъ глотать свои пилюли.

Левъ Васильевичъ поселился въ залѣ. Онъ сталъ командовать всѣмъ домомъ, и позволилъ себѣ въ

продолженіи этихъ нѣсколькихъ дней такія отвратительныя выходки, что я не рѣшаюсь ихъ описать. Я вспомнила о моемъ разговорѣ съ моею бѣдною бабушкой; она боялась, чтобъ онъ не воспользовался ея смертію какъ удобнымъ случаемъ обобрать тетокъ, но онъ такъ повелъ дѣла, что я начала опасаться, что онъ и смерти ея не станетъ дожидаться. Видно было, что и больную мучили какія-то неясныя, при ея слабости, опасенія. Она часто подзывала которую-нибудь изъ насъ, заставляла къ себѣ нагнуться, и спрашивала шепотомъ: «Левъ здѣсь? Вѣдь онъ и ночуетъ здѣсь?» Дрожь пробѣгала по мнѣ, когда мнѣ приходилось отвѣчать на эти вопросы. Къ несчастію, не было возможности успокоить бѣдную старушку. Нельзя же было ей сказать, что я догадываюсь о тайномъ опасеніи, котораго она не можетъ и не хочетъ сознать ясно, и что если ея дѣйствительно не станетъ, мы спасемъ отъ ея же сына скудное добро, которое она готовила дочерямъ.

Наконецъ, я рѣшилась преодолѣть непріятное чувство, которое овладѣвало мной; пошла наверхъ, выбрала изъ бабушкина бюро бумаги, вещи и отправила все къ добрымъ знакомымъ, оставивъ при себѣ только небольшую сумму на расходъ, и когда всѣ немного успокоились, сказала Вѣрѣ Васильевнѣ, что буду вести счеты, потому что ей не до того.

Черезъ нѣсколько дней, докторъ потребовалъ консиліума. Передъ пріѣздомъ медиковъ, Вѣра Васильевна, блѣдная и встревоженная. позвала меня

въ свою комнату. «Докторъ будетъ навѣрное говорить съ каждою изъ васъ откровеннѣе, нежели со мной,» сказала она: «дай мнѣ слово, что ты отъ меня ничего не скроешь. Какова бы ни была истина, я хочу ее знать.»

На консиліумѣ рѣшили единогласно, что бабушка не будетъ уже никогда владѣть ни рукой, ни ногой; вся правая сторона была разбита параличомъ. Но больная могла еще долго прожить въ этомъ грустномъ состояніи.

Послѣ отъѣзда медиковъ, я вошла къ Вѣрѣ Васильевнѣ. Она сидѣла неподвижно, опираясь локтемъ на столъ и поддерживая голову ладонью. Я взяла ея руку и поцѣловала ее. Она была холодна какъ ледъ. Моя бѣдная тетка поглядѣла мнѣ прямо въ глаза. «Ну, что?» спросила она. Я ей все передала; она заплакала. «И за это надо благодарить Бога,» сказала она: «я хуже ожидала; думала, что всему конецъ. Хоть жива будетъ».

Оставивъ ее, я пошла наверхъ къ Надеждѣ Васильевнѣ, и застала ее на колѣняхъ передъ образами. Увидя меня, она быстро заткнула уши, и сказала скороговоркой:

— Нѣтъ, ради Бога, если они что-нибудь страшное сказали, ты мнѣ не повторяй. Придетъ несчастіе, и такъ узнаю. Изъ чего себя мучить!

Я отдѣлила ея руки отъ ушей.

— За кого вы меня принимаете, тетенька, отвѣчала я.—Я бы не поторопилась къ вамъ съ плохою вѣстью. Доктора ручаются за жизнь бабушки...

— Слава Богу, промолвила Надежда Васильевна, и положила нѣсколько поклоновъ, потомъ встала и сказала мнѣ:—Теперь, благодаря Бога, я спокойна, и пойду погулять; можетъ даже зайду куда-нибудь. Вѣдь я носа почти не показывала на улицу всѣ эти дни.

Левъ Васильевичъ не могъ сдержать первой минуты досады, когда услышалъ мнѣніе медиковъ: «Есть чему радоваться», сказалъ онъ; «это значитъ, что она проживетъ ровно на столько, чтобы стать въ тягость и себѣ, и другимъ. Но во всякомъ случаѣ я въ сердобольныя не гожусь.» И онъ тутъ же приказалъ своему слугѣ перевозиться.

Но долго еще ничто не могло придти въ обыкновенный порядокъ. Обѣдали и спали, гдѣ попало. По ночамъ мы сидѣли обыкновенно по двѣ около больной. Я помню одну ночь, которая особенно врѣзалась въ моей памяти. Бабушка уснула и тяжело дышала; въ комнатѣ царствовалъ страшный безпорядокъ; на мебели валялись подушки и одѣяла. Столы были уставлены аптечными стклянками. Ночникъ, горѣвшій въ углу комнаты, освѣщалъ тускло всѣ предметы, и мѣрный бой стѣнныхъ часовъ наводилъ на душу невыносимое уныніе. Я сидѣла вдвоемъ съ Вѣрой Васильевной. Мы обмѣнялись вполголоса нѣсколькими словами, и замолкли. Должно-быть обстановка дѣйствовала на насъ одинаково. Моя тетка вдругъ обернулась ко мнѣ, и сказала отрывистымъ голосомъ: «Останови маятникъ: онъ тоску нагоняетъ.»

Черезъ часъ Надежда Васильевна явилась къ намъ на смѣну, и я думаю, что благодаря нѣсколькимъ сказаннымъ ею словамъ, эта ночь мнѣ такъ памятна. Не знаю, почему меня особенно поразила тогда разница характера, которую обнаруживали такъ рѣзко мои тетки, какъ въ серіозныхъ вещахъ, такъ и въ бездѣлицахъ.

— Что еще? спросила Надежда Васильевна съ безпокойствомъ.

— Ничего, все тоже, отвѣчала я.

— Признаюсь, я ужъ думала Богъ знаетъ что̀ случилось. Сидятъ обѣ, точно языки проглотили и лица вытянули. Да этакъ просто одурь возьметъ.

— Не до разговоровъ и не до веселыхъ лицъ, сказала Вѣра Васильевна.

— Ну ты и сиди и кисни; много этимъ поправишь дѣло. Однако подите спать, а ты разбуди которую-нибудь изъ сестеръ, продолжала она, обращаясь ко мнѣ,—я не намѣрена два часа битыхъ сидѣть молча какъ кукла. Да кто же это часы-то остановилъ? Какъ они бьютъ, такъ гораздо веселѣе.

И мы едва успѣли переступить черезъ порогъ, какъ въ нашихъ ушахъ раздался ненавистный тикъ-такъ маятника.

Наконецъ мы всѣ поняли, что тратимъ свои силы не въ пользу, а въ ущербъ больной: она требовала ухода, для котораго нуженъ былъ навыкъ: мы не умѣли ни повернуть, ни приподнять ее, не причиняя ей боли, и рѣшились пригласить сердо-

больную. Тогда все пришло въ обычный порядокъ. Даже Вѣра Васильевна возвратилась въ свою комнату; но она такъ отвыкла отъ покойнаго сна, что просыпалась по нѣскольку разъ въ ночь и приходила освѣдомляться о бабушкѣ.

Братъ мой женился, и взялъ на себя попеченіе о младшихъ сестрахъ. Онѣ простились наконецъ съ великолѣпнымъ домомъ, въ которомъ мы пролили столько слезъ, и вздохнули свободно. Вскорѣ потомъ Ольга вышла также замужъ. Мы отправились всею семьею въ каширское имѣніе, гдѣ должны были отпраздновать ея свадьбу, съ тѣмъ, чтобы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ возвратиться въ Москву и жить всѣмъ троимъ съ замужнею сестрой. Обстоятельства принуждали брата поселиться въ деревнѣ на неопредѣленное время, а бѣднымъ затворницамъ хотѣлось взглянуть на свѣтъ Божій. Вѣра Васильевна разсталась съ нами съ благословеніемъ и слезами, и получила отъ насъ обѣщаніе, что, по возвращеніи въ Москву, которая-нибудь изъ насъ будетъ постоянно гостить у нихъ. Надежда Васильевна потужила о томъ, что въ домѣ уже не будетъ такъ оживлено, а бабушкѣ сказали просто, что мы на свадьбу сестры ѣдемъ въ деревню, гдѣ проведемъ цѣлое лѣто.

Старушка была въ странномъ положеніи. Она говорила мало и рѣдко; мысли ея путались, какъ скоро рѣчь шла о вчерашнемъ днѣ, но лишь только заводили разговоръ о старинѣ, она оживлялась, начинала разсказывать слабымъ голосомъ о быломъ времени, и я не помню, чтобъ она ког-

да нибудь сбилась въ самой мелочной подробности.

Еще до болѣзни моей бабушки, съ ней познакомился, совершенно случайно, единственный молодой человѣкъ, котораго я видѣла въ домѣ. Онъ принадлежалъ къ мелкому дворянству. Жизнь его могла бы быть темой для самаго грустнаго романа. Его звали Андрей Платоновичъ Лиманскій. Когда онъ познакомился съ нами, онъ былъ одинъ въ мірѣ, безъ семьи и друзей, и привязался къ намъ со всею горячностію своей природы. Вѣру Васильевну онъ полюбилъ, какъ мать, а въ насъ онъ встрѣтилъ наконецъ отголосокъ своимъ молодымъ мечтаніямъ и порывамъ. Грустно мнѣ обернуться къ этому времени, и вспомнить сколько съ тѣхъ поръ воды утекло. Это

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.

Онъ полюбилъ меня. Вѣра Васильевна скоро замѣтила его чувство, и испугалась его, отчасти по предразсудку, а отчасти по самому простому расчету: при моихъ скромныхъ средствахъ, мнѣ предстояла бы трудная будущность съ человѣкомъ, который перебивался со дня на день. Но я успокоила ее однимъ словомъ: я не любила Лиманскаго.

Андрей Платоновичъ явился къ намъ въ деревню *для окончательнаго* со мной объясненія, которое однако кончилось, по обыкновенію, ничѣмъ. Я его спросила: предупредилъ ли онъ Вѣру Ва-

сильевну о своей поѣздкѣ къ намъ. «Нѣтъ,» отвѣчалъ онъ, «я зналъ, что она меня будетъ уговаривать не ѣздить, а я хотѣлъ непремѣнно пріѣхать. По моемъ возвращеніи, я ей все разскажу.»

Но я знала горячій нравъ моей тетки, очень дорожила ея привязанностію къ Лиманскому и не хотѣла его подвергнуть первой вспышкѣ ея гнѣва, послѣ котораго могъ послѣдовать между ними окончательный разрывъ. Я повѣрила откровенно мои опасенія Андрею Платоновичу, и мы рѣшили, что онъ отсрочитъ свой визитъ къ ней, чтобы дать ей время получить письмо, гдѣ я сама ей разскажу объ его посѣщеніи и постараюсь ее успокоить.

Но къ несчастію, это письмо до нея не дошло, и прежде чѣмъ я успѣла написать другое, Вѣра Васильевна узнала стороной, что Лиманскій былъ у насъ. Она вообразила тутъ же, что я не хотѣла ей признаться въ моихъ настоящихъ чувствахъ къ нему, и что мы вдвоемъ ее обманываемъ, и самымъ яснымъ для нея доказательствомъ служило то, что Андрей Платоновичъ къ ней не является, а я не пишу. Въ первую минуту она себя не вспомнила, выписала Лиманскаго, и осыпала его самыми оскорбительными упреками. «Если бы мущина себѣ позволилъ сказать мнѣ хоть половину того, что я отъ нея выслушалъ, писалъ онъ ко мнѣ, ничто на свѣтѣ не спасло бы его отъ меня. Прошу васъ передать это ей. Что касается до меня, я ее никогда не увижу.»

Отпустивши Лиманскаго, Вѣра Васильевна на-

писала къ брату письмо, которое онъ не рѣшился показать мнѣ, понимая, какъ глубоко оно огорчило и оскорбило бы меня. Онъ отвѣчалъ ей, что очень цѣнитъ ея расположеніе къ намъ, но проситъ ее не имѣть со мной никакихъ письменныхъ объясненій, пока она не успокоится.

Вѣра Васильевна поняла, что она зашла слишкомъ далеко; но такъ какъ письмо моего брата было написано довольно холодно, и не заключало въ себѣ никакихъ объясненій, то оно еще болѣе подтвердило ея догадки. Моя бѣдная тетка была такъ потрясена, что съ ней два раза начиналась нервная горячка, которую, къ счастію, перервали вовремя. Оправившись, она не увѣдомила насъ о своей болѣзни; но такъ какъ не могла и не желала прервать сношеній съ нами, то возобновила переписку, которая заключалась въ извѣстіяхъ о состояніи бабушки и въ распросахъ о насъ. Письма ея были адресованы ко всѣмъ вообще, и моего имени въ нихъ не встрѣчалось. Сестры на нихъ отвѣчали.

Однако это положеніе становилось для меня невыносимымъ. Я рѣшилась отправиться въ Москву, для объясненія съ Вѣрой Васильевной.

Я пріѣхала поутру и прошла прямо къ ней, готовясь заранѣе на довольно бурный разговоръ. Она стояла передъ столомъ и умывалась. Я остановилась въ дверяхъ, и мы обѣ заплакали; Вѣра Васильевна бросилась ко мнѣ, обняла меня своими мокрыми руками, и начала цѣловать. Она хотѣла что-то сказать, но слезы не позволяли ей

вымолвить ни слова. Когда она успокоилась, мы сѣли, и объясненіе продолжалось не болѣе пяти минутъ. Вѣра Васильевна кончила тѣмъ, что схватила мою руку и поцѣловала ее. «Ради Бога, говорила она, прости меня; это все мой скверный характеръ. Но вѣдь ты знаешь, какъ я тебя люблю.»

За такія минуты ей прощали все на свѣтѣ. Мы пошли къ бабушкѣ. Вѣра Васильевна оставила меня у дверей и съ сіяющемъ лицомъ объявила старушкѣ о моемъ пріѣздѣ.

Я пробыла нѣсколько дней въ Москвѣ. Тетка моя разсказывала мнѣ, что Левъ Васильевичъ, послѣ нашего отъѣзда, продолжалъ по прежнему къ нимъ ѣздить, но болѣзнь его приняла вдругъ неожиданный оборотъ. Онъ уже не могъ вставать, и объявилъ, что хочетъ лечь въ больницу. «Когда я узнала объ этомъ, продолжала Вѣра Васильевна, мнѣ стало страшно. Ты знаешь, что кромѣ самаго непріязненнаго чувства, я къ нему ничего не испытаю, и дышу свободно лишь когда онъ далеко. Но тутъ я не могла подумать хладнокровно, что онъ умретъ одинъ въ больницѣ, на рукахъ наемной сидѣлки. Доктора говорятъ, что онъ едва ли проживетъ еще мѣсяцъ. Я отправилась къ нему съ предложеніемъ переѣхать въ вашъ флигель. Онъ не согласился. Ему хочется непремѣнно, чтобы его одинокая смерть легла на насъ упрекомъ. Страшно подумать, что онъ, умирая, не можетъ отказаться отъ своей ненависти и злобы. Къ дочери онъ точно также отказался пере-

ѣхать: сердится на нее съ тѣхъ поръ, какъ поссорился съ ея мужемъ. А ты бы все-таки у него побывала.»

Наканунѣ моего отъѣзда, я поѣхала ко Льву Васильевичу, который лежалъ уже въ больницѣ. Сердце мое сжалось невольно, когда я вошла въ его маленькій, темный и почти пустой нумеръ. Все его убранство состояло изъ кровати, на которой онъ лежалъ, блѣдный и исхудалый, изъ двухъ крашеныхъ стульевъ и маленькаго столика, уставленнаго лѣкарствами. Тутъ умиралъ одиноко человѣкъ, который могъ бы быть окруженъ многочисленною семьей.

Когда я вошла, сидѣлка собиралась идти отъ него.

— Мнѣ теперь некогда, батюшка, сказала она, — тамъ у меня въ другомъ нумерѣ померъ одинъ, и я его еще не совсѣмъ собрала. Ужо и къ вамъ зайду, а вы не забудьте микстурку-то принять.

— Что это, ты точно нахмурилась! спросилъ меня Левъ Васильевичъ, когда мы остались вдвоемъ, — или тебѣ не нравится мой дворецъ? Напрасно; здѣсь чудо какъ хорошо!

— Скажите, пожалуста, дяденька, спросила я, подвигая стулъ и усаживаясь около его кровати, — отчего вы не согласились переѣхать въ нашъ флигель? Онъ пустой, и довольно просторенъ для одного; вамъ было бы въ немъ покойно.

— Мало ли гдѣ просторно и покойно, отвѣчалъ онъ, да видно просторъ и покой не про меня.

— Почему же такъ? Тетенька предлагала вамъ его. Наконецъ, если вамъ почему-нибудь тамъ

неудобно, ваша дочь была бы очень рада, если бы вы переѣхали къ ней, и ея мужъ готовъ отъ всей души помириться съ вами.

— Мать? дочь? что это за слова? Я ихъ не знаю. Я сынъ природы и дѣтей у меня нѣтъ. Пусть же всѣ знаютъ, что я жилъ бобылемъ и умру бобылемъ. А не читала ли ты этого? продолжалъ онъ, взявъ со стола книгу, которую онъ развернулъ передо мной.

Я отвѣчала отрицательно.

— Совѣтую прочесть. Славно написано. Съ какимъ мастерствомъ авторъ разсказываетъ о нравахъ обезьянъ! — И онъ пустился въ подробный разборъ книги.

Наконецъ я встала и собралась ѣхать. — Я съ вами прощаюсь не надолго, сказала я: — мѣсяца черезъ полтора мы всѣ будемъ въ Москву.

Онъ расхохотался какимъ-то неестественнымъ, принужденнымъ смѣхомъ. — Къ чему ты меня сказками-то угощаешь? спросилъ онъ, — вѣдь ты очень знаешь, что мнѣ полутора мѣсяца не прожить. Ну, прощай, своихъ поцѣлуй; да муфты-то не забудь.

Я вынесла отъ него самое тяжелое впечатлѣніе — На другой день я уѣхала въ деревню, а недѣли черезъ двѣ Вѣра Васильевна увѣдомила насъ о его кончинѣ, которую очень легко было скрыть отъ бабушки.

Когда мы возвратились въ Москву, то пріѣхали уже на приготовленную заранѣе квартиру. Бабушку мы застали все въ томъ же положеніи, и при

первомъ посѣщеніи сказали Вѣрѣ Васильевнѣ, что которая-нибудь изъ насъ пріѣдетъ къ нимъ погостить, какъ скоро мы устроимся дома.

Дня черезъ три она пріѣхала сама, и застала только меня одну.

—Мнѣ показалось, что я встрѣтила Андрея Платоновича у воротъ, спросила она,—развѣ онъ у васъ бываетъ?

—Разумѣется. Что онъ сдѣлалъ такого, что̀ бы дало намъ право отказать ему отъ дому? Мы съ нимъ, напротивъ, всѣ очень дружны.

—Все, что̀ онъ дѣлалъ, прекрасно, и вы можете дружиться съ нимъ, сколько вамъ угодно, отвѣчала она сердитымъ тономъ,—въ ваши же годы очень прилично дружиться съ двадцатипятилѣтнимъ мущиной и принимать его на короткой ногѣ, тѣмъ болѣе, что всѣ знаютъ, какого рода дружбу онъ къ тебѣ питаетъ: да это не мое дѣло. Но я его видѣть не хочу, и сдѣлай одолженіе, устрой такъ, чтобъ я его у васъ не встрѣчала.

—Это ничего не стоитъ, тетенька. Когда вы къ намъ пріѣдете, и онъ будетъ здѣсь, я его спрячу въ свою комнату. Если вы находите, что это прилично, то это можно сдѣлать очень легко.

Она не отвѣчала, и послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія встала и надѣла перчатки.

—Вы вѣрно пріѣхали съ тѣмъ, чтобъ увезти которую-нибудь изъ насъ, сказала я ей,—мнѣ ѣхать нельзя, потому что я еще не все устроила по хозяйству, но сестры свободны. Онѣ скоро возвратятся, и которая-нибудь изъ нихъ поѣдетъ съ вами.

—Мнѣ некогда ждать, сухо отвѣчала Вѣра Васильевна. Она поцѣловала меня очень холодно и уѣхала.

Два дня послѣ этой сцены, Лиманскій явился ко мнѣ съ сіяющимъ лицомъ.

—Отгадайте, съ кѣмъ я сейчасъ бесѣдовалъ? воскликнулъ онъ,—съ Вѣрой Васильевной.

—Это не шутка? спросила я, удивленная такою неожиданностью.

—Вчера, сказалъ Андрей Платоновичъ,—я получилъ отъ нея записку; она писала, что хотя и потеряла всякое право обращаться ко мнѣ за чѣмъ бы то ни было, и въ особенности звать меня къ себѣ, однако умоляетъ меня быть сегодня въ двѣнадцать часовъ у общей знакомой, которую она предупредила, что ей нужно переговорить со мной о дѣлѣ, но проситъ меня вамъ этого не сообщать. Тонъ записки таковъ, что я тутъ же почувствовалъ, что готовъ забыть все прошлое, и понялъ, что мы опять будемъ друзьями. Сегодня я явился въ назначенный часъ. Когда я вошелъ, хозяйка дома скрылась, а Вѣра Васильевна подошла ко мнѣ. «Я передъ вами такъ виновата,» сказала она, «что извиненія для меня быть не можетъ. Въ силахъ ли вы мнѣ простить?» Я былъ такъ разстроганъ, что взялъ ея руки и поцѣловалъ, но говорить не могъ. Вѣра Васильевна заплакала, и промолвила: «Какъ вы добры! Я этого никогда не забуду.» Мы пробесѣдовали часа два, и мнѣ кажется, что я никогда не любилъ ее такъ, какъ теперь.

Я была до того обрадована и тронута этимъ

расказомъ, что поѣхала ту же минуту къ бабушкѣ. Вѣра Васильевна сидѣла въ своей комнатѣ и что-то шила.

—Вы меня сегодня не ожидали, сказала я обнимая ее,—я пріѣхала васъ благодарить за вашу мировую съ Андреемъ Платоновичемъ.

Она отсторонила меня рукой, и сказала съ досадой:—Погоди пожалуста; ты всю мою работу смяла. Да что это ты прилетѣла за него благодарить? Влюблена ты что ли въ него?

Эта неожиданная выходка взбѣсила меня.—Если бы я была въ него влюблена, я бы этого не скрывала ни отъ него, ни отъ васъ, и была бы давно его женой. Но кажется, что я пріѣхала не вовремя. Зайду на минутку къ бабушкѣ, и уѣду. Прощайте.

Но я не успѣла дойдти до двери, какъ она меня позвала.

—Катя! сказала она такимъ мягкимъ голосомъ, что я невольно обернула голову. Вѣра Васильевна поманила меня пальцемъ, и когда я къ ней подошла, она притянула меня къ себѣ, и обвила свои руки около моей шеи.

—Не сердись на меня, ради Бога, говорила она.—Развѣ я не знаю, что я всѣхъ отталкиваю своею грубостію, а вы еще меня балуете, и все мнѣ съ рукъ сходитъ. Вотъ если бы ты теперь въ самомъ дѣлѣ уѣхала, прибавила она смѣясь,—такъ я бы въ другой разъ на тебя неогрызлась.

И не надобно забыть, что ей было за пятьдесятъ лѣтъ, и что она простодушно винилась передъ родившеюся на ея глазахъ двадцатитрехлѣтнею дѣвушкой, на которую она смотрѣла какъ на ребенка.

Лиманскій явился вечеромъ. Вѣра Васильевна обращалась съ нимъ очень радушно, и видимо искала всякаго случая быть съ нимъ какъ можно любезнѣе. Съ тѣхъ поръ между ними окончательно установилась неразрывная дружба, и мало-помалу дошла до того, что онъ выбралъ мою тетку въ повѣренные своихъ чувствъ ко мнѣ. Бѣдный другъ! И его могила обросла уже травой, но память о немъ не умретъ въ тѣсномъ кругу близкихъ ему людей.

Бабушка прожила три года послѣ своего удара, лежа недвижимо на томъ мѣстѣ, гдѣ ее разбилъ параличъ, не поднимая головы и слабѣя все болѣе и болѣе. Это состояніе не столько походило на жизнь, сколько на полусознательное прозябаніе. Вѣра Васильевна часто говорила мнѣ, обливаясь горькими слезами: «Я на нее уже не смотрю какъ на живую, и спрашиваю у себя каждое утро, просыпаясь, чѣмъ кончится день.» Иногда она садилась около нея и обнимала ея ноги.—«Это ты, Вѣра?» спрашивала больная едва слышнымъ голосомъ.—«Я, моя родная,» отвѣчала она, и старалась ее заинтересовать какою-нибудь новостью, или втянуть ее въ разговоръ о старинѣ. Но послѣ первыхъ словъ бабушка начинала дремать. Вѣра Васильевна смотрѣла грустно на нее, тихо удалялась, чтобы не потревожить ея сна, и утирала украдкой слезу.

Разъ она явилась къ намъ.

—Поѣдемъ, пожалуста, со мной, сказала она, —мнѣ что-то ужъ очень грустно эти дни.

—А что бабушка?

—Все тоже. Слаба по обыкновенію, но ни на что не жалуется.

Дорогой мы заѣхали въ магазинъ, чтобы купить чаю и лакомства для больной. Когда мы пріѣхали, она дремала. Мы сѣли на диванъ, и стали говорить вполголоса, между тѣмъ какъ Вѣра Васильевна раскладывала на тарелку привезенные нами бисквиты и всыпала чай въ хрустальную стклянку. Вдругъ сердобольная, сидѣвшая около кровати, встала и перекрестилась. Мы поняли, что старушка доживаетъ свои послѣднія минуты, встали также и опустились на колѣни. Она отрывисто вздохнула, и наступило страшное безмолвіе. потомъ еще вздохъ,—и это былъ послѣдній.

Вѣра Васильевна встала медленно, подошла къ матери, закрыла ей глаза, потомъ поцѣловала ея блѣдную руку, и вышла изъ комнаты.

Я была такъ поражена, что не смѣла шевельнуться. Наконецъ сердобольная подошла ко мнѣ. «Подите,» сказала она, «ихъ надо одѣть.» Я встала, пошла безъ цѣли по корридору, и встрѣтилась лицомъ къ лицу съ Надеждой Васильевной, которая возвращалась съ своей прогулки. «Что съ тобой?» спросила она, взглянувъ на меня. Только тутъ я опомнилась и заплакала. «Что маменька?» спросила она опять, и хотѣла идти дальше, не дожидаясь отвѣта. «Не ходите, нельзя,» говорила я, стараясь ее остановить. Она поняла, измѣнилась

въ лицѣ, и сбросила съ себя шубу. «Нѣтъ, пусти меня,» сказала она, между тѣмъ какъ слезы покатились по ея щекамъ, и она направилась къ бабушкиной спальнѣ; я пошла за ней, и остановилась въ дверяхъ.

Сердобольная сбрасывала одѣяло съ умершей; праздничное платье и чепецъ моей бѣдной бабушки, такъ долго заключенные въ комодѣ, лежали на столѣ. Горничная готовила воду.... Я въ первый разъ видѣла эти страшныя приготовленія, и сердце мое сильно сжалось. Надежда Васильевна подошла, стала на колѣни у кровати, и начала молиться. «Скорѣй,» сказала ей сердобольная. «намъ время дорого.» Минуты черезъ двѣ моя тетка встала, поцѣловала въ свою очередь руку умершей и вышла изъ спальни. Я затворила за ней двери. «Гдѣ Вѣра?» спросила она меня прерывающимся отъ слезъ голосомъ. Мы вошли въ комнату Вѣры Васильевны, но комната была пуста. «Посидите здѣсь, тетенька,» сказала я: «она можетъ наверху.» Но и наверху ея не было. Я обошла весь домъ и не нашла ее нигдѣ. Наконецъ я отворила дверь въ сѣни: Вѣра Васильевна, въ одномъ платьѣ, сидѣла на крыльцѣ, прислонясь головой къ притолкѣ отворенной двери. Глаза ея были сухи. Морозъ трещалъ на дворѣ, но казалось, она потеряла всякое сознаніе окружающаго ее міра. Я стала уговаривать ее войдти, но она не отвѣчала. «Надежда Васильевна васъ спрашиваетъ,» сказала я ей наконецъ. «Она бѣдная очень плачетъ; она тотчасъ хватилась васъ

безпокоится что васъ нѣтъ.» Она обернулась ко мнѣ; я повторила мои слова; тогда она встала и пошла за мной.

Когда мы вошли, Надежда Васильевна обняла сестру, которая поцѣловала ее, и зарыдала въ свою очередь. Мы всѣ сѣли и долго молчали. Вскорѣ меня стали вызывать за разными распоряженіями. Вѣра Васильевна вздрагивала каждый разъ, какъ горничная высовывала голову въ полурастворенную дверь, и говорила мнѣ: «Пожалуйте, барышня, мы не знаемъ какъ вы тамъ прикажете...» Наконецъ я должна была объявить моимъ бѣднымъ теткамъ, что священникъ сей часъ придетъ. Вѣра Васильевна закрыла судорожно лицо руками, Надежда Васильевна перекрестилась и обернулась къ сестрѣ.

— Послушай, Вѣра, сказала она,—гдѣ ты думаешь похоронить ее?

— Ради Бога, отвѣчала та,—рѣшите вы сами.

— Я думаю, что лучше всего въ А...мъ монастырѣ; она его очень любила.

Вѣра Васильевна обняла ее.—Какъ я рада, сказала она, что мы въ этомъ сошлись. Я очень боялась, что вы пожелаете ее положить рядомъ съ покойною бабушкою, а это такъ далеко отсюда! Но божусь вамъ, что я не позволила бы себѣ поперечить вамъ въ этомъ. Я и такъ много виновата передъ вами.

— Полно, Вѣра, отвѣчала Надежда Васильевна, цѣлуя ее,—вѣдь я знаю, что ты предобрая.

Брата моего не было въ Москвѣ, но я немедленно выписала сестеръ, дала знать о случившемся всѣмъ близкимъ знакомымъ, и домъ скоро наполнился посѣтителями, желавшими поклониться тѣлу бабушки и навѣстить ея дочерей. Горе моихъ тетокъ, необходимыя распоряженія, панихиды, пріѣзжіе, которыхъ нужно было принимать и провожать, совершенно утомили насъ, не говоря уже о томъ, что мы сами очень любили бабушку и плакали объ ней. Вечеромъ, когда всѣ разъѣхались, я едва стояла на ногахъ.

— Ложись, и усни, сказала мнѣ Вѣра Васильевна, — и я сей часъ лягу. Меня клонитъ сонъ. Скоро двѣнадцать часовъ.

Я принесла подушку на ея диванъ, легла полуодѣтая, и уснула въ ту же минуту. Когда я проснулась, свѣча горѣла на моемъ столѣ. Въ бабушкиной опустѣлой спальнѣ пробило два часа. Я тихо позвала Вѣру Васильевну... она не отвѣчала. Тогда я встала, и осторожно раздвинула ширмы; постель ея была пуста и даже не смята. Я взяла свѣчу съ тѣмъ, чтобъ идти въ залу, но признаюсь, когда я отворила дверь въ бабушкину комнату, мнѣ стало такъ страшно, что я захлопнула ее опять и обошла корридоромъ.

Дьячокъ читалъ заспаннымъ голосомъ псалтырь. По другую сторону тѣла, Вѣра Васильевна стояла на колѣнахъ, обернувшись ко мнѣ спиной, но по судорожному движенію ея плечъ видно было, что она сильно рыдала. Въ углу пять или шесть старушекъ, приголубленныхъ моею бабушкой и часто приживавшихъ у насъ, сидѣли группой на

полу, и толковали въ полголоса. Иныя вязали чулокъ (*). Нѣсколько тонкихъ восковыхъ свѣчъ, поставленныхъ въ серебряный церковный подсвѣчникъ, обтянутый чернымъ крепомъ, тускло освѣщали комнату. Я подошла къ Вѣрѣ Васильевнѣ и стала уговаривать ее пойдти отдохнуть, но на всѣ мои просьбы она отвѣчала сквозь слезы: «Нѣтъ, нѣтъ, я отъ нея не отойду.» Наконецъ, мнѣ удалось найдти аргументъ, который убѣдилъ ее. «Какъ бы вы себѣ не приготовили большаго горя,» сказала я ей, «вы знаете свое здоровье и если очень утомитесь, то сляжете и не попадете на похороны.» Эта мысль ее испугала. «Ну, пойдемъ, сказала она, я лягу.» Мы прошли бабушкиной комнатой. Вѣра Васильевна остановилась въ дверяхъ и окинула ее взоромъ. «Боже мой!» сказала она съ отчаяніемъ: «какъ пусто! какъ страшно!»

Я ее уложила и дала ей принять успокоительныхъ капель. Она долго плакала, и заснула только къ утру

Не буду описывать грустнаго обряда похоронъ, ни всего горя имъ вызваннаго. Эти хватающія за

(*) Въ старинныхъ домахъ можно видѣть еще этотъ извѣстный въ селахъ обычай. Женщины, въ особенности старушки, приходятъ ночью сидѣть въ комнатѣ, гдѣ стоитъ тѣло умершаго. Это не налагаетъ на нихъ обязанности молиться: онѣ по большей части бесѣдуютъ между собой и работаютъ. Я поинтересовалась узнать отъ нихъ цѣль ихъ ночнаго бдѣнія, и онѣ мнѣ отвѣчали: «Надо же покойника чѣмъ-нибудь уважить. Жаль его оставить одного, какъ сироту круглаго.»

душу сцены извѣстны всѣмъ. Наконецъ мы услышали, среди облачнаго дыма ладона, послѣдній возгласъ заупывнаго напѣва: «вѣчная, вѣчная, вѣчная память!» и бросивъ на свѣжую могилу послѣднюю горсть земли, поспѣшили возвратиться въ опустѣвшій, но уже убранный и приведенный въ порядокъ домъ. Собравшись въ комнатѣ Вѣры Васильевны, мы сидѣли молча, пока человѣкъ не доложилъ въ обычный часъ, что «кушать готово».

Вѣра Васильевна такъ давно привыкла смотрѣть на каждый новый день, какъ на послѣдній день жизни бабушки, она столько выстрадала въ продолженіи этихъ трехъ лѣтъ, что это спасло ея отъ порывовъ отчаянія, которые овладѣвали ею послѣ смерти Бориса Васильевича. Она много плакала, часто ѣздила на могилу матери, и долго не могла войдти безъ нервной дрожи въ комнату старушки, но горе ея было довольно тихо. Въ первое время она намъ часто говорила: «Что̀ я теперь буду дѣлать? У меня уже нѣтъ никакой заботы, не за кѣмъ ходить, не о комъ думать, не за кого даже страдать.» Но мало-по малу необходимость заставила ее приняться за дѣло. Хозяйство осталось по прежнему на ея рукахъ, потому что Надежда Васильевна была совершенно неспособна не только вести счеты, но и сдѣлать самое пустое распоряженіе.

Первое время послѣ кончины бабушки, сестры жили довольно ладно. Настоящаго сближенія между ними не было и быть не могло; но Вѣра Васильевна старалась, на сколько было возможно, укро-

тить себя. Къ тому же, горе ея было такъ еще свѣжо, что она не обращала вниманія на то, что оскорбило бы ее въ другое время. Но послѣ законныхъ шести недѣль, моя старшая тетка объявила, что надо сдѣлать визиты всѣмъ бывшимъ на похоронахъ бабушки, и сѣла въ карету съ такимъ наивнымъ удовольствіемъ, что Вѣра Васильевна невольно вспомнила о пунцовомъ платьѣ, замѣнившемъ когда-то ея трауръ.

Съ этой минуты стали быстро возстанавливаться не на долго измѣнившіяся отношенія. Пока моя бабушка была на ногахъ, мы видѣли, что все повиновалось ея слабой волѣ; во время ея болѣзни никому не приходило въ голову измѣнить заведенный ею порядокъ; но какъ скоро ее не стало, Надежда Васильевна поняла очень естественно, что ей не для кого себя стѣснять, и она не захотѣла повиноваться тому, что̀ она называла *пунктами помѣщательства Вѣры*, и требовала часто невозможныхъ въ хозяйствѣ измѣненій. Ея сестра пыталась ей доказать, что нѣтъ возможности исполнять иныхъ прихотей, что онѣ пожалуй дойдутъ до того, что не чѣмъ будетъ жить, и видя наконецъ, что все ея краснорѣчіе пропадаетъ, предлагала ей взять на себя распоряженія по хозяйству. Но Надежда Васильевна сознавала свою неспособность; кромѣ того, она боялась скуки подобнаго занятія и отказывалась на отрѣзъ. «Прекрасно», отвѣчала та, «но какъ скоро я буду этимъ завѣдывать, то знайте, что *сдѣлаю* какъ хочу.»—«Это не новость; ты, кажется, вѣкъ дѣлала какъ хочешь.» Тутъ завязывался споръ, и онѣ не рѣдко обмѣнивались оскорбительными словами, которыя, во время оно, сдерживались отчасти присутствіемъ бабушки.

Но не прошло двухъ лѣтъ послѣ ея кончины, какъ Надежда Васильевна стала жаловаться на свое здоровье, и доктора рѣшили, что у нея открылась болѣзнь, которая сведетъ ее быстро въ могилу. И дѣйствительно, она должна была запереться въ свою комнату и вскорѣ окончательно слегла.

Вѣра Васильевна была сильно поражена, и начала за ней ходить, не жалѣя своихъ истощенныхъ силъ. Ее мучила совѣсть; она старалась, сколько возможно, искупить свое обращеніе съ сестрой, и не отходила отъ нея по цѣлымъ ночамъ. Разъ мы сидѣли всѣ у больной; она дремала. Вѣра Васильевна пріютилась на скамеечкѣ у ея ногъ и долго на нее смотрѣла. Видно было, что ею овладѣло какое-то мучительное чувство. Наконецъ слезы ея брызнули, она нагнулась, поцѣловала руку сестры и быстро вышла изъ комнаты, чтобы скрыть свое смущеніе. Больная открыла глаза и позвала меня съ испугомъ.

—Что̀ такое? сказала она,—мнѣ показалось, что Вѣра поцѣловала мою руку. Неужели я такъ плоха, и скоро должна умереть?

Мнѣ стало невыносимо больно отъ этихъ словъ; я обняла ее и сѣла къ ней въ ноги.

—Какъ вамъ не стыдно, тетенька, говорить такія вещи? отвѣчала я, стараясь, на сколько возможно,

придать своему лицу веселое выраженіе, — развѣ вы ее не знаете? Она, по ея же словамъ, на всѣхъ *огрызается*, что̀ ей не мѣшаетъ быть предоброю и любить васъ искренно. Съ тѣхъ поръ, какъ вы больны, она сама не своя, и готова бы все отдать, чтобы васъ поскорѣе на ноги поставить, а какъ скоро вы будете на ногахъ, за ней дѣло не станетъ: она опять *огрызнется*. Если вы сомнѣваетесь въ моихъ словахъ, я могу за ней пойдти. Она въ себѣ твердо увѣрена, и подтвердитъ все, что̀ я сказала.

Обманутая моимъ тономъ, она разсмѣялась, и между нами завязался разговоръ. Не прошло получаса и она уже мнѣ разсказывала о своей молодости, и о томъ, какъ всѣ любовались ея черными волосами, и какъ одинъ изъ ея поклонниковъ прозвалъ ее *бархатною головкой*.

Она обманывалась до конца насчетъ своего грустнаго положенія, тѣмъ болѣе, что почти не страдала, но болѣзнь развивалась съ неимовѣрною быстротой. Всѣ усилія медиковъ оказались тщетными. Въ послѣднюю ночь, когда Вѣра Васильевна поняла, что смерть неумолимо беретъ свое, то бросилась, рыдая, на колѣни, обняла ноги своей сестры и умоляла, чтобъ она ее простила и благословила. Но Надежда Васильевна не слыхала уже ничего, и отвѣчала только несвязными словами предсмертнаго бреда...

Моя бѣдная тетка очень плакала и почти не отходила отъ тѣла умершей. Когда мы ее уговаривали отдохнуть немного, она отвѣчала: «Нѣтъ, оставьте меня, ради Бога, развѣ вы не видите,

что меня не горе убиваетъ, а совѣсть мучитъ. Я хочу ей отдать, по крайней мѣрѣ, этотъ послѣдній долгъ.»

Когда мы возвратились съ похоронъ, на нее больно было взглянуть. «Теперь настала, наконецъ, и моя очередь, сказала она, «мнѣ уже и переживать не кого.» Но она поняла, что эти слова могли сильно огорчить насъ, и прибавила: «Вы одни у меня остались, и знаете, что вы мнѣ всегда были гораздо дороже моей сестры, съ которою, къ несчастію, я не могла сблизиться; но я уже отжила свой вѣкъ, когда вы только-что начинали ползать; мнѣ съ вами не о чемъ вспомнить. Мы съ ней такъ мало походили другъ на друга, что у насъ не могло быть общихъ воспоминаній, это правда; но я только теперь сознаю, что одно ея присутствіе напоминало мнѣ обо всемъ томъ, что̀ мнѣ было дорого, и я же передъ ней кругомъ виновата; она была много добрѣе меня.»

Одиночество ее пугало. Когда ей надо было идти за чѣмъ-нибудь наверхъ, она всегда звала съ собой которую-нибудь изъ насъ. «Мнѣ страшно туда заглянуть,» говорила она, «и какъ-то легче, когда я вижу около себя живое лицо.»

Мы стали уговаривать ее оставить этотъ домъ, гдѣ она столько страдала, и поселиться у насъ или у брата, котораго она любила съ особенною нѣжностію; но она упорно отказывалась. «Этотъ домъ для меня совершенный гробъ, говорила она, но какъ мнѣ ни больно въ немъ жить, было бы еще больнѣе съ нимъ разстаться. Гостите у меня,

живите у меня, я буду этому очень рада. но оставьте меня здѣсь.»

Братъ мой пріѣхалъ изъ деревни, и мы надѣялись, что его увѣщанія на нее подѣйствуютъ, но она настояла на своемъ, и просила его только устроить ея дѣла. Онъ началъ съ того, что посовѣтовалъ ей измѣнить весь порядокъ хозяйства, основанный съ незапамятныхъ временъ на понятіяхъ черезъ-чуръ уже патріархальныхъ. Мы думали, что это предложеніе встрѣтитъ сильную оппозицію со стороны моей тетки, но къ великому нашему удивленію она согласилась немедленно. Дѣло въ томъ, что мы безсознательно имѣли на нее большое вліяніе. «Вѣдь я на васъ ворчу,» говорила она часто, смѣясь, «а вижу, что во многомъ вы правы, а я поступаю безтолково.» Она упорно спорила и заступалась за предразсудки, привитые съ дѣтства, но мало-по-малу уступала вліянію разумной мысли. Что касается до живаго чувства, она могла оскорбить его только въ минуту необдуманнаго порыва гнѣва, или повторяя твердо вытверженныя теоріи, которыя на дѣлѣ всегда забывались, благодаря горячности ея природы и добротѣ ея сердца. Но я должна сознаться, что отъ безсмысленныхъ привычекъ, съ которыми, повидимому, было бы легче сладить, она никакъ не могла отстать.

«Говори мнѣ только, какъ все устроить,» сказала она брату, «я на все согласна.» По его совѣту она собрала всю свою прислугу, и объявила, что оставитъ при себѣ, на извѣстныхъ условіяхъ, тѣхъ

изъ людей, которые пожелаютъ этого сами, а остальнымъ выдастъ паспорты. Они остались почти всѣ, и Вѣра Васильевна говорила съ тѣхъ поръ, что никогда еще они такъ усердно не служили.

Весной она собралась ѣхать съ нами въ деревню, но дѣла должны были задержать ее еще мѣсяца на полтора въ Москвѣ, и я перебралась къ ней, а сестры уѣхали впередъ.

Она отдала въ мое распоряженіе маленькую гостиную, гдѣ скончалась бабушка, и, благодаря нашей мебели, я измѣнила совершенно видъ комнаты. Вѣра Васильевна, какъ скоро она была свободна, приходила ко мнѣ съ работой, и мы разговаривали или я читала вслухъ. «Какъ ты здѣсь хорошо устроилась, Катя,» говорила она, «гдѣ ни сядешь, вездѣ столикъ, и все подъ рукой. Такъ уютно!» Я ей предложила убрать точно также и ея комнату, но она не согласилась. «Ни за что,» сказала она, «здѣсь очень хорошо, и я люблю быть у тебя въ гостяхъ, но у себя я не потерплю, чтобы кресла и столы торчали гдѣ попало. Имъ извѣстное мѣсто: стоятъ порядкомъ, около стѣнъ». —«Но вы сами говорите, тетенька, что если *не около стѣнъ и не порядкомъ*, то покойнѣе и лучше.»—«Ужъ ты тамъ разсуждай, какъ хочешь, а я буду дѣлать по своему. Ты знаешь, что я не упряма и вы успѣли меня во многомъ убѣдить, а тутъ не могу. Оно дѣйствительно покойнѣе, когда я сижу у тебя, а будь это моя комната, вѣришь ли, я бы просто измучилась. Привыкла къ другому. Посуди сама, изъ чего я буду себя ковер-

кать?» Она была права: ея резоны не допускали ни малѣйшаго противорѣчія.

Когда она покончила съ своими дѣлами, мы собрались въ путь. Она привыкла ѣздить *на своихъ*, и рѣшительно не могла помириться съ мыслію, что ей дорогой нечего будетъ хлопотать ни о лошадяхъ, ни о ночлегѣ, что не пойдетъ передъ нами обозъ, не поѣдетъ цѣлый полкъ людей, что мы выѣдемъ поутру и будемъ въ тотъ же вечеръ пить чай на нашей деревенской террасѣ, то-есть проѣдемъ въ нѣсколько часовъ сто слишкомъ верстъ.

Какъ я ее ни увѣряла, что на каждой станціи мы найдемъ порядочный обѣдъ, она забрала цѣлую корзину съѣстныхъ припасовъ на дорогу, и мы наконецъ покатились по тульскому шоссе. Какъ скоро подъѣзжали мы къ станціи, ямщики окружали насъ съ вопросомъ: тотчасъ ли закладывать?» Я спрашивала у Вѣры Васильевны, не желаетъ ли она отдохнуть, или что-нибудь съѣсть, но она почти постоянно отказывалась, и черезъ нѣсколько минутъ ямщикъ садился на козлы и погонялъ опять лошадей.

—Боже мой! говорила съ ужасомъ моя тетка, —точно отъ Французовъ мчимся!

—Если вы устали, тетенька, спрашивала я, —почему же вы не отдохнули на станціи?

—Я совсѣмъ не устала; но меня одно пугаетъ: какъ вы скоро привыкаете ко всякому безобразію! Лишь бы было покойно, а тамъ ничего знать не хотите. Ну скажи, ради Бога, кто насъ гонитъ?

Но я не пробовала съ ней спорить, вспоминая

о мебели моей комнаты. Дорогой мы напились чаю, и довезли нашу провизію не тронутою.

Вѣра Васильевна, избавленная отъ хозяйственныхъ распоряженій и домашнихъ заботъ, вздохнула у насъ свободно, и говорила, что ей давно не было такъ хорошо. Она уже много лѣтъ не была у насъ въ деревнѣ, и даже не выѣзжала изъ Москвы, и любила, гуляя, отыскивать знакомыя мѣста, и разсказывать намъ, какъ по этимъ садовымъ дорожкамъ она носила насъ на рукахъ. Потомъ мы поѣхали съ ней къ брату, который жилъ въ двухъ стахъ верстахъ отъ насъ. Тамъ все занимало ее, и новыя для нея мѣста, и прогулки, и въ особенности дѣти, къ которымъ она очень привязалась; она баловала ихъ и тѣшилась тѣмъ, что они ее называютъ бабушкой.

Въ слѣдующую весну она говорила съ удовольствіемъ, что будетъ у насъ опять гостить лѣтомъ. Какъ скоро снѣгъ сошелъ, мы поѣхали всѣ вмѣстѣ поклониться могиламъ бабушки и Надежды Васильевны, похороненной съ ней рядомъ. Явился на кладбище священникъ, давно уже знакомый со всѣмъ семействомъ, и моя тетка попросила его, по обыкновенію, отслужить панихиду. Мы вошли въ церковь, и служба началась. Вдругъ священникъ, поминая усопшихъ, назвалъ «боярыню Марію и дѣвицу Вѣру.» Во второй разъ онъ повторилъ ту же ошибку. Тогда я подошла и замѣтила ему вполголоса, что онъ сбивается въ именахъ. «Вамъ это послышалось,» сказалъ онъ, «какъ мнѣ ихъ не знать?» и въ третій разъ

громко произнесъ: «упокой, Господи, души усопшихъ рабъ твоихъ, боярыни Маріи и дѣвицы Вѣры.» Мы невольно переглянулись, но Вѣра Васильевна продолжала молиться, не оборачивая головы, и какъ будто ничего не замѣчая.

Это обстоятельство, неоспоримо ничтожное, если на него взглянуть серьозно, очень однако смутило насъ, и мы возвратились домой въ глубокомъ безмолвіи.

Дня черезъ два Вѣра Васильевна позвола меня въ свою комнату, и затворила за мной дверь.

—Послушай, Катя, сказала она, —я чувствую, что не долго наживу. Здоровье мое слабѣетъ, и намедни меня уже отпѣли на панихидѣ. Я знаю что тебѣ грустно это слышать, мой другъ, продолжала она,—но дай мнѣ, пожалуста, высказать все, что у меня на сердцѣ, и тогда я буду покойна. Я хочу писать свою духовную, но это не по твоей части. Твой братъ будетъ моимъ душеприкащикомъ, и я переговорю съ нимъ, а тебѣ я завѣщаю другое.

Тогда она передала мнѣ свою послѣднюю волю, просила, чтобъ ее похоронили съ медальйономъ, котораго она никогда не снимала и въ которомъ лежали волосы бабушки и Бориса Васильевича; потомъ обернулась къ портрету моего дяди.

—Обѣщай мнѣ, сказала она, —что если этотъ портретъ вамъ не особенно дорогъ, вы его сожжете. Мнѣ было бы больно думать, что онъ будетъ когда-нибудь служить простымъ украшеніемъ

комнаты. Я всегда смотрѣла на него какъ на мое единственное сокровище.

—А теперь, начала она опять, помолчавъ немного,—подумаемъ о томъ, какъ провести лѣто. Мнѣ хочется съѣздить въ Петербургъ, чтобъ помолиться на могилѣ моей бѣдной Наташи, и повидаться съ ея мужемъ. Вы между тѣмъ отправляйтесь въ деревню. Я къ вамъ явлюсь тотчасъ по возвращеніи изъ Петербурга, и мы поѣдемъ, какъ прошлаго года, къ брату. На обратномъ пути я погощу опять у васъ, потомъ ворочусь сюда, и буду васъ поджидать. Я хочу васъ всѣхъ объѣздить, мои друзья, со всѣми вами проститься, и благословить васъ, а тамъ—что Богъ дастъ.

Все исполнилось, какъ она желала. Въ деревнѣ она была совершенно довольна и спокойна, и уѣхала отъ насъ во второй половинѣ августа, говоря, что ей надо еще кое-что до дѣлать.

Недѣли черезъ двѣ она писала къ намъ, что она совершенно покойна, потому что справилась со всѣми дѣлами, но не совсѣмъ хорошо себя чувствуетъ. «Только, ради Бога,» продолжала она. «не подумайте Богъ знаетъ чего. Эта простая простуда. Полежу нѣсколько дней, и кончено. Я бы объ этомъ и не писала, еслибъ вы не взяли съ меня слова, что я напишу какъ только прихворну. Пока я была на ногахъ, то ходила каждый день къ К...мъ, а теперь онѣ то и дѣло у меня. Вотъ ужъ подлинно настоящіе друзья.»

Это письмо насъ нѣсколько не встревожило, тѣмъ болѣе, что съ своей стороны Лиманскій ус-

покоивалъ насъ. Но черезъ нѣсколько дней мы получили эстафету отъ К...хъ. Онѣ насъ увѣдомляли, что болѣзнь приняла вдругъ самый опасный характеръ, и что доктора не подаютъ никакой надежды.

Одна изъ моихъ сестеръ гостила у пріятельницы, жившей въ другой губерніи, другія сильно простудились отъ первыхъ осеннихъ холодовъ, и не выходили изъ комнаты. Я одна была свободна, и выѣхала немедленно.

Я пріѣхала въ Москву среди темной дождливой сентябрьской ночи. Когда ямщикъ снялъ шапку и перекрестился у заставы, мнѣ казалось, что я никогда не доѣду. Но наконецъ карета остановилась, я выглянула въ опущенное окно, ставни были затворены. Человѣкъ слѣзъ съ козелъ, и началъ стучать въ ворота. «Сей часъ,» прокричалъ протяжно со двора знакомый мнѣ голосъ дворника, и тяжелые шаги стали медленно приближаться. «Евдокимъ,» крикнула я, «что Вѣра Васильевна?»—«Померла,» отвѣчалъ онъ, и отворилъ настежъ ворота...

Мы раздѣлили между собой всѣ бездѣлушки, которыя были ей дороги, и сокровища хранившіяся въ красномъ сафьянномъ ящикѣ, но портрета Бориса Васильевича мы не рѣшились оставить у себя. Онъ находится въ хорошихъ рукахъ. На немъ останавливается часто, съ выраженіемъ нѣжной грусти, милый женскій взоръ, — взоръ, когда-то любимый *имъ*...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОПЕЧАТКИ:

На стр. 69. стр. сн. 12: напеч. *но все*, чит. *на все*,
На стр. 144. стр. св. 1: напеч. *она права*. чит. *она неправа*.